

**Министерство образования и науки
Республики Казахстан**

Комитет науки

**Институт философии, политологии
и религиоведения**

**КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
ЭТНОСОВ В КАЗАХСТАНЕ**

Алматы, 2020

УДК 323/324 (574)
ББК 66.3 (5 Каз.)
К 90

*Рекомендовано Ученым советом института философии,
политологии и религиоведения КН МОН РК*

Рецензенты:

М.С. Сабит, доктор философских наук, профессор
Б.М. Сатеришинов, доктор философских наук, профессор

Авторский коллектив:

Р.К. Кадыржанов (Введение, Раздел I., главы 1,2,3;
Раздел II, главы 2,3,4; Раздел III, глава 1),
Д.Д. Ешпанова (Раздел II, глава 1),
В.Б. Кадыржанова (Раздел II, глава 2),
Т.Т. Исмагамбетов (Раздел III, глава 2),
Н.Т. Абдыкаимова (Раздел II, глава 4),
Ф.Ж. Касенов (Раздел III, глава 3)

К 90 **Культурная интеграция этносов в Казахстане:** Коллективная монография / Кадыржанов Р.К. (отв. ред. и рук. науч. проекта). – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. – 220 с.

ISBN – 978-601-304-112-4

В книге исследуется актуальная и важная для Казахстана проблема культурной интеграции этносов. В национальном строительстве Казахстана культурная интеграция этносов на основе казахского языка и культуры играет решающую роль. В монографии изучаются основные формы и модели культурной интеграции этносов в Казахстане; анализируются этнические восприятия языковой ситуации и языковой политики Казахстана; изучаются исторические корни форм культурной интеграции этносов; рассматриваются социальные факторы этнокультурной интеграции. В книге проводятся сравнительные исследования этнокультурной интеграции Казахстана и ряда постсоветских стран.

Книга адресована политологическому экспертному сообществу, государственным органам, занимающимся национальной, культурной, языковой политикой Казахстана, преподавателям и студентам вузов, СМИ и институтам гражданского общества.

УДК 323/324 (574)
ББК 66.3 (5 Каз.)

ISBN – 978-601-304-112-4

© РГКП «Институт философии, политологии
и религиоведения» КН МОН РК, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Раздел I. Формы и модели культурной интеграции этносов в Казахстане	
Глава 1. Дуальная модель культурной интеграции этносов в контексте национальной интеграции в Казахстане.....	16
Глава 2. Национал-патриотическая модель культурно-языковой казахизации этносов в Казахстане.....	42
Глава 3. Русификаторская модель культурной интеграции этносов в Казахстане.....	60
Раздел II. Казахизация и русификация в Казахстане: этнические восприятия, исторические корни и социальные факторы	
Глава 1. Восприятия языковой ситуации и языковой политики этническими группами Казахстана.....	78
Глава 2. Русификация в советском и постсоветском Казахстане: интернационализм и казахско-русское двуязычие.....	100
Глава 3. Языковая казахизация и постсоветская этнодемографическая динамика: совместимы или нет?.....	124
Глава 4. Станет ли система образования фактором языковой казахизации в Казахстане?.....	140
Раздел III. Сравнительные исследования культурной интеграции этносов в Казахстане и постсоветских странах	
Глава 1. Русификация в Казахстане и Узбекистане в советский и постсоветский периоды.....	160
Глава 2. Сравнительный анализ национальной и языковой политики Кыргызской Республики и Республики Казахстан.....	178
Глава 3. Сравнительный анализ этнокультурной интеграции в Казахстане и Украине.....	195
Summary.....	209

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой результат выполнения научно-исследовательского проекта «Культурная интеграция этносов в Казахстане». Проект выполнялся в 2018-2020 гг. в Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК в рамках программы грантового финансирования Министерства образования и науки РК. Научный руководитель проекта, главный научный сотрудник ИФПР КН МОН РК, доктор философских наук, профессор Р.К. Кадыржанов.

Раскрывая вкратце важность темы культурной интеграции этносов в Казахстане, укажем на ту роль, которую культурная интеграция этносов играет в национальном строительстве не только Казахстана, но и любого полиэтнического общества. Важнейшим условием существования национального государства является культурно-языковая интеграция его населения, которое в современном мире представляет собой сложное многосоставное общество, состоящее из различающихся между собой языковых, культурных, религиозных и иных социальных групп. Но для того чтобы это сложное многообразие могло существовать и функционировать как единое национальное целое, в обществе должен быть один язык, который был бы понятен большинству граждан государства и тем самым интегрировал бы их в единое культурно-политическое сообщество, то есть нацию. Этот язык играет важнейшую роль в национальном строительстве и потому называется национальным языком.

С самого начала мы хотели бы прояснить взаимосвязь между понятиями «культура» и «язык», которые широко используются в данной работе. В самом деле, мы изучаем культурную интеграцию этносов, при этом акцентируем внимание на языке и языковых отношениях этнических групп. Несомненно, язык является частью культуры, при этом занимая особое место в составе культуры народа или нации. Без языка не могут существовать большинство видов культуры и искусства: литература, драма, театр, опера, песня, поэзия, кино и т.д. Язык является строительным материалом и в то же время фундаментом национальной культуры и нации в целом. Во многом язык и культура выступают как близкие по содержанию

понятия, употребляясь в одном контексте как синонимы. Культурное взаимодействие этносов в обществе, как правило, принимает форму языкового взаимодействия.

Культурная интеграция этносов в виде языкового взаимодействия этнических групп связана с отношениями доминирования и подчинения, в которые вступают этносы в процессе интеграции. Культурно-языковое доминирование в обществе этноса *A* над этносом *B* означает, что этнос *B* вынужден осваивать и пользоваться культурой и языком этноса *A*, чтобы иметь возможность жить и выживать в этом обществе. В этом случае в культурно-языковых отношениях этносов *A* и *B* мы определяем этнос *A* как доминирующий, а этнос *B* как подчиненный и интегрирующийся в этническую группу *A*.

Как правило, общим для национального сообщества, интегрирующим его языком является язык ядерной группы. Ядерная группа (по-английски *core group*) есть та часть нации, которая составляет ее ядро, то есть та группа, по имени которой получила название сама нация, а затем национальное государство. Ядерная группа составляет демографическое большинство в составе населения национального государства, и она исторически связана с территорией и самим государством, являясь его автохтонным населением. В советское время это население определялось как «коренной народ» национальной республики. В постсоветских условиях для ядерных групп более употребительными стали термины «титовая нация» или «государство-образующая нация». Эти термины широко употребляются в современном Казахстане для определения места казахов в национальном строительстве его полиэтнического населения.

Ядерной группой в национальном сообществе Казахстана, несомненно, являются казахи. Поэтому естественно было бы ожидать, что именно казахский язык является интегрирующим языком для полиэтнического населения Казахстана, то есть все этносы или, по крайней мере, их большинство должны говорить на казахском языке и использовать его для межэтнического общения. Но в реальности современного казахстанского общества это не так, на самом деле функцию языка межэтнического общения в Казахстане выполняет не казахский, а русский язык. Как и в советское время, русский язык остается языком межэтнического общения,

объединяя и интегрируя все этнические группы в казахстанском обществе.

Иностранцы, прибывающие в Казахстан, вполне естественно ожидают, что здесь все говорят на казахском языке. Однако с первых же шагов пребывания в Казахстане иностранцы с удивлением для себя обнаруживают, что все кругом говорят не на казахском, а на русском языке. Например, недавно побывавший в Казахстане канадец по возвращении домой с удивлением поведал, что казахи похожи на китайцев, но говорят по-русски, так же как и другие национальности страны.

В терминах теории социальной интеграции ситуация в Казахстане может быть описана так, что здесь культурно-языковая интеграция полиэтнического общества происходит не на языке главной, или ядерной, группы, каковой являются казахи и их казахский язык, а на языке бывшего государства, в состав которого они входили. Этот язык, то есть русский язык, не является для казахов родным, поскольку у них есть собственный язык, доставшийся им от предков, и относящийся к кипчакской группе тюркских языков. Но для того чтобы общаться с другими этносами страны казахи вынуждены говорить на русском языке и быть, таким образом, двуязычными гражданами, тогда как русским и другим русскоязычным этносам (украинцы, белорусы, немцы, корейцы, татары и многие другие национальности) достаточно знать только лишь русский язык и оставаться моноязычными.

Обычно в национальных государствах языковая ситуация выглядит с точностью наоборот, то есть ядерная группа является моноязычной, довольствуясь своим языком как общим для всех этносов, интегрирующих их языком, тогда как национальные меньшинства, как правило, говорят на двух языках, а именно, на своем языке и на доминирующем в обществе языке ядерной группы. Зная это, казахи испытывают фрустрацию, почему их язык, будучи языком ядерной группы, не может стать интегрирующим полиэтническое общество языком, а в этом качестве выступает язык этноса, который теперь стал национальным меньшинством.

Казалось, что Казахстан, став национальным государством, а казахи его ядерной, демографически доминирующей группой, закономерно превратят свой язык в общий, интегрирующий все этносы язык. Иначе говоря, казахский язык станет выполнять в

полиэтническом обществе ту же роль, которую в советское время выполнял русский язык, а в постсоветских государствах языки их титульных наций. Однако, несмотря на все усилия государства по продвижению казахского, государственного языка, чтобы все этносы страны говорили на нем, национальные меньшинства, да и многие казахи продолжают, как и в советское время, использовать русский язык в вербальной и письменной коммуникации.

В советское время у казахов было больше оснований для фрустрации, потому что кроме доминирования русского языка и периферийности казахского языка русские в течение нескольких десятилетий, кроме 1980-х годов, были демографическим большинством, а казахи были вторым по численности народом в «своей» республике. Нередко, кстати, ведущее положение русского языка в советском Казахстане и русификация казахов объяснялись демографическим превалярованием русских над казахами. Двойное доминирование, демографическое и языковое, русских порождало у казахов сомнения, можно ли считать Казахскую ССР «их» национальной государственностью, даже если советская союзная республика была во многом условной формой этой государственности.

Произошедшие в период независимости демографические изменения, когда казахи стали абсолютным большинством населения, утвердив себя как ядерная группа, казалось бы, сняли сомнения советского времени, то есть Казахстан однозначно признается как национальное государство казахов. Однако сохраняющееся доминирование русского языка оставляет место для каких-то сомнений в этом. Тем более что доля казахов в населении Казахстана из года в год растет и по оценкам экспертов близка к уровню 70%. Это достаточно высокий уровень демографического доминирования ядерной группы в населении страны, который показывает, что ее доля более чем в два раза превышает общий процент всех остальных этносов вместе взятых. При этом язык ядерной группы, составляющей большинство почти во всех регионах Казахстана и обладающего конституционным статусом государственного языка, уже три десятилетия не может стать доминирующим языком в стране. Эта ситуация, конечно, бьет по самолюбию нации, которая рассматривает себя как ядерную, или государство-образующую, нацию в Казахстане.

Сложившаяся в Казахстане культурно-языковая ситуация характерна для постсоветского периода и уходит своими историческими корнями в советское прошлое. Все советские народы прошли через национально-русское двуязычие, которое было направлено на то, чтобы национальные меньшинства овладевали русским языком и превращались в *homo sovieticus*. Однако большинство титульных советских наций сумели избежать русификации, сохранив в своих рядах свой язык. Это позволило им в постсоветский период обеспечить доминирование титульного языка в своих независимых государствах.

Сложившаяся в советском Казахстане культурно-языковая ситуация в плане двуязычия оказалась ближе к славянским республикам (Белоруссия и Украина), чем к неславянским республикам. Титульные нации этих трех республик характеризовались высоким уровнем русификации. Казахи оказались одной из самых русифицированных неславянских наций. Постсоветское развитие указанных трех республик и их титульных народов продемонстрировало глубокое укоренение сложившихся в советский период культурно-языковых процессов, прежде всего, русификации. В Казахстане политика власти по казахизации социально-культурных процессов не может существенно изменить сложившийся языковой баланс.

Конечно, большинство казахов верит в то, что рано или поздно все полиэтничное население Казахстана будет говорить на казахском языке, произойдет культурная интеграция этносов вокруг казахского языка и Казахстан станет полноценным национальным государством казахов. Однако перспективы замены русского языка казахским в качестве основы культурной интеграции этносов в Казахстане выглядят неочевидными: имеются доводы как в пользу такого утверждения, так и доводы против подобного утверждения.

Проблема культурной интеграции этносов имеет большое значение для понимания национального и культурно-языкового развития Казахстана в его прошлом, настоящем и будущем. В настоящее время культурная интеграция этносов представляет языковую ситуацию в Казахстане в достаточно парадоксальном с точки зрения практики национального строительства виде. Практика национального строительства указывает, что язык ядерной группы является интегрирующим национальные меньшинства инструментом.

Однако, вопреки сложившейся практике, национальное строительство в независимом Казахстане демонстрирует, что казахский язык как язык ядерной нации не выполняет интегрирующей функции, а эту функцию выполняет русский язык.

Социально-исторические корни этой ситуации уходят в прошлое, в советский период Казахстана, когда произошла русификация казахов вследствие политики двуязычия. Влияние этой политики на культурно-языковую интеграцию этносов в Казахстане оказалось столь сильным, что русский язык продолжает доминировать в полиэтническом обществе и сегодня, а казахский язык, несмотря на определенный прогресс в распространении среди казахов, не может занять положение ведущего средства межэтнического общения.

Наконец, третье временное измерение – будущее – ставит перед исследователями культурной интеграции этносов в Казахстане вопрос: приведет ли культурно-языковое развитие страны к такому положению, когда Казахстан станет «нормальным» в смысле этнокультурной интеграции обществом, то есть казахский язык станет общим, интегрирующим все этносы языком? Или же Казахстан останется исключением из правила, согласно которому язык ядерной группы является интегрирующим полиэтническое сообщество языком и в нем эту роль выполняет другой язык?

В нашей книге мы исследуем проблему культурной интеграции этносов в Казахстане в ее настоящем и прошлом измерениях. Только настоящее и прошлое дают научному анализу возможность изучения социальных процессов и институтов на основе их исторического развития во времени и пространстве.

Книга состоит из трех разделов, которые в свою очередь разделены на главы. В первом разделе «Формы и модели культурной интеграции этносов в Казахстане» рассматриваются две основные формы этнокультурной интеграции – казахизация и русификация. Наряду с формами мы рассмотрим модели культурной интеграции этносов в Казахстане. Эти модели являются способами реализации форм культурной интеграции определенными социально-политическими силами, выступающими как представители и защитники интересов основных этносов Казахстана.

Анализ национального строительства в Казахстане показывает существование трех основных моделей культурной интеграции как

способов выражения этнокультурных интересов казахов, русских и других этносов Казахстана. Первая из этих моделей может быть определена как «дуальная модель», поскольку она основана на поддержке культурно-языковых интересов основных этносов Казахстана – казахов и русских. Эта модель рассматривается в первой главе «Дуальная модель культурной интеграции этносов в контексте национальной интеграции в Казахстане». Эта модель имеет плюральный характер в том смысле, что она отражает интересы не одного, а обоих основных этносов страны. Она реализуется властью и служит основой ее политики культурной интеграции. Смысл ее состоит в приоритете казахского языка и культуры, но в то же время в поддержке русского языка и языков и культур других этносов страны. Во многом это продолжение советской национально-культурной политики, но с ее помощью власть добивается легитимности и межэтнической стабильности в полиэтническом обществе.

Во второй главе «Национал-патриотическая модель культурно-языковой казахизации этносов в Казахстане» первого раздела книги рассматривается вторая модель культурной интеграции этносов в Казахстане. Для казахских элит казахизация в аспекте культурной интеграции означает доминирование казахского языка и культуры над остальными языками и культурами Казахстана. В таком смысле казахская нация должна стать доминирующей, господствующей в Казахстане, тогда как все остальные, включая русских, окажутся в положении подчиненных групп. Казахские элиты берут пример с тех постсоветских государств, где имеет место доминирование языка и культуры титульной группы. Отстаивая свои позиции в спорных вопросах этнокультурной интеграции, казахские национал-патриоты исходят из того, что Казахстан является казахским национальным государством. Поэтому оно должно быть «политической крышей» для развития казахского языка и культуры и, следовательно, казахского народа. В вопросах этнокультурной интеграции полиэтнического населения это означает, что государство должно проводить политику, направленную на доминирование казахского языка и культуры в культурно-языковом пространстве Казахстана. С этой целью государство приняло закон о языках и другие законы, направленные на доминирование казахского языка в культурно-языковом пространстве Казахстана. Казахские элиты критикуют власть и ее политику культурной

интеграции за низкие темпы казахизации и за большие уступки русскому языку и культуре. В разделе исследуются основные элементы мононациональной модели, ее идеологические основания и институциональные способы продвижения этой модели.

Как реакция на дуальную казахско-русскую модель правящей элиты и мононациональную модель культурной ассимиляции казахских национал-патриотов можно рассматривать консервативно-реставрационную по своей направленности русификаторскую модель культурной интеграции этносов, выдвигаемую русско-славянскими и казачьими организациями Казахстана. Русские организации обвиняют власть и казахские элиты в этнократии, в принижении статуса русского языка и стремлении сократить сферы его применения. Они выступают за придание русскому языку статуса второго государственного языка, восстановление российско-советских символов и другие меры консервативного характера как способ демократизации общества и политической системы в Казахстане. Рассматривая реакции казахстанских русских на независимый Казахстан и его национальную политику на протяжении тридцати лет с точки зрения известной формулы “exit, voice, loyalty” («выход, голос, лояльность») мы можем заключить, что наиболее популярными из них являются «выход» и «лояльность». К реакции «голос» прибегает меньшинство. В 1990 гг. к ней обращались большее число казахстанских русских, объединенных как в организации, так и на индивидуальной основе. Со временем, по мере укрепления авторитарного режима в Казахстане, к этой реакции обращаются все меньшее число русских. Рассматриваемая нами русификаторская модель сформировалась и существует в рамках реакции «голос», то есть в рамках протестной активности русских организаций.

Второй раздел книги «Казахизация и русификация в Казахстане: этнические восприятия, исторические корни и социальные факторы» посвящен различным аспектам современной языковой ситуации в стране, а также историческим причинам доминирования русского языка в Казахстане. В первой главе этого раздела «Восприятия языковой ситуации и языковой политики этническими группами Казахстана» анализируются данные социологических исследований по восприятию казахами, русскими и другими этносами государственной языковой политики и сложившейся в

стране языковой ситуации. Результаты массового социологического опроса подтверждают эмпирически наблюдаемое доминирование русского языка в общественных местах (в магазинах, на транспорте и т.д.), государственных учреждениях по обслуживанию населения (поликлиники, ЦОН и т.д.), на рабочем месте. При этом казахи, как показывают результаты опроса и как мы видим это в жизни, являются двуязычными, используя в социальном пространстве казахский и русский языки, а русские и большинство других этносов остаются моноязычными со знанием только русского языка. Даже в семье значительная доля казахов пользуется в общении казахским и русским языками, тогда как русские и другие этносы общаются преимущественно на русском языке. Такое положение в языковой практике находит свое отражение и в отношении полиэтнического населения к государственной языковой политике. С одной стороны, большинство казахстанцев считает правильной политику государства поддержки казахского и русского языков. С другой стороны, большинство казахов поддерживает меры государства по распространению казахского языка в обществе, тогда как русские и другие этносы в целом не поддерживают эти меры.

Во второй главе второго раздела книги «Русификация в советском и постсоветском Казахстане: интернационализм и казахско-русское двуязычие» исторические корни русификации в Казахстане связываются с советской национальной политикой интернационализма и казахско-русского двуязычия. Советская политика интернационализма и этно-территориального федерализма способствовала развитию казахского языка, но только в сельской местности, где преобладало казахское население, в экономической деятельности которого сохранялись элементы традиционного образа жизни. Это способствовало сохранению казахского языка в ауле, сельской местности, где кроме казахов практически не было других национальностей, и потому не было их влияния на языковую практику сельских казахов. Интернационализм и двуязычие оказались эффективными в плане русификации казахов в городах, где казахи были в меньшинстве и находились в постоянном межэтническом конфликте с демографически доминировавшими русскими и другими русскоязычными этносами. Хотя казахи, как и другие советские национальности, характеризовались как двуязычные, однако, среди них преобладали те, кого можно было отнести к асси-

милированной двуязычной категории. В языковом репертуаре членов этой группы русский язык доминировал над национальным языком, способствуя их русификации. В постсоветском казахско-русском двуязычии сохраняется высокая доля городских казахов с сохраняющимся ассимилированным билингвизмом. Это способствует сохранению русификации казахов и других этносов Казахстана.

В третьей главе второго раздела книги «Языковая казахизация и постсоветская этнодемографическая динамика: совместимы или нет?» в определенной мере продолжается дискуссия о влиянии социальных и политических факторов советского времени на языковую ситуацию в современном Казахстане. Здесь, однако, внимание акцентируется не на языковой политике, а на демографической политике и ситуации советского времени и ее влиянии на русификацию и казахизацию в советское и постсоветское время и их перспективы в будущем. В числе факторов культурной интеграции этносов эксперты часто обращаются к демографии, видя в ней объяснение сложившейся ситуации в культурно-языковой сфере Казахстана. В советский период связь между численностью основных этносов Казахстана и доминированием русского языка выглядела более очевидной. Демографическое доминирование русских привело к значительной русификации казахов и других нерусских народов в советский период. В годы независимости в южной и западной части Казахстана в городах казахское население доминирует над русским, то есть казахи стали демографическим большинством, а русские, соответственно, демографическим меньшинством. Исходя из этого, многие эксперты предсказывали, что города в этой части Казахстана, в частности, крупнейший город страны Алматы, станут казахоязычными. В основе их предсказаний лежала корреляция между этнодемографическим фактором численности этнического большинства в сообществе и доминирующим в нем языком. Реальность современного Казахстана, однако, не соответствует этим предсказаниям. Без боязни ошибиться, можно утверждать, что Алматы, как и другие крупные города Казахстана, остаются в целом русскоязычными. Несмотря на то, что большинство или большую, приближающуюся к половине, часть населения городов Казахстана сегодня составляют казахи, русский язык по-прежнему доминирует в городском социальном пространстве.

Четвертая глава второго раздела книги «Станет ли система образования фактором языковой казахизации в Казахстане?» анализирует преподавание казахского языка в школах Казахстана как обязательного предмета программы обучения на протяжении всех лет учебы в школе. В связи с этим государство большие надежды возлагает на систему образования, которая должна увеличить число говорящих на казахском языке не только за счет казахов, но и других этносов, в первую очередь русских. Практика показывает, что система образования добилась определенных успехов в увеличении числа казахов, говорящих на казахском языке, но не может выполнить задачу увеличения числа русских и других этносов, говорящих на казахском языке. Поэтому этнокультурная интеграция на основе русского языка и культуры остается главной формой национальной интеграции в Казахстане.

Большое место в научном проекте и книге занимают сравнительные исследования культурной интеграции этносов. В книге этому посвящен третий раздел «Сравнительные исследования культурной интеграции этносов в Казахстане и постсоветских странах», включающий в себя три главы. В первой из них «Русификация в Казахстане и Узбекистане в советский и постсоветский периоды» проводится сравнительный анализ процессов русификации коренных народов в Казахстане и Узбекистане. Национальное строительство в рамках советских модернизационных проектов было направлено, с одной стороны, на формирование титульных наций в союзных республиках. С другой стороны, конечным результатом национального проекта должен был стать единый советский народ. Важнейшим компонентом советизации народов СССР была их русификация. Необходимо отметить, что национальная политика советского режима смогла достаточно успешно советизировать народы Центральной Азии. Однако, в силу воздействия различных культурно-исторических факторов на эти народы, их советизация в отношении русского языка приобрела различные формы. Советизация казахов сопровождалась высоким уровнем их русификации, тогда как для советизации узбеков была характерна ограниченная русификация. Эти различия, сложившиеся еще в советский период, приобрели еще больший масштаб в процессах этнокультурной интеграции Казахстана и Узбекистана после обретения ими независимости.

Вторая глава третьего раздела «Сравнительный анализ национальной и языковой политики Кыргызской Республики и Республики Казахстан» анализирует национальные и языковые процессы в двух постсоветских государствах сквозь призму этноинтеграционных тенденций. Специфика и одновременно сложность формирования национальной и языковой политики Кыргызстана состояла и состоит в том, что в отличие от Казахстана, где существует одна титульная национальность, которая включает в себя коренное население – казахов, в Кыргызстане при наличии одной титульной национальности – кыргызов, де-факто существуют два народа, являющихся коренными, – это сами кыргызы и также узбеки юга Кыргызстана. Это обстоятельство создает латентный конфликтный потенциал, что проявилось в Ошских событиях 1990 и 2010 гг. В Казахстане и Кыргызстане существует понимание необходимости пути к гражданской нации, но субъекты политики четко и ясно не формулируют цель – построить гражданскую нацию и ориентируются, бывает под давлением части общественности, представлениями и понятием сталинского понимания нации. Партийная система Кыргызстана более активна чем партии в Казахстане в обсуждении политики в сфере межэтнических отношений и языковой политики. Однако, как показывает практика, существует опасность политизации и борьбы мнений по вопросам межэтнических отношений. На данный момент в двух изучаемых странах так и не поставлен в повестку дня общественный консенсус по вопросам национальной и языковой политики.

В третьей главе третьего раздела «Сравнительный анализ этнокультурной интеграции в Казахстане и Украине» раскрываются общие черты и различия этно-интеграционных процессов в двух постсоветских государствах. На примере трансформации системы образования в Казахстане и Украине показывается различие в подходах к решению проблемы интеграции представителей нетитульных этносов в ткань социума национализирующихся государств. В главе рассматривается влияние событийного ряда на процессы культурной интеграции в Украине после ставшего рубежным 2014 года. Кроме того, на основе изучения соотношения демографических трендов и развития сфер применения языков титульных этносов сравнивается результативность выбранных моделей культурной интеграции в Казахстане и Украине с момента обретения независимости до настоящего времени.

Раздел I. ФОРМЫ И МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОСОВ В КАЗАХСТАНЕ

Глава 1. Дуальная модель культурной интеграции этносов в контексте национальной интеграции в Казахстане

Национальная интеграция в Казахстане

В данном разделе исследуется практика национальной интеграции в Казахстане сквозь призму теорий национальной интеграции, разработанных в мировой этнополитической литературе. Задача национальной интеграции встает перед большинством современных государств, сталкивающихся с этническим, религиозным, языковым, культурным, расовым и иным разнообразием своего населения. Возникающий на основе такого разнообразия культурный плюрализм нередко ведет к конфликтам между разделенными его линиями группами [1].

В мировой этнополитической литературе национальная интеграция описывается как социальная инженерия государства, направленная на сглаживание или устранение разделяющих общество линий разлома посредством формирования более или менее однородного общества. В политическом плане для национальной интеграции важно достижение достаточного уровня легитимности государственной власти и лояльности всех граждан, независимо от их этнической, расовой, религиозной и иной принадлежности, конституции и всей правовой системе государства. В социально-экономическом плане национальная интеграция предполагает предоставление социальных и экономических возможностей всем гражданам, что способствует преодолению различий в уровне материального благополучия между различными группами. В культурном плане национальная интеграция направлена на формирование культурно однородного общества с единой системой ценностей, символов и идентичности [2].

Национальная интеграция приобрела в современном мире универсальное значение, поскольку все государства, так или ина-

че, сталкиваются с культурным плюрализмом. При этом одни государства достигают большего успеха разрешения культурных, политических и иных противоречий и достижения однородности общества. В первую очередь речь идет о странах Запада и в целом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В то же время в развивающихся странах, бывших колониях национальная интеграция остается на низком уровне, в них сохраняется высокий уровень культурного разделения этнических и религиозных групп, нередко перерастающих в насильственные конфликты.

Независимый Казахстан после распада СССР получил в наследство сложную этно-демографическую структуру с высоким уровнем этнокультурного различия основных этнических групп. Как и для других развивающихся государств, предотвращение этнических конфликтов стало главной целью этнополитики. Казахстан, где ведущая роль в этнополитике принадлежит государству и, прежде всего, президенту страны Нурсултану Назарбаеву, на протяжении всего периода независимости поддерживает высокий уровень межэтнической стабильности. Этнополитические достижения стали возможны в контексте социально-экономической модернизации Казахстана с начала 1990-х гг.

Сегодня политическое руководство страны ставит перед Казахстаном более сложную задачу построения единой нации на основе казахстанской идентичности. Национальная интеграция предполагает включение в казахстанскую нацию всех граждан страны, которые должны быть консолидированы казахским языком и казахской культурой. Государство разработало в последние годы стратегические документы, которые ставят перед Казахстаном задачу вхождения в число 30 наиболее развитых государств мира на основе построения «нации единого будущего».

Высокий уровень межэтнической стабильности, активная деятельность государства в национальной сфере, несомненно, создают благоприятные предпосылки для национальной интеграции. Вместе с тем, имеются неблагоприятные факторы, усложняющие задачу формирования единой надэтнической нации в Казахстане.

Теории национальной интеграции

В мировой этнополитической литературе предлагаются различные концепции национальной интеграции, раскрывающие разновидности этого процесса, его основные компоненты, этапы и механизмы. Ввиду того, что национальная интеграция имеет место во всех национальных государствах, разнообразие ее концепций связано с разнообразием опыта национальной интеграции в различных регионах мира. Разнообразие политических, экономических, культурных и иных факторов национальной интеграции оказывает влияние на длительность этого процесса, тенденции сближения или разъединения составляющих общество групп, применяемые государством и другими политическими акторами методы для достижения поставленных целей. Теории национальной интеграции, акцентируя внимание на различных ее аспектах, не отрицают, но скорее дополняют друг друга и потому расширяют наше понимание этого процесса.

В данной работе мы вкратце рассмотрим три концепции национальной интеграции, которые помогут нам глубже понять политику и практику этого процесса в Казахстане. Мы начнем наш анализ теорий национальной интеграции с концепции национального строительства Карла Дойча. Для Дойча национальное строительство и национальная интеграция представляют собой две стороны одной медали, два способа описания одного процесса. Это процесс сплава различных частей населения в конгруэнтное целое посредством формирования новых лояльностей и идентичностей на национальном (государственном) уровне за счет уничтожения или снижения локальных и партикулярных идентификаций.

В процессе национальной интеграции Дойч выделяет четыре ее этапа или уровня. На первом уровне национальная интеграция сталкивается с открытым или скрытым сопротивлением определенных групп политическому объединению в национальное государство. На втором этапе происходит минимальная интеграция на уровне пассивного подчинения политике и нормам объединенного правления. На третьем уровне различные части населения демонстрируют более глубокую политическую интеграцию в виде активной поддержки общего для них государства, но в то же время

сохраняют свои этнические и культурные идентичности. Наконец, на четвертом уровне происходит совмещение политического сплава и интеграции с ассимиляцией всех групп в общий язык и культуру [3].

Дойч, как видно, рассматривает нацию как, прежде всего, политическое сообщество и потому главное внимание уделяет политической интеграции этносов. В его концепции национальной интеграции культурная интеграция в виде ассимиляции всех этносов в единый язык и культуру достигается на последнем ее этапе на основе политической интеграции. В роли главного интегратора в теории Дойча выступает государство.

Если Дойч решающее значение придает политике государства для достижения национальной интеграции, то для Р. Шермерхорна в его теории этнической интеграции главную роль играют отношения этнических групп. Шермерхорн выделяет условия, при которых контакты этносов в обществе ведут к интеграции и при которых они ведут к конфликту. Его рассуждения основаны на предпосылке, что межэтнические отношения основаны на неравенстве. Это означает, что когда две группы с различными культурными историями устанавливают достаточно регулярные контакты, одна из них будет с неизбежностью доминировать над другой [4].

В отношениях этносов, согласно теории Шермерхорна, решающее значение имеет совместимость групповых целей. Множество различных целей, которые подчиненная группа преследует в своих отношениях с господствующей группой, Шермерхорн разделяет на два типа – центробежные и центростремительные. Эти ориентации могут быть преобладающими как у доминирующей, так и у подчиненной группы. Если у обеих групп имеет место совместимость целей, то это, по утверждению Шермерхорна, ведет к их интеграции. Если же групповые цели несовместимы, то появляется вероятность возникновения конфликта между группами. Если большинство подчиненной группы желает ассимиляции и это стремление встречает сопротивление господствующей группы, то в их отношениях неизбежно возникает напряжение. Гораздо чаще, однако, встречается противоположное стремление групп, когда господствующая группа настаивает на ассимиляции подчиненной группы, стремящейся сохранить свою собственную идентичность,

и она поэтому требует культурной автономии. В этом случае подчиненная группа демонстрирует центробежные тенденции.

Согласно теории этнической интеграции Шермерхорна, центростремительные тенденции групповых целей соответствуют стремлениям к (культурной) ассимиляции и (структурной) инкорпорации. Центробежные же тенденции в устремлениях и поведении групп связаны с требованиями автономии, федерализма и даже сепаратизма. В целом важное аналитическое значение теории Шермерхорна состоит в том, что она вводит в изучение национальной интеграции понятийные оппозиции «господствующая» и «подчиненная» группы, а также «центростремительные» и «центробежные» тенденции групповых целей этносов.

С теорией этнической интеграции Шермерхорна связана концепция интеграции Джозефа Ротшильда, который выделяет в ней три аспекта [5]. Первым видом интеграции в полиэтническом обществе является интеграция жизненных возможностей (life-chances integration). Под ней Ротшильд понимает сближение уровней показателей социального развития этносов в полиэтническом обществе. Речь идет о таких показателях, как смертность, грамотность, доход, занятость, жилищные условия и т.п. [6].

Если социальные показатели достаточно близки у этносов, составляющих в совокупности большинство населения полиэтнического общества, то вероятность его национальной интеграции значительно повышается. Иначе говоря, повышается уровень центростремительных ориентаций основных этносов, их идентичности с государством. В противном случае, когда в полиэтническом обществе социальные индикаторы между этносами значительно разнятся, группы с более низкими показателями чувствуют себя обделенными. Как следствие, среди таких этносов возрастают центробежные тенденции.

Второй вид интеграции полиэтнического общества Ротшильд определяет как культурную интеграцию. Этот вид интеграции существует в виде аккультурации подчиненной группы в доминирующую систему в важнейших в социально-экономическом и политическом плане сферах жизни при проявлении толерантности в отношении этнокультурных особенностей в различных маргинальных, частных сферах жизни группы. В более радикальном виде

культурная интеграция представляет собой полную ассимиляцию, при которой исчезают все этнокультурные особенности подчиненной группы. Впрочем, как отмечает Ротшильд, такой сценарий культурной ассимиляции в современном мире, в различных уголках которого этнические группы утверждают свою идентичность и политическую субъектность, представляется маловероятным [7].

Наконец, третий вид интеграции Ротшильд определяет как политическую интеграцию. Она происходит в случае, когда несколько ведущих этнических групп признают легитимность существующей в полиэтническом обществе политической системы. Это может быть результатом их свободного и добровольного выбора, либо признание легитимности политической системы может стать результатом более или менее мягкого и эффективного воздействия доминирующей группы. Здесь необходимо отметить, что из трех видов интеграции, как отмечает Ротшильд, политическая интеграция является наиболее неустойчивой, подверженной различным внешним и внутренним изменениям в политической и этнической системах [8].

Центробежные тенденции и национальная интеграция в Казахстане

В самый ранний период своей независимости Казахстан столкнулся с резким ростом центробежных тенденций некоренных этносов европейского происхождения, выразившихся в их массовом выезде из страны. В 1990-е гг. из Казахстана выехало более 1,5 млн русских, что привело к снижению их численности с 6 млн в 1989 г. до 4,5 млн в 1999 г. За годы независимости в стране катастрофически, на 80 процентов, сократилась численность немцев с одного миллиона человек в 1989 г. до двухсот тысяч в настоящее время. Не настолько резко, но также весьма существенно упала численность украинцев с одного миллиона человек до менее 400 тысяч в настоящее время. Почти в два раза стало меньше в Казахстане белорусов: с двухсот тысяч в 1989 г. до ста тысяч в настоящее время. Так же в разы сократилась численность поляков, греков и евреев, хотя их выезд остался менее заметным ввиду общей их немногочисленности в Казахстане [9].

Массовый выезд из Казахстана некоренных этносов европейского происхождения в 1990-е гг. получил заметное освещение в мировой литературе [10]. Специалисты указали на политические, экономические, идентификационные и иные причины этого явления. Оригинальное объяснение массового выезда русскоязычного населения в этот период дал Дэвид Лэйтин на основе социологической концепции Tipping Model. Эта концепция, основанная на теории игр, описывает массовые коллективные действия социальной группы людей, связанных общей идентичностью. Это неорганизованное массовое действие, разворачивающееся спонтанно, когда члены социальной группы видят действие других представителей своей группы и включаются в него, видя в нем какой-то смысл и стремясь не отстать, чтобы, как им представляется, не остаться проигравшими. В результате возникает нарастающее каскадное включение в групповое действие, в чем-то напоминающее финансовую пирамиду [11].

По мнению Лэйтина массовый выезд русскоязычного населения из Казахстана в 1990-е гг. вполне убедительно описывается используемой им идентификационной концепцией Tipping Model. В этот период русские и другие русскоязычные этносы, видя и слыша там и тут, как их собратья продают свои дома и квартиры и уезжают в Россию, сами загораются желанием поступить таким же образом. В результате получается каскадная волна эмиграции русскоязычного населения из Казахстана, приведшая к выезду двух миллионов человек. С таким объяснением и описанием массового выезда русскоязычного населения из Казахстана в 1990-е гг. согласен Колсто [12], внесший значительный вклад в исследование национальной интеграции Казахстана в первое десятилетие независимости страны.

Выше мы отметили, что центробежные тенденции среди этносов в полиэтничном обществе связаны с требованиями автономии, федерализации государства и даже с сепаратизмом. Как указывают Марлен Ларюэль и Себастьян Пейруз, среди определенной части русских в восточном Казахстане имеются сепаратистские требования, а среди казачества в западном Казахстане в 1990-е гг. раздавались требования территориальной автономии [13]. Однако эти требования не имели сколько-нибудь массового характера и не

оказали практически никакого негативного влияния на политическую и национальную ситуацию в Казахстане.

Центробежные тенденции среди русскоязычного населения получили свое наиболее заметное выражение в форме выезда из Казахстана. Массовый выезд русскоязычного населения в первой половине 1990-х гг. не был спровоцирован антирусской политикой государства. Тем не менее, эта центробежная тенденция части русскоязычного населения может быть интерпретирована как ее пассивный протест против создания национального государства в Казахстане. Иначе говоря, эмиграция большого числа русскоязычного населения из Казахстана вполне вписывается в теорию национальной интеграции Дойча, как соответствующая ее первому этапу, когда определенные группы оказывают открытое или скрытое сопротивление политическому объединению в национальное государство.

В этой ситуации государство предприняло шаги по ослаблению центробежных и укреплению центростремительных тенденций этнических групп Казахстана. Среди этих шагов большое значение имело выступление президента Нурсултана Назарбаева на заседании Верховного Совета 9 июля 1994 г. Это выступление произошло в самый разгар эмиграции среди русскоязычного населения, одним из негативных последствий которого стал рост межэтнической напряженности в казахстанском обществе. В своей речи президент указал на большой вклад русскоязычного населения в развитие Казахстана, осудил некоторые действия казахских националистов и пригрозил усилить наказание тем, кто вносит разлад в межнациональное единство и согласие [14].

По мнению экспертов, это выступление Назарбаева оказало позитивное воздействие на национальную ситуацию, способствовало снижению межэтнической напряженности в Казахстане [15]. Позитивный эффект речи главы государства на заседании Верховного Совета, направленный на ослабление центробежных и укрепление центростремительных тенденций этнических групп может быть объяснен центральной ролью Нурсултана Назарбаева в политической системе Казахстана, его восприятию полиэтническим населением как гаранта межнационального единства и согласия [16].

Широкие массы казахстанского общества воспринимали это и последующие выступления президента Назарбаева как продол-

жение привычной им с советского времени политики интернационализма. По мнению Эдварда Шатца, интернационалистская риторика оказалась эффективной в это время и в дальнейшем в силу трех причин. Во-первых, она вызывает в массах эмоциональный отклик, поскольку предлагает им знакомые с советской эпохи категории национальной гармонии. Во-вторых, она содержит в себе разноречивые, даже противоречивые, послылы для различных слоев и групп общества в виде разных направлений национальной политики, что позволяет государству привлекать к себе этносы и не дать обществу распасться. В-третьих, она позволила руководству страны пережить критический момент, когда у него отсутствовали ресурсы для выполнения своих программ [17].

Национальная интеграция как баланс между этнической и гражданской идентичностями Казахстана

Активные действия государства и ряд других причин позволили Казахстану переломить ситуацию в национальной сфере во второй половине 1990-х гг., существенно ослабив центробежные тенденции эмиграционного поведения этнических групп и укрепив его центростремительные тенденции. Это создало предпосылки для политики национальной интеграции, формирования полиэтнической гражданской общности на основе ведущего этноса – казахов, то есть синтеза этнической и гражданской нации.

С этой задачей столкнулся в первой половине 1990-х гг. не только Казахстан, но и все постсоветские государства. Как отмечает Колсто, все новые независимые государства столкнулись с вероятно трудной задачей увязать взаимно две сущности, а именно, титульную «нацию» и гражданскую «нацию», таким образом, чтобы все их полиэтническое население могло свободно идентифицировать себя с государством и быть лояльным ему. Повсюду решение этой проблемы видится в модном словечке «интеграция» [18].

Сложность синтеза этнокультурной и гражданской нации в национальной интеграции Казахстана проявляется в следующем: с одной стороны, национальное государство Казахстана строится по постсоветской модели государства титульной нации. Такая модель национального строительства predetermined советским

прошлым, поскольку уже в СССР союзные республики рассматривались как (квази)государственность титульной нации, по имени которой определялось название республики, к тому же статус нации приписывался этническим группам (национальностям), а не всему советскому народу. После распада СССР бывшие союзные республики стали полноценными (по крайней мере, претендовать на это) национальными государствами своих титульных наций. Если Азербайджан определяется сегодня как государство азербайджанской нации, по этой же логике Казахстан определяется как государство казахской нации со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С другой стороны, в полиэтническом обществе этнические группы выступают против того, чтобы государство выступало только лишь от лица одного этноса, даже если он демографически и политически доминирует в обществе. Для этнических групп полиэтнического общества важно, чтобы нация определялась не в этнокультурных терминах, а как гражданское сообщество равных в политическом и социально-экономическом отношении этносов. Это означает, что в полиэтническом обществе граждане определяют свою национальную идентичность с государством и его институтами, а не с каким-либо этносом, потому что идентификация с этносом вызывает у нетитульных этнических групп опасения оказаться ассимилированными титульным этносом. Ассимиляция нередко воспринимается национальными меньшинствами как угроза их языку, культуре и идентичности, порождая в нем центробежные тенденции.

Таким образом, смысл и цель решения национальной интеграции постсоветского общества состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить и укрепить титульное лицо своего национального государства, а с другой стороны, формировать и поддерживать гражданскую идентичность с целью предотвращения межэтнических конфликтов и укрепления межэтнической стабильности. Иначе говоря, постсоветская национальная интеграция направлена на то, чтобы ослабить центробежные тенденции и укрепить центростремительные тенденции нетитульных этносов, при этом сохраняя на минимальном уровне конфликтный потенциал межэтнических отношений. Как показывает постсоветская практика, разным государствам с разной степенью успеха удается решать эту задачу [19].

Казахстан относится к числу тех постсоветских государств, которым в достаточной мере успешно удается разрешать противоречие этнической и гражданской идентичностей. В основе этого успеха лежит то, что государству в своей национальной политике удается сохранить и поддерживать баланс между этнической (титульной) и гражданской идентичностями. С одной стороны, государство способствует развитию казахского языка и культуры с тем, чтобы они стали достоянием не только казахов, но и всего полиэтнического населения Казахстана, и тем самым развивали бы его титульную идентичность. С другой стороны, государство настаивает на равенстве всех граждан Казахстана независимо от их этнической, культурной, языковой и иной принадлежности. Эта политика направлена на поддержание и укрепление гражданской идентичности, которая рассматривается как фактор ослабления центробежных и укрепления центростремительных тенденций полиэтнического населения.

Политика национальной интеграции, баланса титульной и гражданской идентичностями находит свое воплощение в казахстанской модели межэтнического мира и согласия. Эта модель получила признание не только в Казахстане, но и за его пределами, в ряде международных организаций, среди которых следует особо упомянуть ОБСЕ. Одним из главных механизмов реализации казахстанской модели межэтнического согласия и единства является Ассамблея народа Казахстана, которая объединяет и координирует работу многочисленных этнокультурных центров республики по воспитанию казахстанского патриотизма и толерантности.

Помимо этого важнейшими элементами политики национальной интеграции являются:

- деполитизация этносферы, что проявляется в конституционном запрете создания политических партий на этнической основе;
- маргинализация националистических сил в социально-политическом поле Казахстана, поскольку рост их активности и влияния способен нарушить согласие и стабильность в межэтнических отношениях;
- канализация всех этнических вопросов и межэтнических отношений в культурную сферу, чему способствует деятельность АНК и входящих в ее состав этнокультурных центров.

Центростремительные тенденции и политическая интеграция полиэтнического населения Казахстана

Выше мы определили период первой половины 1990-х гг., на который пришелся пик массового выезда этносов европейского происхождения, как первый этап национальной интеграции Казахстана. Начиная со второй половины этого десятилетия начинается, по нашему мнению, второй этап национальной интеграции. Эта периодизация соответствует теории национальной интеграции Дойча. Если на первом этапе интеграции полиэтнического общества наблюдается открытое или скрытое сопротивление определенных этносов попыткам создания национального государства, то второй этап характеризуется их подчинением политике и нормам государства.

Исчерпание ко второй половине 1990-х гг. эмиграционного потенциала русскоязычного населения привело к смене центростремительных тенденций центростремительными тенденциями его поведения. Эмиграционный потенциал исчерпался не только потому, что в Казахстане остались только те, кто в силу отсутствия финансовых средств не мог себе позволить выехать в Россию. Большинство русскоязычного населения, проживающего сегодня в Казахстане считают себя гражданами страны и не собираются ее покидать. По данным социологического опроса, проведенного агентством «Стратегия» в 2016 г., 60 процентов русскоязычных респондентов не имеют намерения покинуть Казахстан [20].

Доминирующие центростремительные ориентации русскоязычного населения и других некоренных этносов говорит о том, что они положительно воспринимают политику национальной интеграции в Казахстане. Согласно классификации Ротшильда такая ситуация соответствует политической интеграции, когда все группы полиэтнического общества признают легитимность его политической системы. При этом речь идет о свободном и добровольном выборе некоренными этносами подчинения политике и нормам национальной интеграции, проводимой государством, в котором они проживают. Хотя Ротшильд признает, что такой выбор может приниматься некоренными этносами при мягком и эффективном воздействии коренной доминирующей группы.

Национальная интеграция, в частности, политическая интеграция, осуществляется в Казахстане посредством баланса между этнической и гражданской идентичностями. Эту политику Эдвард Шатц определил как «интернационализм с казахским лицом» в отличие от интернационализма советского периода, который имел русское лицо. Подобная интеграция позволяет государству балансировать между интересами казахов как титульного этноса и интересами нетитульных этносов в языковой, культурной и других социальных сферах. Тем самым укрепляются центростремительные тенденции этнических групп.

В языковой сфере главным приоритетом государства является казахский язык. Вместе с тем государство считает необходимым для себя поддержку русского языка и языков других крупных этносов Казахстана – узбекского, уйгурского и других. Государственная поддержка русского языка создает языковой комфорт не только русским, но и другим этносам страны, включая и казахов, имея в виду высокий уровень русификации населения Казахстана. Государство оказывает поддержку этнокультурным запросам национальностей в системе образования, создавая школы с национальным языком преподавания, в сфере культуры и искусства, в информационной сфере и т.д. Как отмечают Ларюэль и Пейруз, по сравнению с соседними странами политика Казахстана по отношению к национальным меньшинствам носит достаточно либеральный характер, так как здесь они пользуются значительными правами (культурные объединения, система образования, учитывающая национальные особенности; газеты и журналы на национальных языках) [21].

Государству принадлежит ведущая роль в национальной интеграции Казахстана. Имея в виду центральное положение Нурсултана Назарбаева в государственно-политической системе Казахстана, полиэтническое общество рассматривает главу государства как главного интегратора. Все этнические группы рассматривают Назарбаева как символа и гаранта национального единства и согласия. Русскоязычное население связывает с Назарбаевым стабильность своего сегодняшнего положения в Казахстане и высказывает опасения относительно политики его преемника. Люди боятся, что преемник Назарбаева будет проводить более националистическую

политику, что может усилить снова центробежные тенденции русскоязычного населения Казахстана.

В свою очередь Нурсултан Назарбаев подчеркивает, что политическая поддержка, оказываемая ему полиэтническим обществом, способствует формированию единой казахстанской нации. Комментируя в документальном фильме, показанном на телевизионных каналах Казахстана, результаты президентских выборов 2015 г., на которых за него проголосовала свыше 95 процентов голосовавших, Назарбаев сказал: «Политологи, наверное, поняли, да и я сам впервые убедился, что нация у нас образовалась, состоялась. Люди, к какой религии, этносу они ни принадлежали, отдали свой голос одному человеку. Все были равны. Нам нужно продолжать эту политику. Все, и казахи, и украинцы, и русские, должны понять одно: только на основе этого единства мы станем единой нацией. Говоря по-казахски, мы на этих выборах показали, что стали нацией. Если будем двигаться в этом направлении, то будет прекрасно» [22].

Социальная интеграция в Казахстане

Если вновь обратиться к концепции национальной интеграции Ротшильда, то можно отметить, что помимо политической интеграции в Казахстане также осуществляется интеграция жизненных возможностей как способ формирования единой нации из полиэтнического населения страны. Этот вид национальной интеграции можно определить и как социальную интеграцию, поскольку она направлена на выравнивание социального развития всех этнических групп полиэтнического общества. Если в полиэтническом обществе основные этносы (совокупная численность которых близка к общему населению страны) имеют близкие показатели социального развития и при этом не испытывают дискриминации по языковому, культурному и иным социальным признакам, то в таком обществе появляется больше шансов поддерживать центробежные тенденции поведения этносов. Наоборот, если между основными этносами полиэтнического общества наблюдается значительное различие в социальном развитии, реализации жизненных возможностей, то группы с более низкими показате-

лями будут ощущать себя обделенными, и в них будут нарастать центробежные тенденции.

Разумеется, для успеха социальной интеграции в обществе необходим экономический рост, обеспечивающий достаточный уровень материального благосостояния при более или менее равном распределении произведенного продукта. Равенство при низком экономическом уровне страны порождает так называемое равенство в нищете, что отрицательно сказывается и на межэтнических отношениях. Тяжелое экономическое положение Казахстана в 1990-е гг. провоцировало межэтническую напряженность и высокий уровень центробежных тенденций среди некоренных этносов, о чем было сказано выше.

Экономический рост в Казахстане начался в 2000-е гг. К этому времени на основе реформ 1990-х гг. были созданы предпосылки для успешного функционирования рыночной экономики. Подъему экономики Казахстана благоприятствовала внешнеэкономическая конъюнктура, связанная с ростом цен на главный экспортный продукт Казахстан – нефть. Это привело к значительному росту валютных поступлений в страну, многократному увеличению важнейших экономических показателей – валовому внутреннему продукту и ВВП на душу населения. Как отметил Нурсултан Назарбаев в своем выступлении на XXVI сессии Ассамблеи народа Казахстана (апрель 2018 г.), «по показателям ВВП на душу населения мы прошли большой путь: от 600 долларов до порядка 10 тысяч долларов» [23].

Нынешний уровень важнейших экономических показателей позволяет отнести Казахстан к числу экономически среднеразвитых стран в мировом масштабе. На постсоветском пространстве Казахстан наряду с Россией является экономическим лидером, не говоря уже об уверенном лидерстве Казахстана в Центральной Азии. Благодаря экономическому росту в Казахстане были проложены тысячи километров автомобильных и железных дорог, построены сотни больниц и медицинских учреждений, школ и детсадов, объектов культуры и спорта. Все эти объекты работают на благо всех граждан страны независимо от их этнической принадлежности.

В марте 2018 г. президент Назарбаев выдвинул программу «Пять социальных инициатив». Первая инициатива открывает

новые возможности приобретения жилья для тех, у кого оно отсутствует, и решает проблему доступности жилищной ипотеки. Вторая инициатива снижает налоговую нагрузку для низкооплачиваемых работников, тем самым повышая их доходы. Третья инициатива касается доступности и повышения качества высшего образования за счет увеличения количества грантов для бакалавриата, магистратуры и докторантуры. Четвертая инициатива направлена на расширение микрокредитования для развития предпринимательства среди самозанятых и безработных. Пятая инициатива направлена на дальнейшую газификацию страны [24].

Социальная политика рассматривается как важный инструмент сплочения полиэтнического общества, его национальной интеграции. По этому поводу Нурсултан Назарбаев заявил на XXVI сессии АНК: «Все эти годы моим императивом была единая консолидирующая политика для всего общества. Для всех граждан и этносов без исключения. Сегодня пришло время еще более укрепить единство казахстанского общества. Основным ресурсом здесь является социальная сфера» [25].

Решающее значение в национальной интеграции Казахстана имеет политическая интеграция, поскольку государственные институты играют решающую роль в формировании идентичности этнических групп с государством, его легитимности. Активная социальная политика государства способствует дальнейшему повышению его легитимности среди этносов, их интеграции в единое политическое сообщество. Не случайно Нурсултан Назарбаев заявил по этому поводу: «В условиях полиэтнического государства социальная и национальная политики неразрывно связаны» [26].

На основе сказанного можно утверждать, что социальная интеграция, повышая жизненные возможности этнических групп, способствует углублению национальной интеграции Казахстана, ее переходу на новый уровень. Он соответствует третьему уровню национальной интеграции по теории Дойча. На этом уровне достигается более глубокая политическая интеграция в виде активной поддержки государственных институтов и повышения их легитимности. При этом группы сохраняют свои этнические и культурные идентичности.

Отмечая позитивную роль социальной интеграции в углублении национальной интеграции Казахстана, мы хотели бы вместе с тем

указать, что не следует ее преувеличивать и тем более абсолютизировать. Успешная социальная интеграция основывается на устойчивом экономическом росте. Однако экономика Казахстана сегодня сильно привязана к мировым ценам на его главный экспортный продукт – нефть. При высоком уровне цен на нефть социальные возможности экономики Казахстана возрастают, как это было в 2000-е гг. Однако, при падении нефтяных цен, что наблюдается с 2014 г., социальные возможности казахстанской экономики снижаются, приводя к сокращению интеграционного потенциала национальной политики.

Культурная интеграция этносов Казахстана

Сегодня в Казахстане культурная интеграция формулируется как консолидация этносов на основе казахского языка и культуры [27]. Как было сказано выше, национальная интеграция Казахстана по ее постсоветской модели осуществляется как баланс этнической и гражданской нации. Национальная интеграция полиэтнического населения как гражданской нации основана на политической и социальной интеграции. В этих видах национальной интеграции большую роль играет дискурс и риторика интернационализма, что способствует позитивному восприятию политики по формированию единой нации. С точки зрения этнической интеграции не менее важно то, что казахстанская модель межнационального согласия и единства (то есть баланс этнической и гражданской нации) способствует укреплению центристских тенденций среди этнических групп.

Вместе с тем, национальную интеграцию в постсоветских государствах нельзя полностью понять, акцентируя внимание только на политической и социальной интеграции, то есть на ее гражданских аспектах. В национальной интеграции как балансе этнической и гражданской наций не меньшее значение имеет этнокультурный аспект, предполагающий использование языка и культуры титульного этноса как главного средства коммуникации полиэтнического общества. Важно при этом то, что другие нетитульные этносы постсоветского государства должны признать это использование языка и культуры титульного этноса как норму и в той или иной форме следовать ей.

Национальная интеграция в большинстве постсоветских государств осуществлялась на этнокультурной основе доминирова-

ния языка и культуры титульного этноса. Если говорить о языке титульного этноса, то он стремится к такому распространению в полиэтническом обществе, чтобы нетитульные этносы добровольно или вынужденно осваивали его, иначе им невозможно в этом обществе жить. Как правило, языковое и культурное доминирование титульного этноса подкрепляется его демографическим доминированием. За этими формами доминирования титульного этноса следует его доминирование в политической, административной, информационной, образовательной и других сферах.

Такое доминирование титульного этноса в большинстве постсоветских обществ воспринимается как титульным этносом, так и нетитульными этносами как естественная ситуация, соответствующая национальному государству. Это государство воспринимается всеми как государство титульного этноса. Сам же этот этнос воспринимается и (само)определяется элитами титульного этноса также и как государство-образующая нация.

Для определения такого рода национальной ситуации и национальных государств Роджерс Брубейкер вводит в научный оборот понятия национализирующегося (*nationalizing*) национализма и национализирующегося государства [28]. Эти понятия (ставшие, следует отметить, популярными в литературе по национализму) он использует для характеристики отношений между коренной нацией и государством с точки зрения его «принадлежности» этой нации в новых независимых государствах на постсоветском пространстве и в межвоенной Европе.

Что представляет собой национализирующееся государство? Брубейкер определяет его как такое государство, которое воспринимается его ведущими элитами как нация-государство, как государство определенной нации и для этой нации, но в то же время как «неполное» и «незавершенное» нация-государство, как недостаточно «национальное» в каких-то важных с точки зрения элит аспектах. Все двадцать с лишним новых независимых государств посткоммунистического мира могут быть определены в этом смысле как национализирующиеся. При этом обращается внимание на большое разнообразие в интенсивности и формах реализации национализирующих политик и практик в этих государствах [29].

Как и другие постсоветские государства, Казахстан представляет собой национализирующееся государство. Ведущие элиты Казахстана с первых дней независимости воспринимали его как государство казахов. Так, в преамбуле первой конституции Республики Казахстан, принятой в январе 1993 г., спустя год и один месяц после провозглашения государственной независимости, Казахстан был провозглашен как «государство самоопределившейся казахской нации» [30]. При этом сама казахская нация понималась в этнических терминах. Так понималась нация в советской идеологии, и так же она во многом еще понимается элитами и массами в современном Казахстане.

В соответствии с логикой национализирующегося государства, власти Казахстана (как в центре, так и на местах) с первых дней независимости стали проводить политику поддержки казахского языка. Эта поддержка выражалась в стремлении распространения казахского языка в административной, образовательной, информационной и других сферах социальной жизни. Эта политика, направленная на доминирование казахского языка, началась еще раньше, в поздний советский период. В сентябре 1989 г. был принят закон о языках, объявивший казахский язык государственным языком Казахской ССР [31].

Это положение, утвердившее формально-правовое доминирование казахского языка, в дальнейшем вошло в обе конституции и другие законодательные акты независимого Казахстана. В 1990 г. для реализации государственного статуса казахского языка правительство Казахской ССР приняло постановление о переводе административного делопроизводства на казахский язык и установило сроки перехода по областям республики в течение пяти лет. В то время в умах правящей элиты и масс царило представление, что для утверждения доминирования казахского языка достаточно принять закон и проводить его в жизнь усилиями государственного аппарата. Жизнь, однако, показала, что такое представление было не более чем иллюзией.

Государственная политика поддержки казахского языка принесла свои плоды, способствуя увеличению числа носителей языка и распространению его использования в ряде социальных сфер. Среди этих сфер в первую очередь следует указать систему обра-

зования, где из общего числа школ (7222) в 2015 г. школы с казахским языком обучения составили 3794, с русским языком обучения 1291, со смешанным казахско-русским языками обучения 2100 и с другими языками обучения 37 [32]. В информационной сфере значительно возросло число казахских газет, журналов, телевизионных и радиоканалов с казахским языком вещания, в интернете растет число сайтов на казахском языке. Можно, конечно, отметить и другие достижения казахского языка в публичной сфере.

Однако эти достижения казахского языка нельзя переоценивать, они имеют относительный характер, поскольку касаются в основном только казахов и в минимальной степени другие этносы Казахстана. В казахских школах и отделениях вузов обучаются почти исключительно казахи. Газеты и журналы на казахском языке читают главным образом казахи, и они же смотрят и слушают казахские теле- и радиоканалы. Если мы сегодня говорим о росте числа носителей казахского языка, то это связано с тем, что возросло число говорящих на нем, прежде всего, среди самих казахов и в гораздо меньшей степени среди других этносов Казахстана. За годы независимости можно наблюдать поступательное увеличение доли казахов в общем населении Казахстана и сокращение доли других этносов, что приводит к росту абсолютной и относительной численности носителей государственного языка в стране.

В рамках политики распространения казахского языка как государственного языка среди других этносов в среднем образовании казахский язык с самых первых дней независимости вошел в программу обучения как обязательный предмет для всех школ страны независимо от языка преподавания. Его обучение ведется с первого класса и до самого окончания школы, что предполагает хорошее знание казахского языка всеми выпускниками. На практике, однако, выпускники школ некоренной национальности, за исключением, в определенной мере, выпускников тюркоязычных этносов, не знают казахского языка, кроме очень ограниченного числа слов и выражений.

Ограничение казахского языка пределами казахского этноса и его незнание другими этносами уходит корнями в советский период. По результатам последней советской переписи населения 1989 г. в Казахстане был наименьший среди всех союзных республик процент знания языка коренной национальности среди некоренных на-

циональностей [33]. Несмотря на изменение общей политической ситуации с тех пор, меры суверенного государства по поддержке и продвижению в обществе языка коренной национальности, получившего статус государственного языка, стремление некоренных этносов изучать его практически не наблюдается.

В упомянутом выше законе о языках 1989 г. казахский язык, как было сказано, был объявлен государственным языком, а русский язык – языком межнационального общения. Через шесть лет в 1995 г. в Конституции РК формулировка о русском языке была изменена. В статье 7 основного закона, посвященной языкам, указывается: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» [34]. Чем можно объяснить это изменение формулировки о русском языке в Конституции РК?

За шесть лет реализации закона о языках 1989 г. власть и общество вполне убедились в том, что только лишь объявления государственного статуса казахского языка и официальных мер по его поддержке и продвижению недостаточно для кардинального изменения языковой ситуации в стране. Казахский язык не стал доминирующим в обществе, таковым оставался русский язык, на котором говорят и общаются между собой все этнические группы Казахстана. По нашему мнению, в этой ситуации разработчики конституции не стали повторять формулировку закона о языках 1989 г. в отношении русского языка. Ведь в национальном (национализирующемся) государстве языком межнационального общения должен быть язык титульной, или государство-образующей, нации. Применительно к Казахстану, именно казахский язык должен определять (казахское) лицо единой, включающей в себя все этносы страны, нации. Но казахский язык не выполнял в 1995 г., и сегодня не выполняет функцию языка межэтнического общения в Казахстане.

Функция языка межэтнического общения имеет решающее значение для культурной интеграции полиэтнического общества. Без общения этносов на понятном им всем языке общество не может существовать как единое целое. При этом язык межэтнического общения должен быть языком одного из этносов общества. Этот этнос находится в привилегированном положении, тогда как другие этносы должны осваивать язык другого этноса. Это освое-

ние может происходить добровольно, но в нем может быть и доля принуждения со стороны этноса, язык которого является языком межэтнического общения.

В Казахстане языком межэтнического общения является русский язык. Это положение сложилось еще в советское время под воздействием политики коммунистического режима, направленной на русификацию советских народов [35]. Однако русификация имела в разных частях СССР разный уровень: одни народы оказались более русифицированными, а другие менее русифицированными. Казахи в силу исторических, политических, культурных и иных причин вошли в число советских народов с высоким уровнем русификации.

Русификация титульных народов, сложившаяся в советский период, непосредственным образом влияет на культурную интеграцию их государств в постсоветский период. Менее русифицированные народы смогли достаточно быстро утвердить свои языки как языки межэтнического общения в своих государствах. Языки титульных наций стали фундаментом культурной интеграции в их государствах. Поэтому другие этносы в них, чтобы интегрироваться в общество, должны были в той или иной мере осваивать язык титульной нации. Такое освоение означает аккультурацию или даже ассимиляцию нетитульных этносов в язык и культуру титульной нации. Такое поведение титульных и нетитульных групп в процессе культурной интеграции большинства постсоветских государств может быть более или менее точно описано в терминах теорий национальной интеграции.

Совершенно иная ситуация в сфере культурной интеграции этносов наблюдается в Казахстане. Здесь высокий уровень русификации языковой, культурной, информационной и других сфер способствует утверждению русского языка как языка межэтнического общения. По этой же причине казахский язык, обладая статусом государственного языка, не может утвердиться в качестве языка межэтнического общения. В современном Казахстане, как и в советское время, казахи и другие нерусские этносы являются двуязычными (национально-русское двуязычие), тогда как русские остаются моноязычной группой. Такое положение отражает реальную ситуацию в отношениях между языками, а именно, какой из них является доминирующим, а какой подчиненным.

В плане культурной интеграции, если казахи и другие нерусские этносы, кроме своего языка знают и говорят на русском языке, то это означает их аккультурацию в русский язык и культуру. Имеется немало казахов (особенно в северных областях Казахстана) и представителей других нерусских этносов (украинцы, белорусы, немцы, татары, корейцы и другие), для которых русский является единственным языком. В этом случае речь идет об их культурно-языковой ассимиляции. В любом случае можно говорить о культурно-языковом доминировании русских и соответствующем подчинении других этносов, включая казахов, в современном Казахстане. Эта ситуация, основанная на русификации казахов и других этносов Казахстана, сложилась в советское время и продолжается до сегодняшнего дня.

В условиях Казахстана культурная интеграция полиэтнического общества на основе языка и культуры титульного этноса означает смену культурных оснований интеграции. В результате этой смены на место русского языка и культуры в качестве оснований культурной интеграции полиэтнического Казахстана должны прийти казахский язык и культура. Сегодня это выглядит как практически неразрешимая задача, поскольку история дает мало примеров успешной смены оснований культурной интеграции полиэтнического общества. Тем не менее, государство ставит задачу национальной консолидации на основе казахского языка и культуры. Для ее решения необходимо благоприятное сочетание демографических, политических, культурных и иных факторов.

Заключение

Один из главных выводов проведенного в главе анализа состоит в том, что на национальную интеграцию Казахстана решающее влияние оказывает советское прошлое. От него Казахстан унаследовал сложную этнодемографическую структуру населения, национальную политику с сильными элементами интернационализма и значительное влияние русско-советской культуры на полиэтническое население страны. Важнейшее отличие национальной политики Казахстана в постсоветский период состоит в национальной интеграции с центральной ролью титульной казахской нации. Поэтому национальная интеграция, основанная на балансе этнической

и гражданской нации, определяется экспертами как «интернационализм с казахским лицом».

Интернационалистские элементы национальной интеграции заметно ослабили центробежные тенденции первой половины 1990-х гг. и, наоборот, усилили центростремительные тенденции нетитульных этносов. На этой основе произошла стабилизация межэтнических отношений, укрепление идентичности этнических групп с национализирующимся государством Казахстана. В конечном счете, эти процессы способствовали укреплению политической и социальной интеграции полиэтнического Казахстана, политики по формированию единого надэтнического сообщества.

Помимо интернационалистских элементов укреплению политической и социальной интеграции полиэтнического населения способствует влияние на него русско-советской культуры. Русский язык и сохраняющиеся в коллективной памяти полиэтнического населения символы советской культуры в значительной мере интегрируют этносы современного Казахстана. Они же способствуют формированию идентичности полиэтнического общества, в которой присутствуют как советские, так и постсоветские элементы.

Усилия власти направлены на культурную интеграцию этнических групп на основе казахского языка и культуры. Это соответствует постсоветской модели национальной интеграции, в которой главная роль принадлежит титульной нации. В соответствии с этой моделью язык титульной нации и ее культура должны быть доминирующими в обществе, будучи главными инструментами аккультурации и даже ассимиляции нетитульных этносов. Но русификация этносов и самих казахов препятствует культурной интеграции на основе казахского языка и культуры.

Национальная интеграция в Казахстане демонстрирует, что казахи как титульная нация доминирует в политической сфере, определяя повестку дня общества, но находятся в подчиненном положении в культурной сфере. Это препятствует формированию «казахского лица» Казахстана, в результате национальная интеграция его полиэтнического общества не в полной мере соответствует теоретическим моделям этого процесса. Вполне определенно можно сказать, что национальная интеграция Казахстана вносит новые черты в мировую практику этого процесса. Поэтому изучение опы-

та национальной интеграции Казахстана внесет вклад в теорию национальной интеграции.

Примечания и литература

1. Kuper, L. 1969. 'Plural societies: perspectives and problems', in Leo Kuper and M.G. Smith (eds.). *Pluralism in Africa*. Berkeley: University of California Press, pp. 8-25. P. 14.
2. Rothschild, J. 1981. *Ethnopolitics. A Conceptual Framework*. New York: Columbia University Press.
3. Deutsch, K. 1963. 'Nation-building and national development: Some issues for political research', in Karl Deutsch and William J. Foltz (eds.). *Nation-building*. New York: Atherton, pp. 1-16. P. 7-8.
4. Schermerhorn, R. 1970. *Comparative Ethnic Relations: A Framework for Theory and Research*. New York: Random House. P. 68.
5. Rothschild, J. 1981. Pp. 101-135.
6. Rothschild, J. 1981. P. 102.
7. Rothschild, J. 1981. P. 102.
8. Rothschild, J. 1981. P. 102-103.
9. Краткие итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник /Под ред. А.А.Смаилова/. – Алматы, 1999. С. 11.
10. Laitin, D. 1998. *Identity in Formation: The Russian-speaking Populations in the Near Abroad*. Ithaca and London: Cornell University Press.
11. Laitin, D. 1998. *Identity in Formation*. P. 21-24.
12. Kolsto, P (ed.). 1999. *Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. An Investigation of Latvia and Kazakhstan*. Boulder (Col.): Westview Press.
13. Ларюэль М., Пейруз С. 2007. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: История, политика, идентичность. Москва: Наталис. С. 245-260.
14. Назарбаев Н.А. 1994. К обновленному Казахстану – через углубление реформ, общенациональное согласие. Алматы: Казахстан. С. 19.
15. Кушербаев К.Е. 1996. Этнополитика Казахстана. Состояние и перспективы. Алматы. С. 147.
16. Olcott, M.B. 2010. *Kazakhstan: Unfulfilled Promise?* Washington: Carnegie Endowment for International Peace. P. 26-27.
17. Schatz, E.A.D. 2000. Framing Strategies and Non-Conflict in Multi-Ethnic Kazakhstan. *Nationalism & Ethnic Politics*, Vol. 6, No. 2, pp. 71-94. P. 89.
18. Kolsto, P. 1998. Anticipating demographic superiority: Kazakh thinking on integration and nation building. *Europe-Asia Studies*, vol.50, no. 1, pp. 51-69. P. 52.

Раздел I. Формы и модели культурной интеграции этносов в Казахстане

19. Кадыржанов Р.К. 2017. Идентичность и уровень межнационального согласия. Вектор консолидационных и модернизационных процессов в Казахстане и практика стран ОЭСР. В кн.: Социальная модернизация Казахстана. Астана: Институт Евразийской интеграции. С. 96-147. С. 112.
20. Зубов, А. 60% русских не хотят уезжать – исследование. Интернет газета 365 info. 20, 08, 2016.
21. Ларюэль М., Пейруз С. 2007. «Русский вопрос» в независимом Казахстане. С. 79.
22. Сайлауда берілген дауыс – ұлт болып калыптасканды білдірмейді. 2015. Жас Алаш, 07.07.
23. Назарбаев Н.А. 2018. Выступление Главы государства на XXVI сессии Ассамблеи народа Казахстана. www.akorda.kz 28апреля 2018 г.
24. Назарбаев Н.А. 2018. Обращение Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева к народу «Пять социальных инициатив Президента». www.akorda.kz 5 марта 2018 г.
25. Назарбаев Н.А. 2018. Выступление Главы государства на XXVI сессии Ассамблеи народа Казахстана. www.akorda.kz 28апреля 2018 г.
26. Назарбаев Н.А. 2018а. Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 10 января 2018 г. Казахстанская правда, 10.01.2018.
27. Назарбаев Н.А. 2012. Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Алматы: ЮРИСТ.
28. Brubaker, R. 1996. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. New York: Cambridge University Press.
29. Brubaker, R. 1996. *Nationalism Reframed*. P. 4-5.
30. Конституция Республики Казахстан. Официальное издание. Алматы, 1993.
31. Закон Казахской ССР от 22 сентября 1989 г. «О языках в Казахской ССР». Казахстанская правда, 23. 09.1989.
32. Статистика системы образования Республики Казахстан. АО «Информационно-аналитический центр». Астана, 2015.
33. Всесоюзная перепись населения. 1990. М.: Статистика.
34. Конституция Республики Казахстан. Официальное издание. Алматы, 2017. С. 6.
35. Silver, B. 1978. 'Language policy and the linguistic Russification of Soviet nationalities', in Jeremy Azrael (ed.). *Soviet Nationality Policies and Practices*. New York: Random House, pp. 69-92. P. 87.

Глава 2. Национал-патриотическая модель культурно-языковой казахизации этносов в Казахстане

Формы и модели культурной интеграции этносов в Казахстане

Культурная интеграция как решающий этап национального строительства по его постсоветской модели с главной ролью в ней языка и культуры титульного этноса является весьма актуальной для Казахстана задачей. В соответствии с логикой этой модели казахи становятся доминирующим этносом, тогда как другие этносы, включая русских, – подчиненными этносами. Как и во всей нашей работе, здесь доминирование и подчинение этнических групп понимается в социологическом плане. Это означает, что в культурно-языковых отношениях двух этносов одна группа доминирует, если ее язык является общим для обоих этносов в их вербальных отношениях. Соответственно, другая группа, вынужденная в своих вербальных отношениях с доминирующей группой перейти на ее язык, определяется как подчиненная.

Если в большинстве других постсоветских государств культурно-языковое возвышение титульных групп происходило достаточно легко, то в Казахстане, где в советское время казахи находились на социально-культурной периферии, а доминировали в полиэтническом обществе русские, постсоветская культурно-интеграционная трансформация происходит в противоречивой и сложной обстановке. Задача смены культурных оснований Казахстана с русского языка и культуры на казахский язык и культуру наталкивается на ее неприятие со стороны русских и других русифицированных этносов, включая и немалую часть городских казахов.

За годы независимости в Казахстане объективно сложились две основные формы культурной интеграции этносов. Первую из этих форм можно определить как казахизацию, которая стремится объединить полиэтническое общество на основе казахского языка и культуры. Эта форма культурной интеграции этносов берет свое начало с первых дней независимости, когда Казахстан взял курс на построение национального государства, важнейшим символом и

объединяющим началом его полиэтнического общества был провозглашен казахский язык.

Другая форма культурной интеграции этносов, основанная на русском языке и культуре, может быть определена как русификация. Эта форма этнокультурной интеграции сложилась в Казахстане еще с советского времени, с конца 1920-х гг., когда в республике начались преобразования в виде коллективизации, индустриализации, урбанизации, приведшие к ликвидации кочевого образа жизни казахов и катастрофическим для них последствиям, прежде всего, резкому сокращению их численности. Вместе с тем эти преобразования привели к резкому росту численности русских и других славянских этносов, способствовавшему широкой русификации Казахстана и охватившей значительную часть казахов, прежде всего, городскую их часть.

Русификация настолько широко и глубоко проникла в казахстанское общество, что и сегодня, спустя почти тридцать лет независимости страны и продвижения властью государственного языка, остается доминирующей формой культурной интеграции полиэтнического общества. Культурная интеграция на основе казахского языка охватывает только казахский этнос, да и то не весь, тогда как другие этносы и городские казахи по-прежнему интегрируются с помощью русского языка.

Казахизация и русификация как две основные формы культурной интеграции этносов имеют исходное значение для этнокультурно-интеграционных процессов в Казахстане. Наряду с формами мы рассмотрим модели культурной интеграции этносов в Казахстане. Эти модели являются формами способами реализации форм культурной интеграции определенными социально-политическими силами, выступающими как представители и защитники интересов основных этносов Казахстана.

Анализ национального строительства в Казахстане показывает существование трех основных моделей культурной интеграции как способов выражения этнокультурных интересов казахов, русских и других этносов Казахстана. Первая из этих моделей может быть определена как «дуальная модель», поскольку она основана на поддержке культурно-языковых интересов основных этносов Казахстана – казахов и русских. Эта модель имеет плюральный

характер в том смысле, что отражает интересы не одного, а обоих основных этносов страны. Она реализуется властью и служит основой ее политики культурной интеграции. Смысл ее состоит в приоритете казахского языка и культуры, но в то же время в поддержке русского языка и языков и культур других этносов страны. Во многом это продолжение советской национально-культурной политики, но с ее помощью власть добивается легитимности и межэтнической стабильности в полиэтническом обществе.

Другая модель определяется в данной работе как «национал-патриотическая модель культурно-языковой казахизации» как способа культурной интеграции этносов Казахстана. Эта модель выдвигается казахскими националистическими элитами, представляющими себя на социально-политической арене как самые последовательные защитники интересов казахского народа и казахского языка. Казахские национал-патриоты предлагают интегрировать и даже ассимилировать некоренные этносы в казахском языке и культуре с помощью законов и иных нормативных мер государственного принуждения. Казахские элиты критикуют власть и ее политику культурной интеграции за низкие темпы культурно-языковой казахизации и за большие, по их мнению, уступки русскому языку и культуре.

Третью модель мы определяем как «русификаторскую модель» культурной интеграции этносов, выдвигаемой русскими организациями и активистами Казахстана. Русские организации выступают на социально-политической арене как представители интересов русских, славянских и других нетитульных этносов. Русские организации обвиняют власть и казахские элиты в этнократии, в принижении статуса русского языка и сокращении сфер его применения. Они выступают за придание русскому языку статуса второго государственного языка Казахстана, восстановление российско-советских символов и другие меры консервативного характера, рассматривая их при этом как способ демократизации общества и политической системы.

В данном и следующем разделе монографии мы рассмотрим национал-патриотическую модель в контексте культурно-языковой казахизации и русификаторскую модель в контексте «русского вопроса» в Казахстане. Третья из выделенных нами выше трех моделей этнокультурной интеграции, которую мы определили как «дуальную

модель», не будет здесь нами рассматриваться сколько-нибудь подробно, поскольку была изучена в первом разделе монографии. Это связано с тем, что дуальная модель культурной интеграции этносов по существу совпадает с государственной политикой национального строительства и национальной интеграции, в которой культурной интеграции этнических групп Казахстана, как было сказано в первом разделе монографии, принадлежит одно из главных мест.

Когда говорят о политике культурной интеграции этносов в Казахстане, то имеют в виду в первую очередь ту политику, которая осуществляется государством. В нашей терминологии речь идет о дуальной модели этнокультурной интеграции, отражающей интересы казахов и русских, а вслед за ними и других этносов Казахстана. Этим дуальная модель отличается от национал-патриотической модели культурно-языковой казахизации и русификаторской модели, имеющих односторонний характер, поскольку отражают интересы только одного этноса. Эти две модели являются маргинальными в политическом и этнокультурном пространстве Казахстана в сравнении с официальной дуальной моделью культурной интеграции этносов.

Было бы, однако, ошибкой игнорировать и не принимать в расчет национал-патриотическую модель и русификаторскую модель при исследовании культурной интеграции этносов в Казахстане. Отстаивая интересы своих этнических групп, и выражая несогласие с теми или иными шагами власти в реализации этнокультурной интеграции, эти модели заставляют государственные органы вносить коррективы в политику культурной интеграции этносов. По этой причине мы посчитали необходимым остановиться подробнее не только на официальной политике и модели культурной интеграции, но и на двух других моделях этнокультурной интеграции. Это даст более полную картину культурной интеграции этносов в Казахстане.

Казахизация и культурная интеграция этносов в Казахстане

Социально-культурной предпосылкой мононациональной модели культурной ассимиляции этносов в Казахстане является широкий процесс казахизации основных сфер общества, охвативший

страну после обретения ею независимости в 1991 г. Е. Карин и А. Чеботарев определяют казахизацию как всеохватывающую (все сферы общественной жизни) политику государства, направленную на возрождение, усиление, развитие, представление и доминирование основных социокультурных, этно-демографических, экономических, политических и правовых ценностей, а также ресурсов казахов [1].

Казахизация является частью общего процесса этнизации общества, охватившей все постсоветские государства после распада СССР. Казахизация, рассмотренная сквозь призму методологического подхода «центр-периферия», означает стремление казахского этнокультурного символизма (точнее, казахских элит, разрабатывающих и продвигающих этот символизм), занять центральное положение в этнокультурном символизме всего казахстанского общества. Это означает, что казахские символы, включая в первую очередь казахский язык как главный символ этнокультурного символизма, должны стать центральными, то есть обязательными для всего населения Казахстана. Вследствие этого символы, в частности, языки других этносов станут периферийными.

Ставя своей целью придать казахским символам центральное положение в постсоветском Казахстане, казахские элиты стремятся к тому, чтобы прилагательное «казахский» стало бы главным определением возможно большего числа сфер социальной и культурной жизни Казахстана. В первую очередь казахи стремятся к тому, чтобы их важнейший символ – казахский язык – распространился если не на все, то на максимально большое число социальных и культурных сфер общества. Главное для них, чтобы казахский язык занял место русского языка в качестве языка межнационального общения в Казахстане, то есть основного средства коммуникации в обществе. Они стремятся к тому, чтобы казахский язык и другие казахские символы определяли систему образования в стране, а также другие социальные системы общества.

По нашему мнению, политику казахизации реализуют государство и казахские элиты. Под государством мы в данном случае имеем в виду правящую элиту, определяющую национальную политику, а также те связанные с ней элиты (прежде всего, казахская творческая интеллигенция), которые участвуют в конструировании

символов и манипулировании ими в русле этой политики. Очевидно, что государству, в руках которого находятся решающие политические, экономические, символические и иные ресурсы, принадлежит главная роль в казахизации общества. Определяя государство как ведущего субъекта казахизации, мы имеем в виду его политику по поддержке казахского языка в самых различных сферах, включая печатные СМИ, телевидение и радио, интернет, книжную продукцию, а также меры по расширению его применения в делопроизводстве в государственных органах и т.д. Государству принадлежит решающая роль в расширении применения казахского языка в сфере образования, начиная с детсадов и кончая университетами.

Посткоммунистическое государство, проводящее подобную политику этнизации основных сфер полиэтнического общества, Роджерс Брубейкер (Rogers Brubaker) определяет как национализирующееся государство. Он выделяет пять основных черт, характеризующих национализирующееся государство. Первой из этих черт является идея, что в государстве имеется ядерная нация (core nation) или национальность, понимаемая в этнокультурных терминах и отличающаяся от всех граждан страны в целом. В постсоветских условиях такую главную нацию называют также титульной нацией. Второй чертой национализирующегося государства является требование главенства титульной нации и принадлежности ему государства, то есть это государство титульной нации и для титульной нации. В-третьих, в национализирующемся государстве утверждается, что титульная нация находится в слабом и нездоровом состоянии. В-четвертых, утверждение, что для укрепления титульной нации, поддержки ее языка, достижения расцвета культуры, демографического превосходства, экономического благосостояния и политической гегемонии необходима активная государственная политика. В-пятых, утверждение, что такая государственная политика имеет компенсаторный для титульной нации характер. Она призвана восстановить справедливость, преодолеть дискриминацию и притеснение, которое титульная нация терпела прежде [2].

Поддерживая казахизацию, казахские элиты, или национал-патриоты, выступают как более радикальные ее сторонники. Они хотят, чтобы выдвижение казахского этнокультурного символизма в центр казахстанского общества продвигалось более быстрыми

темпами и в более полном масштабе. В частности, чтобы с большей решительностью происходило искоренение русификации казахов. Поэтому национал-патриоты критикуют власть за низкие темпы казахизации, за нерешительность в ее проведении, за большие, с их точки зрения, уступки русскому языку и русской культуре. Наиболее радикальные из них обвиняют государство в нежелании помогать казахскому языку, казахской культуре, вообще казахам [3].

Укажем на основные особенности и различия между государственной политикой казахизации и предложениями казахских элит по ее осуществлению в контексте теории культурной интеграции полиэтнического общества. Отметим, что государство, осуществляя казахизацию, вместе с тем стремится к поддержанию межэтнической стабильности, поддерживая и другие языки и культуры Казахстана. Тем самым, как было сказано выше, государство стремится укреплять центростремительные тенденции среди этнических групп Казахстана.

Политика культурной интеграции государства состоит в поддержании баланса между казахским и русским языками, на развитие двуязычия казахстанского общества при расширяющемся влиянии казахского языка. Эта политика направлена на максимальное сокращение центробежных тенденций среди нетитульных групп казахстанского общества, в особенности среди их старшего поколения. Политика государства на расширение числа владеющих казахским языком граждан направлена в первую очередь на молодое поколение страны. Поэтому в реализации этой политики главное значение придается системе образования. Казахско-русское двуязычие означает, что культурная интеграция в казахстанском обществе направлена не на ассимиляцию одним языком другого или одной нацией другой, но скорее на взаимную аккультурацию главных этнических групп Казахстана.

Национал-патриоты: что мешает этнокультурной интеграции в Казахстане

Для казахских элит казахизация в аспекте культурной интеграции означает доминирование казахского языка и культуры над остальными языками и культурами Казахстана. В таком смысле ка-

казахская нация должна стать доминирующей, господствующей в Казахстане, тогда как все остальные, включая русских, окажутся в положении подчиненных групп. Казахские элиты берут пример с тех постсоветских государств, где имеет место доминирование языка и культуры титульной группы. Мировая практика показывает, что доминирование языка и культуры одной группы ведет к аккультурации или даже ассимиляции других групп. К этому же стремятся в Казахстане казахские элиты. Вот почему их модель культурной интеграции содержит в себе элементы культурной ассимиляции. Вместе с тем, культурная ассимиляция национальных меньшинств ведет к их растворению в национальном меньшинстве, то есть к образованию мононации. Поэтому модель культурной интеграции казахских элит можно также определить как мононациональную модель культурной ассимиляции этнических групп Казахстана.

В чем состоит особенность подхода казахских национальных элит к политике казахизации и основанной на ней культурной интеграции этносов в Казахстане? Отстаивая свои позиции в спорных вопросах этнокультурной интеграции, казахские национал-патриоты исходят из того, что Казахстан является казахским национальным государством. Поэтому оно должно быть «политической крышей» для развития казахского языка и культуры и, следовательно, казахского народа. В вопросах этнокультурной интеграции полиэтнического населения это означает, что государство должно проводить политику, направленную на доминирование казахского языка и культуры в культурно-языковом пространстве Казахстана. Это доминирование приведет к тому, что все этносы, даже не будучи ассимилированными, будут знать и использовать казахский язык в своей социальной коммуникации. С этой целью государство приняло закон о языках и другие законы, направленные на доминирование казахского языка в культурно-языковом пространстве Казахстана.

Политика культурной интеграции этносов выглядит для казахских национал-патриотов как правовая и административная деятельность государства по принятию соответствующих законов и их последующей реализации в жизнь. В соответствии с этой логикой национальное государство должно неуклонно проводить в жизнь свою политику, а граждане должны подчиняться этой политике. В

реальности, однако, реализация законов, которые принимает государство, не приводит к той цели, ради которой они принимались. Закон о языках не привел к доминированию казахского языка и использованию его в социальной коммуникации всеми этносами Казахстана. Видя это, национал-патриоты стали обвинять государство в том, что обладая необходимыми ресурсами и полномочиями, оно не проводит в жизнь законы и программы, которые само же приняло. Следуют обвинения в отсутствии политической воли выполнять политику этнокультурной интеграции на основе казахского языка и культуры и вплоть до предательства интересов казахов.

Помимо властной элиты у казахских национал-патриотов имеются другие объекты обвинений в невыполнении или даже подрыве политики культурной интеграции этносов на основе казахского языка и культуры. Одним из этих объектов являются русскоязычные казахи. Национал-патриоты обвиняют городских русскоязычных казахов в нежелании выучить и говорить на казахском языке, видя в этом одну из главных причин нежелания других этносов использовать государственный язык в межэтническом общении. Неслучайно поэтому национал-патриоты обвиняют русскоязычных казахов в предательстве своего народа, прислужничестве русским и России [4].

Одним из главных объектов критики казахских национал-патриотов являются русские граждане Казахстана. Их главная вина, по мнению национал-патриотов, состоит в том, что за тридцать лет с момента провозглашения казахского языка как государственного языка Казахстана не только не выучили его, но и не собираются этого делать. Во всяком случае, на сегодняшний день молодое поколение русских, ввиду того, что казахский язык стал обязательным предметом школьной программы, несколько лучше знает казахский язык, чем их родители. Однако этого улучшения недостаточно, чтобы изучая в течение одиннадцати лет казахский язык, использовать его как хотя бы средство устной коммуникации. Языковое поведение русских определяет языковое поведение других нетитульных этносов, в первую очередь славянских и европейского происхождения, а также таких национальностей, как корейцы, татары и другие. Они остаются русскоязычными гражданами, причем русский язык является для них единственным средством вербальной коммуникации. Следовательно, русский язык является

для русских и других нетитульных национальностей, как, впрочем, для многих городских казахов, средством их этнокультурной интеграции в современном Казахстане. Русские, таким образом, рассматриваются казахскими национал-патриотами как одно из главных препятствий культурной интеграции этносов на основе казахского языка и культуры [5].

Можно выделить еще один объект критики казахских национал-патриотов в вопросах языка и культурной интеграции этносов в Казахстане. Речь идет о России, которая, по мнению национал-патриотов, в своей внешней политике рассматривает Казахстан как сферу своего влияния, в том числе в культурной сфере. С их точки зрения, Казахстан представляет для России особый интерес в силу высокого уровня русификации своего населения, включая и коренных жителей страны. Россия заинтересована в том, чтобы русский язык сохранял свои доминирующие позиции в казахстанском обществе. В частности, Россия периодически ставит вопрос о придании русскому языку правового статуса второго, наряду с казахским, государственного языка Казахстана. Казахские национал-патриоты рассматривают такую постановку вопроса как огромную угрозу не только культурной интеграции этносов, но и независимости Казахстана как национального государства [6].

Основные элементы национал-патриотической модели культурно-языковой казахизации этносов Казахстана

Различные казахские элиты выдвигают различные требования и предложения, направленные на культурную интеграцию Казахстана на основе казахизации. Тем не менее, есть общие требования и предложения, которые позволяют говорить о единой национал-патриотической модели культурно-языковой казахизации этносов Казахстана. Эти общие предложения и требования казахских элит можно трактовать как основные элементы указанной модели. Здесь мы укажем ряд элементов национал-патриотической модели культурной ассимиляции этносов Казахстана, которые можно определить как основные для нее.

В первую очередь речь идет о требовании признания на официальном уровне казахов как государство-образующей нации Ка-

захстана. Следует отметить, что этого положения нет в конституции Казахстана и других основополагающих документах. Однако в последнее время это положение стало входить в официальные документы. Так, президент Касым-Жомарт Токаев в своем послании народу Казахстана от 2 сентября 2019 г. сказал: «Нам нужно, учитывая роль казахского народа как государствообразующей нации, продолжать укреплять межэтническое согласие и межрелигиозное взаимопонимание» [7].

Разновидностью требования о признании казахов как государство-образующей нации является утверждение «В Казахстане существует только одна нация – казахи, все остальные являются диаспорами». В этой формуле содержится претензия казахских элит на более высокий статус казахов как нации, а других национальностей Казахстана как диаспор, имеющих каждая свою историческую родину. Тем самым, требование признания казахов как государство-образующей нации содержит в себе претензию на положение казахов как доминирующей нации, то есть национального большинства, а других национальностей как подчиненной группы или национального меньшинства.

Для национал-патриотической модели важнейшее значение имеет требование реализации конституционного положения статуса казахского языка как государственного языка Казахстана. Это требование направлено на приоритет казахского языка во всех сферах социальной жизни казахстанского общества, применение заложенных в законе о языках мер принуждения для реализации положений этого закона. Данное требование включает в себя призывы к исключению конституционного положения о русском языке и, в целом, применению государством административных мер для уменьшения в социальной практике применения русского языка. Этот элемент национал-патриотической модели культурно-языковой казахизации означает утверждение доминирующего статуса казахского языка на основе законодательной деятельности и применения мер принуждения для их реализации. В этом элементе национал-патриотической модели неявно присутствует стремление к утверждению доминирующего положения казахского языка не в результате реальной языковой коммуникации, но в результате применения законодательно-административных мер [8].

Важнейшее значение для национал-патриотической модели имеет требование доминирования казахского языка в системе образования. В целом сегодня в Казахстане наблюдается доминирование казахского языка в системе школьного образования и тенденция расширения сферы казахского языка в системе высшего образования. Это достигнуто за счет поддержки государства в сфере образования. Однако казахские элиты считают, что этого недостаточно и требуют усилить меры по казахизации системы образования, в частности, перевести все школы Казахстана на казахский язык обучения. В мировой литературе утверждается ведущая роль системы образования в формировании наций и национальной интеграции полиэтнического и поликультурного населения общества в различных регионах мира. Это означает, что требование перевода всех школ на казахский язык обучения является одним из важнейших элементов национал-патриотической модели культурно-языковой казахизации этносов в Казахстане [9].

Большую роль в национал-патриотической модели играет требование доминирования казахского языка в информационной сфере. В этой сфере в постсоветский период наблюдается расширение применения казахского языка за счет появления новых газет, журналов, телевизионных и радиоканалов, а также казахскоязычных сайтов в Интернете. Кроме того, государство поддерживает популярные журналы и газеты, существовавшие еще в советский период. Несмотря на это в информационной сфере Казахстана до сегодняшнего дня наблюдается доминирование СМИ на русском языке. Сюда следует добавить трансляцию на Казахстан ведущих российских теле- и радиоканалов, распространение ведущих российских газет и журналов, а также доминирование в нашей стране книжной продукции из России. Эти факторы способствуют сохранению русификации казахов и поддержанию пророссийской ориентации значительной части казахстанского общества. Казахские элиты видят в этих процессах сильнейшее препятствие доминированию казахского языка и культуры и их распространению среди неказахской части населения Казахстана, то есть культурной интеграции этносов на основе казахского языка и культуры.

Большое значение в национал-патриотической модели придается стремлению к утверждению среди полиэтнического населения

Казахстана казахской, а не казахстанской идентичности. Это, в частности, касается названия народа Казахстана – казахи или казахстанцы. Точно так же речь идет о названии государства – Республика Казахстан или Казахская Республика. Казахские элиты утверждают, что название всех граждан Казахстана казахами имеет политический смысл, но не этнический. Однако неказахская часть населения не принимает этот аргумент из опасений, что за ним стоит стремление к их ассимиляции. Аналогичным образом неказахская часть населения не принимает название «Казахская Республика», опасаясь, что за этим стоят претензии на Казахстан как государство казахов, а не всех граждан страны. Неказахская часть населения также опасается, что переименование государства приведет к усилению претензий казахов на доминирование среди этносов Казахстана [10].

Важным элементом национально-патриотической модели является требование казахских элит дать всем местностям Казахстана казахские названия. Речь идет, в частности, о переименовании некоторых областей и областных центров, не говоря уже о названиях районов, городов, поселков, улиц, площадей и т.д. Например, споры о переименовании городов Павлодара и Петропавловска продолжаются в течение не одного десятилетия. В целом, ономастическая казахизация поддерживается государством. Однако, стремясь к межэтнической стабильности, власть сохраняет дореволюционные и советские названия местностей в северной и восточной частях Казахстана, где доля русского и русскоязычного населения велика. Это вызывает критику власти казахскими элитами, которые рассматривают ономастическую политику как уступку русским. Цель ономастической казахизации как элемента национал-патриотической модели состоит в том, чтобы показать неказахским группам, что они живут на земле казахов и, соответственно, должны законопослушно принимать их доминирование. Ономастика является инструментом культурной интеграции этносов Казахстана на основе казахского языка и культуры [11].

В политике культурно-языковой казахизации особое место принадлежит истории. Ее главная задача состоит в создании нарративов, которые должны обосновать древнее происхождение казахов на территории современного Казахстана и их особую роль в ее защите. Эти нарративы, распространяемые в школьных и вузов-

ских учебниках, СМИ, кинофильмах, музейных экспозициях и т.д., показывают неразрывную связь казахов и территории современного Казахстана. В принципе, такая историческая политика государства является важной частью культурной интеграции этносов в Казахстане. Она полностью поддерживается казахскими элитами, которые стремятся еще больше усилить роль казахов в конструируемых исторических нарративах.

***Этнический национализм как идеологическое основание
национал-патриотической модели культурно-языковой
казахизации этносов в Казахстане***

Приведенное выше описание национал-патриотической модели культурно-языковой казахизации этносов в Казахстане позволяет определить ее идеологическое основание как этнический национализм. Детальный анализ понятия «этнический национализм» не входит в число задач данной работы. Для нас здесь вполне достаточно широкого определения этнического национализма как того направления идеологии национализма, которое отождествляет этнос и нацию и настаивает на этнической природе нации.

В данном случае мы рассматриваем казахский этнический национализм в том виде, в каком он проявляется в национал-патриотической модели культурно-языковой казахизации этносов в Казахстане. Мы будем пользоваться различными определениями, или характеристиками, этнического национализма для их соотнесения с описанными выше элементами мононациональной модели.

Прежде всего, этническое понимание нации проявляется в требовании признания казахов как государствообразующей нации в Казахстане, то есть в претензиях признать приоритетное, доминирующее положение казахов среди всех этносов Казахстана. В таком виде казахский этнический национализм отрицает гражданское понимание нации, которое основано на принципе правового равенства граждан страны в доступе к социально-культурным ресурсам общества и использовании безо всякой дискриминации языка и культуры своего этноса.

В требовании признания казахов как государствообразующей нации содержится, кроме того, такая характеристика казахского

этнического национализма как титульный национализм. Понятие титульного национализма имеет постсоветскую коннотацию, будучи отнесено к титульным нациям. Речь идет о нациях, по имени которых назывались советские республики, а после распада СССР постсоветские государства. Именно титульный этнический национализм привел к распаду СССР, а в постсоветский период стал движущей силой национального строительства в новых независимых государствах. Национальное строительство на основе титульного национализма отдает приоритет языку и культуре титульной нации как тех социально-культурных факторов, которые придают своеобразие и определяют лицо новых независимых государств.

В этом же ряду стоит такое определение казахского этнического национализма как национализирующийся национализм. Выше мы привели определение национализирующегося национализма как такой подход к новому независимому государству, при котором оно рассматривается ведущими элитами как государство определенной нации и для этой нации [12]. Иначе говоря, в соответствии с казахским национализирующимся национализмом Казахстан определяется его элитами как государство казахской нации и для казахской нации. Вот почему в рамках мононациональной модели казахам отводится особое, доминирующее место среди этносов страны, а другим группам, в соответствии с этой логикой, подчиненное место.

Приоритет казахского языка и культуры в рамках национал-патриотической модели культурно-языковой казахизации этносов в Казахстане позволяет нам дать еще одно определение казахского этнического национализма как романтического национализма. Этот вид этнического национализма, восходящий к одному из основоположников национализма, великому немецкому мыслителю XVIII века И.Г. Гердеру, отождествляет нацию с ее языком и культурой. В этом смысле не только казахский, но и другие посткоммунистические этнические национализмы могут быть определены как романтический национализм [13]. В национал-патриотической модели культурно-языковой казахизации этносов Казахстана романтический национализм выступает в его радикальной форме в виде требования ассимиляции нетитульных этносов.

Отметим, наконец, еще определение казахского этнического национализма как примордиализма. Под этим понимается такая

интерпретация нации, которая относит ее корни к древности и при этом сама нация сохраняется в неизменном виде до сегодняшнего дня. Примордиализм рассматривает нацию как неизменную данность на всем протяжении ее истории, что способствует мифологизации нации и ее истории. В этом плане примордиализм играет ведущую роль в разработке исторических нарративов с целью обоснования особой связи казахов с территорией Казахстана в аспекте приоритета казахов в национальном строительстве и культурной интеграции этносов Казахстана при ведущей роли казахов.

Институциональное продвижение мононациональной модели

Для того чтобы общество узнало об идеях казахских элит по вопросам культурной интеграции, то есть мононациональной модели культурной ассимиляции, должны существовать определенные институты, в частности, организации, которые позволяют донести эти идеи до общества. С этой целью казахские элиты создали организации, ставящие своей целью распространение в обществе своих идей и расширение числа их сторонников. В первой половине 1990-х гг. возникли казахские политические партии, а также множество общественных организаций, ставивших своей целью развитие казахского языка и культуры. Принятие Конституции РК в 1995 г. запретило создание политических партий на этнической основе, но сохранились различные казахские организации, рассматриваемые как институты гражданского общества [14].

Казахские элиты имеют свои взгляды и идеи на культурную интеграцию этносов в Казахстане, которые в своей совокупности составляют определенную систему. Эта система была определена нами как мононациональная модель культурной ассимиляции этносов Казахстана, поскольку она осознанно или неосознанно направлена на ассимиляцию, либо аккультурацию нетитульных этнических групп в казахский язык и культуру. При этом необходимо иметь в виду, что выражающие идеи мононациональной модели казахские организации не входят во власть, чтобы иметь возможность осуществлять на практике свои идеи. Более того, как отмечалось выше, по целому ряду вопросов реализации казахизации и отношения к другим языкам Казахстана, в первую очередь к рус-

скому языку, казахские организации критикуют власть, что ставит их в положение оппозиции по отношению к власти. Это еще более ограничивает их возможности не только осуществления своих идей на практике, но даже донесения их до общества.

В целом, казахские организации, выражающие идеи мононациональной модели культурной ассимиляции, можно определить как маргинальные в силу их оппозиционности. Это означает, что у них отсутствуют необходимые средства, прежде всего, финансовые, для их существования как организаций и практических акций. Число активистов этих организаций очень мало, нередко они состоят из одного их руководителя. Нередко эти организации существуют только на бумаге, будучи зарегистрированными в органах власти много лет назад.

В этой ситуации главным институциональным средством продвижения идей мононациональной модели культурной ассимиляции является Интернет, а также несколько газет, в той или иной мере отражающих идеи этой модели в аспекте казахизации. Имеется определенный сегмент казахскоязычного Интернета, который регулярно посещает сайты и социальные сети, выражающие идеи казахских организаций по вопросам культурной интеграции полиэтнического общества в отношении к казахскому языку и культуре. Иногда активистам казахских организаций удастся привлечь внимание общества к обсуждению каких-то проблем, касающихся казахского языка и других проблем, имеющих отношение к культурной интеграции казахстанского общества. Пожалуй, последним таким случаем было обсуждение программы трехязычия в 2016 г. после ее объявления Министерством образования и науки РК. В этой программе казахские организации увидели угрозу казахскому языку, перспективам его доминирования в будущем [15].

Примечания и литература

1. Karin E., Chebotarev A. The Policy of Kazakhization in State and Government Institutions in Kazakhstan. In Oka N. (ed.). The Nationalities Question in Kazakhstan. Tokyo: Institute of Developing Economies, JETRO, 2002, pp. 69-108. P. 69.
2. Brubaker R. Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states. Ethnic and Racial Studies, vol. 34, no. 11, 2011, pp. 1785-1814. P. 1786.

Раздел I. Формы и модели культурной интеграции этносов в Казахстане

3. Біздің билік орыс тіліне неге «зависим»? // <https://abai.kz/post/58943> от 12.09.2017

4. Құл қожайынның тілінде сөйлейді // <https://zhasalash.kz/saraptama/qul-qozhajynyn-tilinde-sojlejdi-8818.html> от 23.04.2020

5. Качество преподавания госязыка в школах с русским языком обучения будет улучшено // <http://www.matritca.kz/news/6823-kachestvo-prepodavaniya-gosyazyka-v-shkolah-s-russkim-yazykom-obucheniya-budet-uluchsheno.html> от 03.02.2014.

6. Мәскеудің арманы - орыс тілді Қазақстан // <https://abai.kz/post/114902> от 19.06.2020.

7. Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана // https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana от 02.09.2019.

8. Қамшы ұсынысы: Конституциядағы орыс тілін мәртебесі алынып тасталсын! <https://qamshy.kz/article/20046-konstitutsiyadaghy-orys-tilinin-martebesi-alynur-tastalsyn> от 07.02.2017

9. Дос Көшім. Орыс мектептерін жабуымыз керек деген қате ұран // <https://abai.kz/post/86719> от 06.03.2019.

10. Роллан Сейсенбаев. Мемлекетіміздің атауы Қазақ Елі болуы керек еді // <https://adyrna.kz/post/44869> от 23.08.2020.

11. В Петропавловске спорят о переименовании улиц // <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-onomasstika-petropavlovsk/28125818.html> от 18.11.2016.

12. Brubaker, R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, p. 5.

13. Hupchick D.P. The Balkans: From Constantinople to Communism. Springer, 2002, pp. 189-211.

14. Конституция Республики Казахстан. Официальное издание. Астана, 2017.

15. Құрметті Елбасы, біз қазақты мәңгүрт етуге қарсымыз // <https://abai.kz/post/43602> от 05.04.2016.

Глава 3. Русификаторская модель культурной интеграции этносов в Казахстане

Русификаторская модель в контексте «русского вопроса» в Казахстане

Русификаторская модель культурной интеграции является реакцией русских организаций, выступающих от лица русскоязычного населения Казахстана, на политику казахизации государства и поддерживающих эту политику казахских организаций, требующих от власти более масштабной и решительной ее реализации. Иначе говоря, русификаторская модель противостоит дуальной модели власти и национал-патриотической модели культурно-языковой казахизации казахских элит в стремлении защитить интересы русскоязычного населения в культурной и языковой сфере.

История Казахстана на протяжении последних двух-трех веков привела к тому, что отношения казахов и русских оказались в центре межнациональных отношений. Противоречивые отношения казахов и русских имеют решающее значение для национального строительства и культурной интеграции Казахстана. Как указывает Марта Брилл Олкотт, каждому постсоветскому государству было непросто найти свое определение народа, но в Казахстане эти усилия сопровождались наибольшими противоречиями. Эти противоречия связаны с тем, что когда Казахстан обрел собственную государственность, два основных народа – русские и казахи – по-разному воспринимали мир и тем самым поставили перед правительством сложную задачу примирения этих расхождений [1].

Противоречивые отношения казахов и русских в постсоветском Казахстане демонстрируют их конкуренцию за доминирование в языковой, культурной и других сферах. Эта конкуренция наблюдается на всем протяжении постсоветского периода, хотя ее начало прослеживается в позднее советское время. На основе этой конкуренции выросли модели культурной интеграции, которые мы определили как национал-патриотическая модель культурно-языковой казахизации этносов и русификаторская модель культурной интеграции этносов. В самом кратком виде указанную конкурен-

цию моделей можно определить как противостояние казахизации и русификации.

Русификацию этносов в Казахстане можно определить как культурную интеграцию на основе русского языка и культуры. Своего максимума она достигла в советский период, когда этому способствовала национальная политика коммунистического режима. Однако спустя почти три десятилетия после крушения коммунистического режима и обретения независимости Казахстана русский язык сохраняет ведущие позиции в казахстанском обществе, а этнические группы интегрируются на основе русского языка и культуры. Хотя русификация этносов Казахстана лишилась политической поддержки государства, однако на ее стороне остается мощь русского языка и культуры, их привлекательность не только для русских, но и для других народов, в том числе и казахов. Поэтому русским языком продолжают пользоваться в образовании, СМИ, Интернете, во всех сферах вербальной коммуникации казахстанского общества, включая государственное делопроизводство.

Со стороны власти русскому языку в Казахстане оказывается поддержка в правовом, административном, экономическом плане. Оказывая поддержку русскому языку, государство укрепляет межнациональную стабильность в обществе. Не обладая формально-правовым статусом государственного языка, русский язык, тем не менее, доминирует в Казахстане. Не будет преувеличением сказать, что культурная интеграция этносов на основе русского языка и русско-советской культуры остается доминирующей формой интеграции в Казахстане. Несмотря на поддержку государства, культурная интеграция на основе казахского языка касается только казахов, да и то не всего казахского этнического сообщества, поскольку немалая его часть остается русифицированной.

Тем не менее, со стороны русских элит в Казахстане и поддерживающих их элит в России не ослабевают претензии к государству и обращенные к обществу алармистские высказывания о тревожном положении русского языка и в целом русскоязычного населения. Именно эти высказывания, претензии и основанные на них предложения в своей системной взаимосвязи определяют то, что мы называем русификаторской моделью культурной интеграции этносов в Казахстане. Элементы этой модели носят консерва-

тивный по отношению к происходящим в постсоветском Казахстане изменениям и политике в национальной сфере характер. Эти изменения интерпретируются в этой модели как угроза русскому языку и культуре в Казахстане. В качестве идеала в неявной форме рассматривается то состояние, которое русский язык и культура имели в Казахстане в советский период. Любая критика существующего положения объекта или явления неявно содержит в себе идеал, которому объект или явление не соответствуют и в направлении которого положение следует исправить. Предложения русских организаций по улучшению положения русского языка и культуры в неявной форме подразумевают обращение к советскому опыту, что также позволяет нам определить их модель культурной интеграции как реставрационную по своей направленности.

По нашему мнению, нигде на постсоветском пространстве местное русское сообщество не выдвигает требования по улучшению положения русского языка и культуры, обращенные к власти новых независимых государств. Причем это улучшение подразумевает отказ от реформ в сфере культуры и языка, произошедшие в постсоветский период, и возврат к положению в этой сфере советского периода. Все реформы постсоветских государств, направленные на развитие языка и культуры титульной нации, рассматриваются как носящие ущерб русскому языку и культуре. Однако нигде кроме Казахстана эти требования не артикулируются в столь явной форме. В этом, на наш взгляд, проявляются особенности «русского вопроса» в независимом Казахстане. Эти особенности связаны с восприятием русскими своего места в истории Казахстана и взгляда на независимость страны и тех изменений, которые в ней происходят.

Советский Казахстан как «русская» республика

Распад СССР стал для русского населения огромной катастрофой, поскольку они потеряли страну, которую считали своей настоящей большой родиной. Те русские (25 миллионов человек), кто в советское время жили за пределами РСФСР, оказались теперь вне своей исторической родины. В это число следует отнести 6 миллионов русских Казахстана, которые оказались теперь гражданами нового независимого государства, с которым они должны были вы-

страивать новые отношения. Необходимость строить новые отношения была связана с тем, что это государство объявило себя как национальное государство казахов и брало на себя обязательства в первую очередь защищать и представлять их культуру и язык.

Для русских Казахстана как ни в каком другом постсоветском государстве было трудно воспринимать республику как национальное государство казахов, а не привычное и удобное место жительства для русских, каким был советский Казахстан. В советское время Казахстан рассматривался русскими как земля казахов чисто символически, как дань этнотерриториальному устройству СССР. Русские проживали в городах и сельских районах северного и восточного Казахстана, в которых они занимались зерновым и овощным хозяйством. Казахов в таких местах было мало, они были заняты скотоводством в южных и западных областях республики. В городах же, прежде всего, индустриальных центрах, русское население составляло подавляющее большинство. Казахи же были в меньшинстве, при этом отличаясь высоким уровнем русификации и слабым знанием родного языка.

Живя в Казахстане, русские привычным для себя образом пребывали в той же культурно-языковой среде, которая была в любом российском городе. Это был тот же самый «русский мир» с русским языком и русско-советской культурой. Казахский язык и казахская культура присутствовали в социальном пространстве, но в минимальном размере и на далекой периферии городской жизни, что на нее не обращали никакого внимания. Напротив, казахи сами стремились говорить по-русски, отдавать своих детей в русские школы и вели образ жизни, который ничем не отличался от того, что вели русские. Казахи воспринимались как свои, между русскими и ними не было никаких границ. Русские считали казахов своими только тогда, когда те «играли» по их правилам (язык, поведение, стиль общения) [2].

Как отмечает Себастьян Пейруз (Sebastien Peyrouse), русские в Казахстане на протяжении всего советского времени воспринимали себя как жителей преимущественно «русской» республики, которая в культурном отношении была гораздо ближе России, Украине или Белоруссии, чем Средней Азии [3]. Неслучайно, в советское время регион, который сегодня называется «Центральная Азия», на-

звался «Средняя Азия и Казахстан». В этом названии выделялось особое место и отличие Казахстана от других республик региона. Если республики Средней Азии были в культурном отношении достаточно близки друг другу, то Казахстан заметно отличался от них. Это отличие заключалось, по нашему мнению, в том, что в советское время в Казахстане определяющее значение имела русская культура, а не локальная среднеазиатская культура [4].

В шестидесятых, семидесятых и даже первой половине восьмидесятых годов XX столетия наблюдалось заметное переселение русских из России в Казахстан. Это была не массовая мобилизация русских и славянских народов тридцатых годов и последующих двух десятилетий для выполнения планов советского режима по индустриализации, урбанизации и освоению целинных земель Казахстана. Начиная с 1960-х гг. русские переезжали в Казахстан по своему индивидуальному выбору как месту, где можно было лучше устроить свою жизнь. Переезжали, как правило, из Сибири, Дальнего Востока в южные районы Казахстана с мягким климатом, плодородными почвами и достаточно развитой инфраструктурой, не уступавшей по своему развитию тому, что они имели в прежних местах. Не менее важным фактором при таком переезде было то, что они переселялись в места, где имелось доминирование русских в населении городов, пригородных районов. Таких мест, где русские селились в привычной культурно-языковой среде, в Казахстане было много. В других советских республиках, где начиная с 1960-х гг. происходил рост коренного населения и его культурно-языкового влияния, русские чувствовали дискомфорт и постепенно эмигрировали из этих республик.

Советский Казахстан как «своя» республика казахов

Во второй половине 1980-х гг. общая ситуация в Советском Союзе в целом и в Казахстане в частности существенно изменилась, что привело в конечном счете к изменению восприятия русскими Казахстана и казахов. Политика перестройки привела к росту этнонациональной мобилизации по всей стране и протестным выступлениям на национальной почве. Одним из первых таких выступлений стали события декабря 1986 г. в Алма-Ате. Обращен-

ные к Москве в ходе этих событий протесты казахской молодежи против назначения руководителем Казахстана этнического русского наглядно продемонстрировали существование этнического национализма у казахов.

Назначая этнического русского человека (к тому же никогда прежде не бывавшего в Казахстане) руководителем в Казахстан, Москва была уверена, что это решение будет спокойно воспринято в республике, которую всегда характеризовали как «лабораторию дружбы народов». Москва, однако, не учла, что в последние десятилетия (1960-1980 гг.) национальное самосознание казахов изменилось, и они, как и другие советские народы, все больше стали воспринимать Казахстан как «свою» республику [5]. Это, в частности, означало, что в сознании коренного населения стало аксиомой, что руководителем республики должен быть «свой», то есть представитель титульной национальности.

События декабря 1986 г. стали уроком и для местных русских в Казахстане. Смысл этого урока состоял в том, что необходимо изменить взгляд на Казахстан и казахов. Казахи теперь воспринимались русскими не просто как коренные жители Казахстана, которым еще в 1920 г. режим «приписал» республику, сначала как автономную, а потом повысил ее статус до уровня союзной. Русские теперь увидели в казахах не формальных хозяев республики, но нацию, стремящуюся стать настоящими хозяевами Казахстана. Восприятие русскими Казахстана как преимущественно «русской» республики требовало теперь серьезной коррекции, поскольку они во все большей мере ощущали тенденции изменения ситуации в направлении «казахского» Казахстана. Республика, которая всегда воспринималась русскими как «своя», на глазах превращалась в «не свою, чужую».

Дальнейшее развитие социально-политических событий вплоть до 1991 г., когда после распада СССР Казахстан провозгласил свою независимость, заставило многих казахстанских русских определиться со своим отношением к новому национальному государству: продолжать ли жить в нем или уехать из него? Принимать ли его гражданство? Как относиться к тому, что это государство станет теперь казахским национальным государством и проводить соответствующую политику? Эти вопросы стояли перед каждым русским жителем Казахстана, и каждый должен был дать на эти вопросы свой ответ.

***Реакция русских на независимость Казахстана:
выход, голос, лояльность***

Ситуация, когда отношения между организацией и зависящим от нее индивидом меняются и индивиду приходится в зависимости от этого принимать решения в своих интересах, является типичной для всех сфер социальной практики, и она хорошо изучена в литературе. В самом общем виде решения, принимаемые индивидом, укладываются в формулу из трех слов “Exit, Voice, Loyalty” (Выход, Голос, Лояльность), раскрытой в классической книге Альберта Хиршмана (Albert Hirschman) под тем же названием. Здесь «выход» означает прекращение отношений в той или иной форме между организацией и индивидом, то есть индивид «выходит» из отношений с организацией. Слово «голос» является синонимом протеста, выражением несогласия со стороны индивида или группы сложившейся ситуацией в его/их отношениях с организацией. Наконец, «лояльность» указывает на третий вид решения в отношениях организации и индивида, когда индивид принимает сложившиеся изменения и проявляет лояльность организации [6].

Реакции русских на обретение независимости Казахстана и его национальную политику вполне укладываются в указанную трехчленную формулу Хиршмана. Начиная еще с конца 1980-х гг. одна часть русских Казахстана выбрала центробежную реакцию на превращение Казахстана в независимое государство, то есть они выбрали решение «выход». Эта часть русских не захотело интегрироваться в новое государство, и предпочла и до сих пор предпочитает покинуть Казахстан, эмигрировать из него.

В первом разделе нашей книги мы рассмотрели вкратце эмиграцию русских из Казахстана в 1990-е годы. Масштаб выезда русских из Казахстана был в эти годы беспрецедентным. Точных данных по эмиграции русских не имеется, поскольку многие уезжали безо всякой регистрации и поэтому можно говорить только о неофициальных данных и оценках. Какую-то оценку выезда русских из Казахстана можно получить, если сопоставить данные переписей населения 1989 г. и 1999 г. По переписи 1989 г. в Казахстане проживало 6227,5 тыс. русских [7], а по переписи 1999 г. их численность составляла 4479,6 тыс. человек [8]. Разница состав-

ляет 1747,9 тыс. человек, что само по себе является внушительной цифрой, хотя не все могут считаться эмигрантами, поскольку убыль населения имеет и естественные причины, в том числе смертность. Но нет сомнения в том, что значительную часть из этого числа составляют добровольно покинувшие Казахстан. По оценкам экспертов их число составляет 1,5 – 2 миллиона человек.

В последующие годы выезд из Казахстана русских и других народов заметно сократился, но неправильно будет сказать, что он полностью прекратился. В меньшем масштабе, но эмиграция русских из Казахстана продолжается и до сегодняшнего дня. В 2010-е годы ежегодно 25-30 тысяч русских ежегодно покидало Казахстан [9]. Это говорит о том, что центробежные тенденции сохраняются среди русских Казахстана, хотя и в меньших масштабах. Для русских опция «выход» как способ решения взаимоотношений с Казахстаном сохраняется до сегодняшнего дня.

Если, согласно оценкам экспертов, 1,5 – 2 млн, то есть 25-30% русских покинуло Казахстан в течение 1990-х гг., то 70-75% русских остались жить в стране. Несомненно, среди них было тоже немало желавших покинуть Казахстан, но в силу материальных причин они не могли этого сделать. Переезд в Россию требовал немалых денег и не все могли себе это позволить. Были, конечно, и другие причины, в том числе психологического характера, которые заставляли людей отказаться от идеи переехать в Россию и, наоборот, принять решение остаться жить в Казахстане.

Не надо забывать, что многие русские имели достаточно высокий уровень идентичности с Казахстаном. Этому способствовала, например, длительность проживания в Казахстане: 66% русских родились в республике, а многие семьи были укоренены в стране в течение нескольких поколений [10]. Немалое число русских вышли из смешанных казахско-русских семей, что тоже было важным фактором идентификации с Казахстаном. Поэтому среди русских была велика доля тех, кто считал своей родиной одновременно Советский Союз и Казахстан, не питая при этом особых чувств к России и совсем не желая в нее переезжать.

Большинство оставшихся в Казахстане русских отказалось от опции «выход» в своих отношениях с государством, гражданами которого они теперь стали. У них, в соответствии с формулой

Хиршмана, остались две опции, а именно, «голос» и «лояльность». «Голос», как мы сказали выше, является синонимом или выражением протеста, с помощью которого индивид хочет отстаивать свои интересы и интересы группы, к которой он принадлежит. В случае казахстанских русских протест был направлен в первую очередь на отстаивание интересов русских против проводимой государством политики продвижения казахского языка и культуры как средств культурной интеграции полиэтнического общества. Использование «голоса» в Казахстане, отдававшем приоритет казахскому языку и культуре, было для русских неизбежным.

Практика использования «голоса» в социально-политических условиях современного Казахстана показывает, что к нему прибегает меньшинство русского населения, хотя поддерживают протест против государственной политики продвижения казахского языка и культуры абсолютное большинство русских. В условиях хотя и мягкого, но, тем не менее, авторитарного режима власти в Казахстане большинство любой социальной группы не может прибегать к «голосу», то есть критике политики власти. Это может делать только активное меньшинство, объединенное в организации или иные институциональные формы коллективного действия.

В Казахстане «голос» русских организаций был отчетливо слышен в 1990-е годы, особенно в их первой половине. В то время в рамках постперестроечной либерализации в Казахстане действовали достаточно многочисленные организации, выступавшие от имени различных социальных, в том числе, национальных групп. В их числе были и русские, славянские, казачьи организации, которые выступали от имени русскоязычного населения в поддержку русского языка и культуры. Однако даже в это время связь между большинством русского населения и организациями, выступавшими от его имени, была рыхлой, без какой-либо поддержки и ответной мобилизации. Без поддержки снизу «голос» русских организаций ослабевал, оставаясь выбором и делом вовлеченного в него меньшинства [11].

Большинство же русского населения Казахстана с самого начала выбрало для себя опцию «лояльность» из трехчленной формулы Хиршмана. Лояльность означает признание русскими законности сложившейся социально-политической системы в Казахстане и принятие проводимой властью политики в соответствии с логикой

этой системы. Русские граждане в той или иной мере признают, что казахи являются государство-образующей нацией Казахстана, и оно государство, в первую очередь, продвигает ее интересы, в частности, казахский язык. Русские признают необходимость изучения казахского языка в школе как обязательного предмета и изучают этот язык в течение всех одиннадцати лет учебы в школе.

Однако такая лояльность имеет пассивный характер, это просто подчинение существующему порядку. Практика показывает, что изучение в школе казахского языка не приводит к сколько-нибудь существенному улучшению знания русскими государственного языка. Изучение казахского языка как обязательного предмета школьной программы началось с 1989 г., когда был принят закон о языках Казахской ССР. На сегодняшний день эта практика продолжается уже более 30 лет. Если бы эта практика достигала своей цели, то есть обучение детей казахскому языку в школе действительно давало такое знание языка, когда выпускник школы имел бы необходимое знание для социальной коммуникации, то сегодня казахский язык приобрел бы реальный статус языка межэтнического общения.

Однако сегодня казахский язык еще весьма далек от достижения этого статуса, ведь на нем говорят только сами казахи (да и то не все) и близкие им тюркоязычные народы Казахстана. Русские и другие этносы не знают казахского языка несмотря на усилия власти по его продвижению. Национал-патриоты обвиняют русских в нежелании учить казахский язык, тем самым упрекая их в неуважении к казахам и нелояльности Казахстану. Русские отвечают на эти упреки, что они признают казахский язык как государственный язык Казахстана и не возражают против его изучения, но нет хороших методик для этого. В определенном смысле это действительно так, то есть сегодня в Казахстане и в школах, и в других организациях обучения казахскому языку используются устаревшие методики, далекие от требований социальной практики.

Дело, однако, не только в этом. Постсоветская практика показывает, что в тех странах, где сохраняется достаточно значительное русское население (прежде всего, в столице и индустриальных центрах), оно не изучает титульный язык, даже если все вокруг говорят на нем. Они находят для себя социальные ниши, где сохраняется русский язык. Исключением в этом плане являются государ-

ства Балтии, где в силу жесткой политики государства русские в основной своей массе выучили в той или иной мере государственный язык. В Казахстане необходимости изучать государственный язык перед русскими объективно не существует, поскольку здесь сама государство-образующая нация использует в социальной практике преимущественно русский язык. Утверждение казахского языка как государственного языка имеет главным образом символический характер. Соответственно, требование знания государственного языка также имеет символический характер.

Рассматривая реакции казахстанских русских на независимый Казахстан и его национальную политику на протяжении тридцати лет, мы можем заключить, что наиболее популярными из них являются «выход» и «лояльность». К реакции «голос» прибегает меньшинство. В 1990 гг. к ней обращались большее число казахстанских русских, объединенных как в организации, так и на индивидуальной основе. Со временем, по мере укрепления авторитарного режима в Казахстане, к этой реакции обращаются все меньшее число русских. Тем не менее, в той или иной форме, протесты по поводу национальной политики Казахстана раздаются. Рассматриваемая нами русификаторская модель сформировалась и существует в рамках реакции «голос», то есть в рамках протестной активности русских организаций.

Институциональное продвижение русификаторской модели культурной интеграции этносов в Казахстане

Русские организации, артикулирующие идеи о защите русского языка и культуры, могут быть рассмотрены как институциональные формы продвижения в казахстанское общество русификаторской модели культурной интеграции. Как и национал-патриотическая модель культурно-языковой казахизации, так и русификаторская модель выражают ряд идей, которые находятся в оппозиции дуальной модели культурной интеграции этносов в Казахстане, продвигаемой властью. Это обстоятельство создает препятствия для продвижения русификаторской модели, в том числе препятствия институционального характера.

Наибольшую активность в постановке и решении «русского вопроса» в Казахстане русские организации проявляли, как было

сказано, в 1990 г. В это время существовали многочисленные русские организации, включая политические партии, которые активно действовали на социально-политической арене Казахстана [12]. Со временем, однако, возможности для деятельности независимых акторов, включая русские организации, значительно сузились.

Перед этими организациями встала дилемма: сохранять независимость, испытывая при этом давление со стороны властей, или же пойти на сотрудничество с властью, ограничивая при этом протестную активность. Некоторые из русских организаций стремились к независимости. Следствием этого стала маргинализация автономных социально-политических институтов, включая такие как русско-славянское движение «Лад», некоторые казачьи организации и другие. Активно действовавший на политической арене Казахстана в 1990 г. «Лад», в середине 2000 г. превратился в культурную ассоциацию [13].

Ряд русских организаций, действовавших в республиканском и региональном масштабе, например, «Русская община» вошли в Ассамблею народа Казахстана, пойдя, тем самым, на сотрудничество с властью. Это значительно сузило им возможность критиковать власти по тем или иным вопросам национальной политики. Им можно было представлять интересы русских в культурной сфере и в ограниченном масштабе выражать несогласие с теми или иными действиями власти. В 2010-е годы, когда усилилась проимперская политика России на постсоветском пространстве, власть ввела еще большие ограничения на критику политики государства и взаимную критику казахских и русских организаций, русские организации в Казахстане еще больше заглушили «голос». Большинство русских организаций имеют связи с организациями в России, берущими на себя задачу представлять интересы русских в ближнем зарубежье.

Русские организации, несомненно, очень ограничены в средствах и действиях и даже маргинализированы, чтобы их можно было рассматривать как выразителей интересов казахстанских русских. Русское население, как мы отметили выше, полагается в большей мере на лояльность государству, не забывая при этом и опцию «выход». Ведь эмиграция русских из Казахстана продолжается и сегодня, пусть и в меньших масштабах, чем в 1990 г. Несмотря на свою слабость, отмечает Себастьян Пейруз, русские организации остаются носителями коллективной идентичности [14].

Основные элементы русификаторской модели культурной интеграции этносов Казахстана

Основные высказывания, претензии и предложения русских организаций относительно положения русского языка и национальной политики государства могут быть сгруппированы в аспекте культурной интеграции этносов в Казахстане. В этом плане они могут быть представлены как основные элементы русификаторской модели культурной интеграции.

Среди этих элементов одно из главных значений имеет отрицание неофициального, но, тем не менее, часто употребляемого положения о казахах как государство-образующей нации Казахстана. Ведущие русские организации «Лад» и «Русская община» обвиняли власти в том, что, признавая казахов как государство-образующую нацию, они проводят открыто мононациональную политику в пользу казахов [15]. Объективно это означает отрицание доминирующего положения казахов в отношениях с другими этническими группами Казахстана, в том числе и в особенности, с русскими. На этом основании русские организации критикуют власти в отсутствии демократического подхода ко всем нетитульным этносам. Однако, по мнению Бавны Даве, на деле русские элиты, выступающие за гражданский характер нации в Казахстане, фактически понимают гражданскую нацию в духе «советского народа» [16].

Одним из главных элементов русификаторской модели являются призывы русских организаций к признанию конституционного статуса русского языка как второго, наряду с казахским языком, государственного языка Казахстана. Критика власти в этнократическом правлении за отстаивание интересов казахского языка в ущерб русскому языку и языкам других нетитульных групп, а также за нежелание признать реальное положение вещей в языковой ситуации в Казахстане звучала громко и достаточно регулярно в 1990 г. Однако и сегодня можно услышать голос русских организаций и отдельных деятелей, призывающих придать статус государственного языка русскому языку. Известный общественный деятель и эксперт Петр Своик считает, что идеология национального строительства, основанная на правовом возвышении казахского языка, требует своей смены в пользу государственного двуязычия [17].

Для русификаторской модели этнокультурной интеграции большое значение имеет отстаивание прав русского языка и обучения системы преподавания на русском языке в системе образования Казахстана. Негативные реакции русских организаций и их активистов вызывают сокращение числа русских школ, сокращение часов преподавания русского языка и увеличение часов преподавания казахского языка, а также внедрения в школьную программу школ с русским языком преподавания дисциплин (история Казахстана, география Казахстана) с казахским языком преподавания. Как отмечают Ларюэль и Пейруз, русские активисты считают, что школа и университет вступили на путь быстрой этнизации, а потому нельзя говорить о формировании в стране многонационального гражданского общества. Кроме вопроса о программах и языке обучения, их очень беспокоит активно протекающая этническая казахизация образовательной системы, которая дополняет языковую [18]. Отстаивание позиций русского языка в системе образования можно интерпретировать как стремление усилить позиции русского языка и русско-советской культуры в культурной интеграции этносов Казахстана. Система образования, как неоднократно отмечалось, имеет решающее значение в культурной интеграции полиэтнического общества. Здесь также имеется в виду, что большинство нетитульных групп Казахстана получают образование в школах с русским языком преподавания.

С советского времени в силу общей русификации полиэтнического населения Казахстана в информационной сфере доминируют СМИ на русском языке. Это положение сохраняется в постсоветский период, прежде всего, в регионах с преобладанием или значительным русскоязычным населением. Укреплению доминирования русскоязычных СМИ в информационном пространстве способствует трансляция на Казахстан ведущих российских радио- и телевизионных каналов, а также присутствие на рынке целого ряда российских газет и журналов. Попытки власти и призывы казахских активистов сократить трансляцию на Казахстан российских теле- и радиоканалов встречают сопротивление русских элит, трактующие это как нарушение прав русскоязычного населения. Объективно такая стратегия русских организаций способствует поддержанию и даже укреплению культурной интеграции этносов Казахстана на основе русского языка и русско-советской культуры.

Русские элиты предлагают гражданам определять себя как «казахстанец», а нацию Казахстана как «казахстанская». В этом они видят способ сохранения позиций русского языка и функционирования русско-советских символов в социальной и культурной жизни казахстанского общества. Предложения казахских национал-патриотов по внедрению определений «казах» и «казахская нация» для полиэтнического общества Казахстана русские элиты рассматривают как стремление ассимилировать русских и другие нетитульные этносы, то есть как титульный этнонационализм. При этом определения «казахстанец» и «казахстанская нация» трактуются русскими элитами как утверждение гражданской, а не этнической, национальной идентичности Казахстана. Как отмечают Ларюэль и Пейруз, если одновременное обыгрывание идеи национального и наднационального государства хорошо воспринимается меньшинствами, которые довольствуются возможностями развития своей культуры и не сопротивляются идее приоритетности всего казахского, то оно наталкивается на резкую критику русских, ставящих вопрос скорее в политической плоскости [19].

Большое место в русификаторской модели занимает борьба за сохранение русских и советских названий областей, областных центров, городов, районов и других местностей. Происходящие переименования местностей с русским или советским названием вызывает критику со стороны русскоязычных СМИ и протесты русских организаций. Центральные и местные власти критикуются за искажение истории в угоду титульному национализму. Эффективно стремление русских организаций сохранить русско-советские названия местностей способствует сохранению русификации полиэтнического населения и, следовательно, культурной интеграции на основе русского языка и русско-советской культуры [20].

В русификаторской модели большая роль отводится интерпретациям истории Казахстана в духе советской истории и роли России и русского народа в модернизации государства и общества, в частности, казахского народа. Большое место в этом элементе русификаторской модели отводится критике официальной исторической политики, которая строится на центральной роли казахов в историческом развитии Казахстана. Основная борьба разворачивается по оценкам колониального периода и советского периода. В последнее

время усилилось противостояние по оценке Второй мировой войны и вклада народов в победу над германским нацизмом. Противостояние исторических нарративов является отражением противостояния двух тенденций культурной интеграции этносов в Казахстане.

По мнению Ларюэль и Пейруза русские в Казахстане, пока не имеющие «самостоятельной истории», поддерживают исторический дискурс, близкий по содержанию тому, что развивают националистические движения в России. Дело сводится главным образом к повторению, в упрощенном и радикализованном виде, типичных для советского периода положений – о благодеяниях, принесенных русскими, и об их «цивилизаторской» миссии по отношению к казахам [21].

Идеологические основания русификаторской модели культурной интеграции этносов в Казахстане

Описание русификаторской модели культурной интеграции позволяет нам определить ее идеологические основания как русский национализм. В силу исторических и политических причин мы знаем, что русский национализм отличается от казахского этнического национализма и других постсоветских этнических национализмов. Русскую нацию невозможно определить как этнос, поскольку исторически она формировалась в контексте образования и расширения Российской империи, а затем видоизменилась, сохраняя при этом имперскую основу, в советский период.

Важнейшей особенностью русского национализма является его имперский характер. Из русской и мировой литературы хорошо известно, что в укреплении русской идентичности важную роль играло завоевание новых территорий и включение проживающих в них народов в орбиту русского языка и культуры. В советский период включение нерусских народов в орбиту русского языка и культуры происходило в рамках социалистической модернизации, важнейшей частью которой была советская национальная политика. Главная цель этой политики состояла в формировании нерусских национальных культур как «национальных по форме, социалистических по содержанию». Эта политика была направлена на «расцвет и сближение советских наций». Фундаментом этого рас-

цвета и сближения наций были русский язык и русско-советская культура, иначе говоря, русификация советских народов.

По мнению Ларюэль и Пейруза имперский характер русского национализма в Казахстане находит свое выражение в устойчивости колониального мышления и реабилитации имперского прошлого. В качестве примера они приводят статьи в газете «Лад», в которых почти не упоминают о том, что составляет культуру казахов, и отрицают колониальные взгляды русских, живущих в Центральной Азии. В упрек казахской культуре ставятся «отсутствие истории», малочисленность исторических источников или письменных литературных памятников, бедность архитектуры. Мысль о том, что может существовать устная культура, а также иные формы самовыражения и социальной коммуникации, помимо принятых в европейских обществах, не приходит в голову авторам публикаций [22].

Распад СССР и последующее национальное строительство в постсоветских государствах на основе титульного национализма привели к сокращению русификации и росту этнизации социально-культурных процессов в них. В Казахстане в силу высокого уровня русификации казахов и других нерусских этносов в советский период, значительного русского населения и влияния России русский язык и русско-советская культура сохраняют устойчивые позиции. Русификаторская модель имеет своей целью дальнейшее сохранение этих позиций, несмотря на убывающую долю русских в общем населении Казахстана. Это служит подтверждением имперского характера русского национализма в постсоветском Казахстане.

Примечания и литература

1. Олкотт, Марта Брилл. Казахстан: непройденный путь / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2003. С. 70.

2. Алексеенко, А. Место встречи Усть-Каменогорск: два мира, два образа жизни в поисках взаимодействия и сотрудничества. Астана – Алматы, 2016. С.68.

3. Peyrouse, S. The “Imperial Minority”: An Interpretative Framework of the Russians in Kazakhstan in the 1990s. *Nationalities Papers*, vol. 36, no.1, 2008, pp. 105-123. P.107.

4. Zardykhan, Zh. Kazakhstan and Central Asia: Regional perspectives. *Central Asian Survey*, vol. 21, no. 2, 2002, pp.167-183. P. 167.

Раздел I. Формы и модели культурной интеграции этносов в Казахстане

5. Brubaker, R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 30-40.

6. Hirschman A. O. *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge (MT) and London: Harvard University Press, 1970.

7. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. – Алма-Ата, 1991. С. 7-70.

8. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т.1. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Алматы, 2000. С. 6-8.

9. Русский исход. Станет ли Казахстан моноэтническим государством? // Караван, 11 мая 2016 г.

10. Peyrouse, S. The “Imperial Minority”, p. 107.

11. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / Пер. с франц. М.: Наталис, 2007. С. 93-102.

12. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане. С. 83-89.

13. Peyrouse, S. The “Imperial Minority”, p. 110.

14. Peyrouse, S. The “Imperial Minority”, p. 108.

15. См.: Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане. С. 107.

16. Dave, B. *Kazakhstan: Ethnicity, language and power*. London and New York: Routledge, 2007. P. 138.

17. Татиля, К. Что будет, если в стране останутся одни казахи? Часть 2 // Central Asia Monitor. 12.04.2018.

18. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане. С. 138.

19. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане. С. 72.

20. В Петропавловске спорят о переименовании улиц // Радио Азаттык, 02.02.2017.

21. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане. С. 173.

22. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане. С. 173-174.

Раздел II. КАЗАХИЗАЦИЯ И РУСИФИКАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ЭТНИЧЕСКИЕ ВОСПРИЯТИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Глава 1. Восприятия языковой ситуации и языковой политики этническими группами в Казахстане

Социологическое исследование, проведенное Институтом философии, политологии и религиоведения, позволило определить функционирование казахского и русского языков на территории Казахстана, сферы употребления языков и их распределение по этническим группам. Исследования проводились в апреле-июле 2019 г. и в 2020 г. по проекту «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания». В рамках социологического опроса были проведены массовый и экспертный опросы, а также фокус-групповая дискуссия. В данном разделе представлены результаты массового опроса и фокус-групповой дискуссии.

Данные опроса указывают на различные степени владения и применения государственного языка у казахстанцев. Низкий уровень владения государственным языком наблюдается в русской этнической группе, но, при том, что половина опрошенных в этой группы заявила о незнании казахского языка, немало и тех, кто понимает казахскую речь. Около половины представителей других этнических групп, наоборот, сообщили о хорошем знании казахского языка и более трети понимают смысл речи, но не говорят. Это связано с тем, что большинство этносов, входящих в группу «другие» являются представителями тюркских народов.

Абсолютное большинство казахов отметили хорошее знание казахского языка, но, как показывает опрос, использование его распространяется, в основном, в общении в рамках семьи, родственников. Опрос также показал, что и в семьях общаются не только на казахском, но и широко используется русский.

Для выявления реального языкового поведения респондентам был задан следующий вопрос: «Какой язык является Вашим ос-

новным языком общения?» в следующих сферах: в семье, общественных местах (магазине, транспорте), госучреждениях (поликлинике, ЦОНе), на работе.

В кругу семьи около половины казахов (47,2%) общаются на казахском, более четверти, в основном, на казахском и, частично, на русском 28,9%, на русском и, частично, на казахском – 18,7% и только на русском – 5,2%.

Таблица 1 – Какой язык является Вашим основным языком общения в семье, с родственниками?

	<i>Всего</i>	<i>Казах/ казашка</i>	<i>Русский/ русская</i>	<i>Другая национальность</i>
Только казахский	31,8%	47,2%	0,3%	3,1%
Только русский	27,8%	5,2%	84,3%	52,0%
В основном казахский и частично русский	20,1%	28,9%	1,0%	5,8%
В основном русский и частично казахский	17,1%	18,7%	14,1%	13,5%
Только язык моей этнической группы (не казахский и не русский)	1,1%	0,0%	0,0%	8,5%
В основном язык моей этнической группы (не казахский и не русский) и частично казахский	1,1%	0,0%	0,0%	8,5%
В основном язык моей этнической группы (не казахский и не русский) и частично русский	1,1%	0,0%	0,3%	8,5%

В русских семьях доминирует общение на русском языке – 84,3%, общение на русском и, частично, казахском отметили 14,1%. В семьях других этнических групп более половины говорят на русском языке – 52,0%, значительно менее, на языке своей этнической группы (8,5%), но, столько же, в основном, на языке

своей этнической группы и, частично, на казахском и, частично, на русском языке – 8,5%. Таким образом, если в русских семьях в общении доминирует русский язык, то у половины казахских семей общение происходит на казахском языке и столько же семей заявили о казахско-русском и русско-казахском общении. На русском языке общаются 5,2%. Все это говорит о том, что в казахских семьях говорят не только на родном языке, но и, в огромной степени, на русском.

В семьях других этнических групп основным языком общения является родной язык и, в очень малой степени, казахский. И это при том, что более половины представителей этой группы заявили о знании государственного языка.

В общественных местах (магазины, транспорт) более распространено взаимодействие на русском языке, но и, в немалой степени, происходит на казахском языке. Опрос показал, что языковое поведение в общественных местах, в зависимости от принадлежности к той или иной этнической группе, различно. Для абсолютного большинства русской этнической группы основным языком общения является русский (74,9%) и для их пятой части (22,3%) – русский и, частично, казахский. Другие этнические группы, преимущественно, в общественных местах используют русский (49,3%) и более четверти из них (25,0%) – русский и, частично, казахский. Язык своей этнической группы почти не используется. Что касается казахов, то они, в большей мере, чем другие этносы в общественных местах разговаривают на казахском, а также на казахском, с частичным использованием русского (34,0%), пятая часть отметила, что говорят на русском, с частичным использованием казахского. Таким образом, можно отметить, что в общественных местах, в целом, взаимодействие идет как на казахском, так и на русском, но, при этом, абсолютное большинство русских используют только русский и, в незначительной мере, казахский, а другие этнические группы, в большей мере, говорят на русском, нежели, чем на казахском. Языковое взаимодействие казахов в общественных местах действительно является двуязычным: и на чисто казахском, и на казахско-частично русском и, наоборот на русско-казахском, а также на чисто русском.

Таблица 2 – Какой язык является Вашим основным языком в общественных местах (в магазинах, транспорте и т.д.)?

	<i>Всего</i>	<i>Казах/ казахика</i>	<i>Русский/ русская</i>	<i>Другая национальность</i>
Только казахский	22,6%	32,2%	0,3%	9,0%
Только русский	30,9%	13,5%	74,9%	49,3%
В основном казахский и частично русский	24,7%	34,0%	2,6%	13,0%
В основном русский и частично казахский	21,4%	20,3%	22,3%	25,6%
Только язык моей этнической группы (не казахский и не русский)	0,1%	0,0%	0,0%	0,9%
В основном язык моей этнической группы (не казахский и не русский) и частично казахский	0,1%	0,0%	0,0%	0,9%
В основном язык моей этнической группы (не казахский и не русский) и частично русский	0,2%	0,0%	0,0%	1,3%

В государственных учреждениях (поликлиники, ЦОНЫ и т.д.), в целом, взаимодействие идет как на казахском, так и на русском языках. Языковое поведение различается в зависимости от этнической принадлежности. Для почти сорока процентов (38,1%) казахов привычным является казахский язык, почти треть (30,5%) используют в госучреждениях, в основном, казахский и, частично, русский, около пятой части (19,6%) русский и частично казахский, а также (11,0%) русский языки. Абсолютное большинство русских в госучреждениях говорят на русском (77,5%) и около пятой части (19,4%) на русском и, частично, на казахском языках. Для половины представителей других этносов (50,2%) языком общения в госучреждении является, прежде всего, русский и для более пятой части (22,9%), в основном, русский и, частично, казахский. Таким

образом, для казахского этноса характерно различное языковое поведение: есть казахи, которые предпочитают в таких сферах взаимодействовать на казахском, другие на казахском и, частично, русском, третьи – на русском и, частично, на казахском, четвертые – на русском языках. Русский этнос характеризуется, преимущественно, русским языковым поведением, но около пятой части отличается русско-казахским взаимодействием в данных сферах. В других этнических группах преимущественным языковым общением в госучреждениях является русское, но в отличие от русской этнической группы, в этой группе используется и казахский язык.

Таблица 3 – Какой язык является Вашим основным языком в гос. учреждениях (поликлиниках, ЦОНах и т.д.)?

	<i>Всего</i>	<i>Казах/ казахика</i>	<i>Русский/ русская</i>	<i>Другая национальность</i>
Только казахский	27,1%	38,1%	0,5%	13,5%
Только русский	30,5%	11,8%	77,5%	50,2%
В основном казахский и частично русский	22,2%	30,5%	2,6%	10,8%
В основном русский и частично казахский	19,9%	19,6%	19,4%	22,9%
Только язык моей этнической группы (не казахский и не русский)	0,1%	0,0%	0,0%	0,4%
В основном язык моей этнической группы (не казахский и не русский) и частично казахский	0,1%	0,0%	0,0%	0,4%
В основном язык моей этнической группы (не казахский и не русский) и частично русский	0,2%	0,0%	0,0%	1,8%

Языковое поведение на работе характеризуется увеличением общения на русском языке и сокращением общения на казахском. Даже среди казахов несколько уменьшилась доля общения на казахском языке (27,9%) в сравнении с другими сферами. Несколько увеличилось доля тех, кто общается на русском языке (14,7%) и на казахском, с частичным использованием русского языков (34,7%). В русской этнической группе доминирует русское языковое поведение (75,7%) и почти пятая часть (22,7%) отметила использование, в основном, русского языка, с частичным использованием казахского языка. Другие этнические группы в общении на работе используют, в основном, русский язык – 51,1% и 22,4% отметили, в основном, русское с частичным казахским в общении в сфере труда. Вместе с тем, в этой этнической группе больше, чем в русской взаимодействуют на казахском языке.

Таблица 4 – Какой язык является Вашим основным языком на работе?

	<i>Всего</i>	<i>Казах/ казашка</i>	<i>Русский/ русская</i>	<i>Другая национальность</i>
Только казахский	19,5%	27,9%	0,5%	7,2%
Только русский	32,2%	14,7%	75,7%	51,1%
В основном казахский и частично русский	25,1%	34,7%	2,9%	11,2%
В основном русский и частично казахский	22,3%	22,7%	20,9%	22,4%
Только язык моей этнической группы (не казахский и не русский)	0,1%	0,0%	0,0%	0,4%
В основном язык моей этнической группы (не казахский и не русский) и частично казахский	0,6%	0,0%	0,0%	4,5%
В основном язык моей этнической группы (не казахский и не русский) и частично русский	0,4%	0,0%	0,0%	3,1%

Для большинства казахстанцев незнание казахского или русского языков не является препятствием их трудоустройства. Так считает 79,3% опрошенных, среди казахов таковых – 80,9%, среди русских – 77,5%, среди представителей других этносов – 78,0%. Вместе с тем, 15,2% русских респондентов и 14,3% респондентов казахов и 6,4% респондентов других этнических групп заявили том, что в официальных заведениях бланки и вывески бывают только на государственном языке, а 6,5% казахов, наоборот, отметили их недостаток.

Таким образом, в общественных местах, госучреждениях, в трудовом коллективе, языковое поведение различных категорий этносов отличны. Большинство казахов, в зависимости от ситуации и от своей языковой компетентности, общаются на казахском, русском, казахско-русском, русско-казахском. Подавляющая часть русской этнической группы в социуме взаимодействуют на русском и очень незначительная часть на русско-казахском. Общение в социальных сферах других этнических групп происходит в основном на русском, также в большинстве случаев эти этнические группы говорят на русском языке в семье и в не значительной степени на родном языке. На казахском языке взаимодействие слабое, хотя среди них не мало казахо-говорящих. Из всех сфер, меньше всего, казахский язык применяют в профессиональной трудовой сфере. При этом, подавляющее большинство респондентов отметили, что незнание казахского или русского языков не было для них препятствием в трудоустройстве и, в целом, в отношениях и в оценках людей. Вместе с тем, можно отметить распространение или расширение казахского коммуникативного пространства, хотя, все же доминирующим является русский язык.

Таблица 5 – Согласны ли Вы с тем, что казахский язык объединяет народы Казахстана в единую нацию?

	<i>Всего</i>	<i>Казах/ казахика</i>	<i>Русский/ русская</i>	<i>Другая национальность</i>
Полностью согласен	41,0%	45,0%	29,1%	39,9%
Скорее согласен	23,6%	25,8%	18,8%	20,2%
Как согласен, так и не согласен	16,5%	12,6%	27,0%	19,7%
Скорее не согласен	11,7%	11,0%	13,4%	13,0%
Абсолютно не согласен	5,3%	4,0%	9,2%	5,8%
Затрудняюсь ответить	1,8%	1,6%	2,6%	1,3%
Нет ответа	0,1%	0,1%	0,0%	0,0%

Является ли на сегодня казахский язык объединяющим фактором казахстанцев в единую нацию? Опрос показал неоднозначность существующего на этот счет общественного мнения. С одной стороны, значительное большинство населения страны согласно с объединяющей ролью казахского языка в обществе – 64,5% (совокупность ответов «полностью согласен» (41,0%) и «скорее согласен» (23,5%)). С другой стороны, при детальном рассмотрении этого вопроса можно отметить, что среди русских меньше согласных – 47,9%, чем среди других этнических групп (среди казахов согласных с этим мнением 70,8%, среди представителей других этнических групп – 60,0%). Соответственно, среди них больше не согласных – 22,9%, чем среди казахов – 15,0% и других этносов – 18,8%. Более четверти русских (27,0%) выбрали ответ «как согласен, так и не согласен», среди казахов такой ответ выбрали - 12,5% и среди других этносов – 19,7%. Таким образом, казахи, в большей степени, чем другие этносы, отводят казахскому языку миссию объединения.

Если за внедрение казахского языка во все сферы жизни высказалось 80,3% казахов, то русская этническая группа разделилась на две группы: одна половина – 49,2% не считает нужной государственную поддержку в распространении казахского языка во все сферы жизнедеятельности. Другая, почти столько же – 44,9%, наоборот за расширение сфер применения казахского языка.

Что касается других этнических групп, то, хотя и большая их часть (53,8%), выступает за казахский язык во всех социальных сферах, но и оппонентов также не мало. Статус русского языка как официального нужно поддержать специальным законом, считают подавляющее большинство русских и представителей других этнических групп: 76,4% и 74,0%, соответственно. С этим мнением согласны 47,4% казахов и, почти столько же не согласных (45,1%).

Государство должно способствовать развитию казахского языка, распространению его во все сферы общества, считает большая часть казахстанцев и, особенно, казахская их часть. В этом казахов поддерживают другие этнические группы. Но, эта идея не находит широкой поддержки среди русской части казахстанцев, хотя, и среди них не мало тех, кто поддерживает распространение казахского языка в обществе. Это говорит о разделении русских на две группы: часть (почти половина) не поддерживает развитие казахского языка и, наоборот, другая половина – группа поддерживающих.

Когда же речь идет о возможности специального закона о статусе русского языка, то, как показывает опрос, эта идея находит широкую поддержку со стороны русской части казахстанцев. Среди казахов одна половина выступила в поддержку русского языка, а другая половина, наоборот, отказывает в придании ему нового статуса.

Приведенные данные показали противоречивость позиций в языковой сфере. Можно отметить, что в языковом отношении русские, в большей степени, дистанцируются от казахского языка, нежели чем, казахи – от русского. Подтверждением этого является то, что, с одной стороны, большинство населения страны согласно с объединяющей ролью казахского языка в обществе, но, в меньшей мере, такого мнения придерживается русская часть казахстанцев.

Расширение сфер применения казахского языка, поддерживаемое, в основном, самими казахами, представляется в качестве необходимой меры по популяризации и внедрению государственного языка во все сферы общественной жизни, создания реально функционирующей среды казахского языка. Вместе с тем, исключительно важным представляется и сохранение роли русского языка, сокращение применения которого, по мнению опрошенных, может привести к недовольствам и эмиграции части русскоязычного населения и специалистов.

Для оценки языковой политики в рамках социологического опроса была проведена фокус-групповая дискуссия. Основное внимание в дискуссии было уделено анализу сформировавшихся мнений по следующим основаниям положения исследуемой проблемы:

- оценка языковой политики: плюсы и минусы.
- приоритетные направления языковой политики.

Оценка языковой политики: плюсы и минусы. За годы Независимости у Казахстана сложился образ толерантного государства, придерживающегося достаточно гибкой языковой политики. Одной из первостепенных задач правительства, на сегодняшний день, является создание для населения оптимального языкового пространства.

В целом, действующая языковая ситуация позитивно воспринимается респондентами в представленных регионах. Ее основным преимуществом является соблюдение интересов поликультурного общества за счет равноправного применения как казахского, так и русского языков. Более того, по мнению представителей целевых групп, изучение государственного языка в Казахстане не несет в себе административного принуждения, что предоставляет населению относительную языковую свободу. Однако, подобная вольность имеет и отрицательный характер, проявляющийся в снижении статуса казахского языка, по причине его нечастого применения в общественной сфере. Таким образом, наблюдая за отсутствием языкового принуждения, многие представители не титульной нации не видят смысла в изучении государственного языка.

«Мне казахский язык не нужен. Я его изучать не собираюсь. Зачем мне его учить, если я разговариваю на русском языке?»

г. Алматы, русский, 27 лет

Наиболее болезненно вопрос о статусе казахского языка стоит перед жителями Туркестанской, Атырауской, сельчанами Западно-Казахстанской области и активно верующими мусульманами г. Шымкента и Нур-Султана. Представители данных регионов склонны считать, что авторитет государственного языка находится на незаслуженно низком уровне за счет доминирования русского языка. В то же время, среди определенной доли опрошенных, бытует мнение,

что политики и государственные чиновники, которые своим личным примером должны приучать население к общению на государственном языке, сами не владеют казахским языком на должном уровне.

С другой стороны, жители некоторых областей Казахстана отметили, что казахский язык, напротив, стал укреплять свои позиции в обществе. Так, жители сельских районов Туркестанской области, полагают, что правительство стало активно требовать от населения владеть казахским языком, что является большим плюсом. В то же время, карагандинцы в возрасте от 18 до 30 лет отмечают, что карьерное продвижение по службе, напрямую, зависит от степени владения государственным языком.

Стоит отметить, что опрошенные, относящиеся к другим этническим группам, (в первую очередь, этническим русским), полагают, что, на современном этапе, ускоренное форсирование казахского языка приводит к сокращению сфер применения русского языка. Представители данной группы отмечают, что подобная проблема особенно остро стоит перед людьми старшего возраста, которые в силу своего преклонного возраста, испытывают значительные затруднения с изучением казахского языка.

«В школах нас не учили казахскому языку. А сейчас нам тяжело адаптироваться к современной языковой политике в современных условиях в государстве»

г. Костанай, русская, православная, 48 лет

Наиболее приоритетные направления развития языковой политики.

В отличие от выделенных плюсов и минусов действующей языковой политики, ее отдельные направления получили более неоднозначную оценку, разнящуюся в зависимости от этнической принадлежности участников фокус-групповых дискуссий, регионов их проживания и языка повседневного общения. В дискуссии обсуждались следующие направления языковой политики: *расширение сфер применения казахского языка и сохранение позиций русского языка.*

Участниками фокус-групповых дискуссий был выдвинут ряд аргументов в поддержку расширения сфер применения государственного языка. В первую очередь, подобный шаг позволит значи-

тельно укрепить позиции казахского языка, государственный статус которого будет закреплён не только де-юре, но и де-факто. Другим немаловажным плюсом является распространение казахского языка в бытовой и профессиональной среде, в первую очередь, среди этнических казахов. В представленных целевых группах бытует мнение, что определенная доля казахов не применяет родной язык в повседневной жизни, либо вовсе им не владеет, тем самым, теряя свою национальную и культурную идентичность. Таким образом, расширенное применение казахского языка является наиболее действенным способом против такого явления, как манкуртизм.

«У нас все равно слух привык к русскому языку. Даже если увидишь двух казахов – они будут общаться на русском языке»

г. Алматы, казашка, 29 лет

В целом, «казахизация» поддерживается представителями целевой группы из числа этнических казахов, владеющих государственным языком. Однако, приверженцев данной языковой политики можно разделить на две группы: *«активные национал-патриоты»* и *«ультра-терпимые»*.

К первой группе относятся жители казахо-язычных областей, где подавляющую часть населения составляют представители титульной нации (Атырауская область, Западно-Казахстанская область, Мангыстауская область, Жамбылская область, Кызылординская область, г. Шымкент). Группа «активных национал-патриотов» в более жесткой форме поддерживает политику по расширению сфер применения казахского языка, отмечая важность форсированного обучения государственному языку, вплоть до введения принудительных мер и штрафных санкций к лицам, не владеющим им. С их точки зрения, данный шаг является наиболее целесообразным, поскольку, с момента получения Казахстаном Независимости, уровень владения казахским языком, как среди казахов, так и среди представителей других этнических групп, значительным образом, не изменился.

В свою очередь, представителями группы «ультра терпимых» являются этнические казахи, проживающие в более поли-национальных регионах Казахстана (Алматинская область, Восточно-Казахстанская область, Павлодарская область, Костанайская

область и такие города, как Караганда, Алматы и Нур-Султан). Данная группа не отрицает важности повсеместного внедрения казахского языка в повседневную жизнь казахстанцев, однако, по их мнению, подобную политику необходимо проводить постепенно, учитывая интересы и возможности населения из числа других этнических групп. Также было отмечено, что корректная реализация данной программы не возможна без пересмотра подходов к методике преподавания государственного языка.

Опрос показал, что русскоязычные респонденты, проживающие в городах Актобе, Уральск и Караганда выражают свое желание к изучению государственного языка, однако, современная методика преподавания, по их мнению, является серьезным барьером к достижению данной цели.

«Я считаю правильным, что в Латвии убрали русские школы. Не знаешь – государственный язык – езжай жить в Россию. В Казахстане нужно придерживаться такой же политики. В школе меня не учили казахскому языку. Сейчас я его изучаю самостоятельно, потому что он мне нужен в работе. Я бы хотел, чтобы мой ребенок знал казахский язык, потому что он живет в Казахстане».

г. Уральск, русский, 32 года

«В нашей стране титульная нация – казахи. Ничего не случится, если заставят всех учить язык. Выучат, если прижмет. Со всеми церемонятся 30 лет, конечно, никто не выучит язык. Наши просто повозмущаются, но привыкнут. У нас народ прекрасный - они только возмущаются, но до действий дела не доходит»

г. Павлодар, русская, 25 лет

В то же время, у данного направления языковой политики есть явные противники из числа этнических русских и представителей других европейских национальностей. С одной стороны, представители данной группы выражают публичное нежелание изучения государственного языка, не видя в этом явных плюсов. Респонденты считают не совсем целесообразным изучать язык, не являющийся

средством межнационального общения, и, не имеющего распространённости за пределами страны проживания. С другой стороны, они мотивируют свое незнание языка нехваткой личного времени и отсутствием начальной языковой базы, в силу того, что казахский язык не преподавался им в учебных заведениях на должном уровне. К тому же, большая часть противников данного направления языковой политики, склонна считать, что Казахстан уже давно взял направление на вектор активного расширения сфер применения казахского языка, тем самым, «притесняя» права русскоязычного населения.

В редких случаях, даже бытовое общение казахов на родном языке в присутствии представителей других этнических групп, воспринимается ими как неуважение и проявление национализма.

«Два казаха чинили мою машину и разговаривали друг с другом на своем языке: «гыр-гыр-гыр», хотя я стоял рядом. Они же знают русский язык. Это неуважение ко мне»

г. Костанай, православный, 60 лет

«В автобусе вспомнил случай. Два молодых казаха общались друг с другом на казахском и водитель кричит им: «Эй, что там за «гыр-гыр-гыр»?»»

г. Павлодар, казах, 50 лет

Опрошенные данной группы полагают, что активное форсирование казахского языка может привести к массовому оттоку русско-язычного населения, в первую очередь, жителей восточных и северных регионов Казахстана, где наблюдается высокий удельный вес населения из числа этнических русских. Стоит отметить, что в северном Казахстане постепенно начинают зарождаться конфликты на языковой почве и, по мнению опрошенных, они происходят между уроженцами северных и южных регионов, (подобная проблема начала проявляться в результате реализации миграционной политики, ориентированной на переселение жителей южных регионов в северные).

«Сейчас все стараются развивать казахский язык, но людей это начинает пугать – все бегут в Россию»

г. Алматы, русская, православная, 26 лет

Вторым направлением языковой политики, предложенным на обсуждение в фокусных группах, является сохранение позиций русского языка. Такие исторические процессы, как снижение удельного веса коренного населения в результате голода 30-ых годов, процесс переселения народов на территорию Казахской ССР и освоение целины привели к распространению казахско-русского двуязычия. Как было отмечено ранее, в дальнейшем, русский язык укрепил свои позиции за счет де-юре статуса языка межнационального общения.

Поддержка политики двуязычия, в большей степени, характерна для этнических русских, (преимущественно, из числа старшей возрастной группы) таких регионов, как Костанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская области и городское население Западно-Казахстанской, Актюбинской областей и города Алматы. Некоторые представители данной группы также считают, что роль русского языка с каждым годом незаслуженно снижается и, необходимо расширять сферы его применения. С их точки зрения, пренебрежение политикой двуязычия может послужить толчком к полному искоренению русского языка из повседневной жизни казахстанцев. С другой стороны, казахоязычные участники фокусных групп, проведенных в Жамбылской области с респондентами в возрасте от 18 до 30 лет, склонны считать, что актуальность русского языка будет сохраняться лишь до тех пор, пока не будет создана богатая библиотека научно-профессиональной литературы на казахском языке.

«Заходишь в государственное учреждение – все вывески на казахском языке – раньше хоть дублировалось».

г. Алматы, русский, православный, 43 года

«Это наша с вами общая история, русский язык не должен отодвигаться на второй план».

г. Костанай, русский, православный, 47 лет

Помимо этнических русских, позитивно оценивают сохранение сфер применения русского языка респонденты из числа «ультра терпимых» казахов, отмечающих, что двуязычие будет учитывать интересы представителей других этнических групп. По большому

счету, данное направление языковой политики воспринимается как наиболее гибкий вариант, поскольку учитывает интересы представителей всех национальностей.

«Двуязычие в Казахстане – это щадящий вариант языковой политики. В других постсоветских странах преимущество закреплено за языком титульной нации».

г. Нур-Султан, казах, 31 год

Сторонники расширения сфер применения русского языка и двуязычия, в целом, отметили, что такой подход имеет ряд плюсов как в сфере внутренней, так и в сфере внешней политики. С одной стороны, население, не знающее государственный язык, не будет считаться маргиналами, поскольку, владея русским языком вполне достаточно, чтобы быть полноценной частью казахстанского общества. Другим немаловажным плюсом является возможность коммуникации с представителями стран ближнего зарубежья, как на индивидуальном, так и на глобальном уровне, где русский язык позволяет выстраивать здоровые политические и экономические взаимоотношения.

«Конечно, в русском языке я вижу только плюсы. Вот поедем мы в бывшие страны Советского союза – там же никто по-узбекски или по-кыргызски не заговорит. Объединит нас русский язык».

г. Алматы, русский, 30 лет

Участники фокусных групп отмечали, что несомненным плюсом политики казахско-русского двуязычия является билингвизм, характерный для большинства этнических казахов. Также, не отрицается и тот факт, что знание русского языка позволяет получить больший доступ к различным источникам информации (новости, научная, профессиональная и публицистическая литература, развлекательный контент и т.д.).

«Сравните по масштабам распространения и объемам контента казнет и рунет. На казахском языке информацию вообще не найдешь».

г. Нур-Султан, казах, неверующий, 36 лет

Стоит отметить, что данное направление языковой политики не имеет ярых противников среди опрошенного населения, тем не менее, риски и недочеты двуязычия, все же, были озвучены.

С одной стороны, можно наблюдать, что государственная языковая политика, постепенно повлияла на мнение большинства русского населения Казахстана и, они готовы к овладению казахским языком. Но, как отмечает профессор Р. Кадыржанов, те, кто стоят на позициях казахстанской идентичности, (и, в первую очередь, русские и другие некоренные народы Казахстана), не хотят, чтобы русский язык и другие их привычные символы ушли со своего центрального места, которое они занимали в советском обществе. Казахский этнос стремится к тому, чтобы их важнейший символ – казахский язык – распространялся, если не на все, то на максимально большое число социальных и культурных сфер общества. Вместе с тем, многие казахи не хотят, чтобы ставшими привычными символы русской культуры и советского времени ушли бы на периферию казахстанского общества [1].

Позицию известного ученого подтверждают и результаты экспертного опроса проведенного Институтом языкознания имени А. Байтурсынова КН МОН РК в рамках проекта «Государственный язык: эволюция, динамика, перспективы (лингвистический, социолингвистический, социологический, политологический аспекты)» в 2017 г. По мнению экспертов, государственная политика в языковой сфере Казахстана отвечает потребностям полиэтничного населения страны. В этом отношении государство позиционирует себя адекватно и, это благоприятно воспринимается населением. Развитие казахского языка является наиболее важным моментом государственной языковой политики. С таким мнением согласны все опрошенные эксперты. Вместе с тем, доминантная часть экспертов считает, что казахский язык как главный символ страны должен определять политику в языковой сфере. Другая часть экспертов, признавая приоритетность казахского языка в государственной политике, не желает, чтобы русский язык потерял былые позиции.

В ответах экспертов отразилась социолингвистическая ситуация в Казахстане. Обретение казахским языком реального статуса государственного языка, по-прежнему, представляет собой противоречивый процесс. С одной стороны, казахский язык постепенно

повышает свой статус во всех сферах общественной жизни, растет число его носителей. С другой стороны, на сегодняшний день, казахский язык не может занять ведущие позиции и на деле соответствовать конституционному статусу государственного языка. Основным языком межнационального общения и межкультурного взаимодействия продолжает оставаться русский язык. Диапазон использования русского языка, в отличие от казахского, по-прежнему, довольно широк в различных сферах общения [2].

В то же время, объективным является фактор сужения указанной ситуации под влиянием изменений демографической структуры населения в разрезе этнической составляющей.

Этно-демографические процессы, безусловно, влияют на языковую ситуацию в республике. Так, трансформация этнической структуры населения привела к тому, что доля русского и европейского этносов значительно уменьшилась, а они являются основными носителями русского языка.

Возрастание демографической мощи языка происходит, во-первых, за счет увеличения числа казахов в общей численности населения. При этом, рост числе казахов, в большей степени, обеспечивается, как за счет естественного прироста, также и за счет казахов-репатриантов (оралманов) из Китая, Монголии, России, Узбекистана, Туркменистана. Во-вторых, население страны, в целом, является молодым, при этом, таковыми являются, в основном, азиатские этносы; славянские этносы, напротив, характеризуются демографическими постарением. Сегодня, именно, о молодое поколение казахстанцев характеризуется растущей казахской языковой компетенцией.

Казахизация демографических процессов уже изменила этнический облик страны, но ее влияние на социокультурную среду будет не столь быстрым и далеко не однозначным.

Статистика показывает, что численность казахского населения ежегодно растет, но как отмечает Р. Кадыржанов, демографическая казахизация не привела автоматически к языковой казахизации. Одной из причин, по мнению ученого, является отсутствие языковой границы между основными этносами – казахами и русскими. Казахи поголовно стали русско-язычными, некоторые из них говорят на родном языке, а некоторые либо потеряли этот навык, либо не приобрели.

Если бы языковая граница между казахами и русскими сохранилась, то демографические изменения привели бы к языковым, то есть, казахский язык стал бы доминирующим. Но при русификации казахов и других национальностей для выживания в Казахстане требуется не казахский, а русский язык. За прошедшие годы казахский язык стал шире применяться в сфере образования и в информационном пространстве, выросло число тех, кто преимущественно говорят на казахском языке. Если, прежде, в казахско-русском билингвизме преобладали те, у кого русский язык главенствовал над казахским, то сегодня среди казахско-русских билингов больше тех, у кого казахский язык главенствует над русским. Вместе с тем, эти количественные изменения не привели к доминированию казахского языка [3].

Внутренняя миграция, связанная с процессами урбанизации, переносом столицы, изменением административно-территориального деления северных областей, привела к увеличению удельного веса казахов в городах, что позволяет говорить об усилении коммуникативной мощи языка.

Процессы урбанизации казахов повлияли на расширение коммуникативного пространства казахского языка, но, новые горожане – в основном, люди с низкой квалификацией, с низким уровнем образования. Таким образом, основные носители казахского языка имеют низкий социальный статус. Более высокие социальные сферы остаются русско-язычными.

Но, развитие социальных функций языков в городе зависит от интенсивности их использования в приоритетных коммуникативных сферах: образовании, СМИ, духовной культуре, семейно-бытовом общении.

Любая миграция связана с конфликтом языков, поскольку, перемещение больших групп населения предполагает непосредственное взаимодействие и языков, и носителей языка. Снижение общего уровня культуры города привело к небрежному отношению к языковым нормам, варваризации и жаргонизации языка. Специалисты-языковеды, филологи, деятели культуры проявляют озабоченность современным состоянием речевой культуры казахского языка, отмечают ее вульгаризацию.

На смену традиционному казахскому монолингвизму новых горожан приходит двуязычие, обусловленное необходимостью

внешнего общения. В условиях реального двуязычия взрослых членов семьи, у детей мигрантов казахский язык чаще сменяется на русский, в качестве предпочтительного средства общения, что свойственно большинству семей в городах. Эта традиция идет из советского прошлого. Вместе с тем, изменения в системе образования, рост числа средних школ с обучением на казахском языке в мегаполисах предполагает, что дети мигрантов постсоветского периода, в отличие от детей-мигрантов конца 20-ого века, получают образование на казахском языке, а это означает развитие казахского коммуникативного пространства. Изменение этно-демографической ситуации оказало влияние на спрос образовательных услуг на казахском языке на всех уровнях образования.

Как известно, Правительство Казахстана предприняло серьезные шаги, чтобы казахский язык доминировал в образовании. На начало 2006/2007 года в 199 вузах обучалось 768,4 тыс. студентов, из них более половины обучались на русском языке – 421,8 тыс. человек [4]. На начало 2015/2016 уч. года, т.е. практически через 10 лет в Республике Казахстан в 127 высших учебных заведений с общей численностью 459,4 тыс. студентов на русском языке обучалось уже 157,4 человек [4]. То есть за 10 лет количество человек, обучающихся на русском языке в вузах, снизилось с 54,9% до 34,3%.

Подобная картина наблюдается и в сфере получения среднего специального образования. Так, количество обучающихся на русском языке снизилось с 43,5% до 41,9%. Сегодня 70% школьников обучаются на государственном языке, из числа проходивших ЕНТ около 80% сдает тестирование на казахском языке, 80% грантов на обучение в высших учебных заведениях предоставляются по специальностям с обучением на государственном языке.

Спрос на образовательные услуги на казахском языке в перспективе будет возрастать. Но, очевидно и другое: в современном мире возрастает ценность знания, как залог успешного развития и становления личности, возможность его «встроенности, (инклюзии)» в процессе модернизации. В связи с этим, важен учет не только количественных показателей образовательных учреждений на государственном языке, но и качественные характеристики образовательных услуг, что в идеале означает высокие стандарты казахстанского образования, которые ни в чем не уступали бы миро-

вым стандартам. И только в этом случае, образование на казахском языке в перспективе расширяет социальные функции, а, следовательно, и коммуникативное пространство.

Необходимо отметить, что действия государственных органов по всемерному развитию государственного языка на базе массового овладения населением казахским языком, исходят из органичного понимания сути национального государства и направлены, таким образом, на всемерную «казахизацию» общественной жизни в стране. В целом «казахизация» поддерживается этническими казахами, владеющими государственным языком. Часть из них («активные национал-патриоты»), в более жесткой форме, поддерживает политику по расширению сфер применения казахского языка, отмечая важность форсированного обучения казахскому языку. Данный шаг является наиболее целесообразным, так как, за прошедшие годы Независимости, уровень владения казахским языком, как среди казахов, так и среди представителей других этнических групп существенно не изменился. Другая часть этой группы («ультра терпимые») считает, что подобную политику следует проводить постепенно, учитывая интересы и возможности населения из числа других этнических групп.

Среди русского населения Казахстана можно выделить две полярные группы: сторонников и оппонентов распространения казахского языка как государственного во все социальные сферы. Сторонники казахского языка готовы изучать казахский язык, а противники выражают нежелание изучения государственного языка, который, по их мнению, является языком межнационального общения. За сохранение русского языка, помимо этнических русских, выступают представители других этнических групп и респонденты из числа «ультра терпимых» и «русско-язычных» казахов.

Одной из причин возникновения языковых конфронтаций является неравенство статусов языков в различных сферах и различия в количестве сфер их использования. Данные опроса говорят о том, что большинство казахов, в зависимости от ситуации и от своей языковой компетенции в различных социальных сферах, общаются и на казахском, и на русском языках; около трети от их числа, использует, преимущественно, русский язык. Русская этническая группа во всех сферах жизни, преимущественно, взаимодействует

на русском языке. Другие этнические группы, в своем большинстве, также взаимодействуют на русском языке.

Языковое равноправие однозначно отражено в Конституции Республики Казахстан, но на практике реализация этой идеи происходит с затруднениями. За короткий период времени были предприняты значительные меры по приданию особого статуса казахскому языку, проведены мероприятия по созданию реальной мотивации к его овладению в государственном масштабе. Но процессы де-русификации идут медленно. Реальная потребность в русском языке как средстве межнационального общения во всех социальных сферах оказалась сильнее усилий государства.

К числу противодействующих этому положению факторов относится объективное влияние на расширение сферы применения государственного языка произошедших изменений в этно-демографической структуре населения, а именно: снижение в составе населения доли русского и европейских этносов. Однако демографическая казахизация автоматический не привела к языковой казахизации.

Литература

1. Кадыржанов Р. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. Алматы, 2014, с. 67.

2. Ешпанова Д., Нургалиева М., Фазылжанова А. Современная языковая ситуация в Казахстане: динамика и особенности изменений. Журнал Казахстан-Спектр, 2017, №4, с. 28-29.

3. Построим ли мы свой Вавилон. Мнения по поводу взаимосвязи между демографией и языковой ситуацией высказали эксперты. [Электронный ресурс]. URL // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31474960 (дата обращения: 26.08.2019).

4. Высшие учебные заведения Республики Казахстан. На начало 2015/2016 учебного года. 41-07/725. «25» декабря 2015 г. Том 1. Департамент социальной и демографической статистики. Қазақстан Республикасы Ұлттық Экономика Министрлігі Статистика комитеті. [Электронный ресурс]. URL// http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/ (дата обращения: 26.08.2019).

Глава 2. Русификация в советском и постсоветском Казахстане: интернационализм и казахско-русское двуязычие

Введение

В национальном строительстве ключевую роль играет культурная интеграция этнических групп, ставящая своей целью формирование из них единого культурного сообщества, объединенного общностью языка, культуры, ценностей, символов. Постсоветские государства, провозглашающие себя национальными государствами своих титульных наций, ставят своей целью осуществить этнокультурную интеграцию на основе языка и культуры титульной нации. Казахстан как постсоветское государство проводит свою политику этнокультурной интеграции по этой же схеме, пытаясь объединить полиэтническое общество на основе казахского языка и культуры. В реальности, однако, этого не происходит, и этнические группы объединяются не с помощью казахского языка, как предлагает государство, но с помощью русского языка, как это было в советское время. Такая ситуация позволяет сохранять межэтническую стабильность, но препятствует национальному строительству Казахстана как государства, в котором ведущую роль играет казахский народ. Это явление привлекает к себе внимание исследователей, которые предлагают ему различные объяснения. По нашему мнению, следует исследовать историческое развитие языковой политики и ее преемственность. Более конкретно, следует проанализировать советскую политику национально-русского двуязычия и ее трансформацию в постсоветский период. Такой подход даст возможность понять причины русификации казахов в советский период и ее воспроизводство в современном Казахстане. Это прольет свет и на ситуацию с этнокультурной интеграцией в Казахстане.

Многонациональность и интернационализм в Казахстане

Этнокультурная интеграция имеет большое значение для независимого Казахстана, учитывая многонациональный состав населения государства, доставшийся в наследство от советского пе-

риода его истории. В советский период, как известно, Казахстан как союзная национальная республика относился к числу самых полиэтнических частей Советского Союза. В республике проживало большое количество, около 130, различных национальностей, оказавшихся в Казахстане в различные периоды его истории. В рамках советской национальной политики коммунистическому режиму удавалось поддерживать в многонациональном Казахстане достаточно высокий уровень политической стабильности. Неслучайно поэтому советские власти любили говорить о Казахстане как «лаборатории дружбы народов», образце политики интернационализма.

Другой демографической особенностью советского Казахстана была низкая доля казахов как коренной нации в общем населении республики. В этом плане Казахстан был единственной союзной республикой, численность коренной, или титульной, нации которой составляла менее половины ее общего населения. По данным последней советской переписи населения 1989 года численность казахов составляла 6 миллионов 534,6 тысяч человек, что составляло 39,7 % общего населения Казахской ССР. На тот момент казахи уже были самой крупной численно национальностью в республике, но в отличие от других союзных республик коренной народ не был большинством в абсолютном значении, то есть не составлял половины всего населения Казахстана. Но демографический рост казахов, начавшийся с 1960-х гг., позволил им стать относительным большинством в республике, хотя в течение нескольких десятилетий до этого они уступали в численности русским, будучи только второй в демографическом отношении нацией в Казахстане [1].

Демографическая ситуация значительно изменилась после 1991 года, когда Казахстан стал независимым государством. В постсоветский период возникла новая этно-демографическая динамика, характеризующаяся абсолютным и относительным увеличением казахов и столь же заметным снижением русских и других нетитульных славянско-христианских национальностей в общем населении Казахстана. По данным переписи населения Казахстана 2009 г. численность казахов составила 10096,8 тыс. человек, или 63,1% общего населения страны. Численность русских по данным

той же переписи составила 3793,8 тыс. человек, что соответствовало 23,7 % населения Казахстана [2].

Тенденции постсоветской этно-демографической динамики во многом сохраняются в сегодняшнем Казахстане и, по мнению экспертов, останутся неизменными еще в течение определенного периода времени, то есть в течение 5-10 лет, а может быть, еще дольше. После этого, в соответствии с мировыми демографическими закономерностями, наступит замедление роста численности населения. Однако к тому времени доля казахов в населении Казахстана может достигнуть величины около 80%. В этом случае о Казахстане можно будет говорить как о мононациональном государстве, хотя четко определенных критериев в вопросе о том, какое государство может относиться к мононациональным, а какое нет, не существует.

Однако, несмотря на заметные этно-демографические тенденции мононационального характера в современном Казахстане, в общественном сознании преобладает восприятие казахстанского общества как многонационального. Многонациональность Казахстана рассматривается большинством полиэтнического населения сегодня как благоприятное состояние общества, как его преимущество. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты социологического исследования в рамках проекта «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания»: многонациональность является наиболее значимым преимуществом Казахстана перед другими странами [3].

Этот вывод социологического исследования был получен исполнителями социологического исследования в ходе проведения фокусных групп и опроса населения по всему Казахстану. Мультинациональность казахстанского общества как его преимущество было расценено в фокусных группах как проявление присущего Казахстану межэтнического согласия и позитивного характера взаимодействия его этнических групп. В нашей стране представители различных национальностей не только сосуществуют в мире, согласии и взаимоуважении, но и теснейшим образом взаимодействуют на культурно-бытовом уровне, перенимая друг у друга модели поведения, общения с другими людьми, различные элементы культуры и быта [4].

Этот вывод нашел свое подтверждение не только в фокусных группах, но и по ходу массового опроса населения, проведенного исполнителями социологического исследования. Мы имеем в виду результаты ответа на вопрос: «В какой национальной среде Вы предпочли бы проживать, проводить свободное время, работать либо учиться?». Проживать и проводить свободное время большинство респондентов (70%) предпочли бы в многонациональной среде. Значительно меньшая доля респондентов (18%) хотела бы жить «среди людей моей национальности». Аналогичным образом, большинство респондентов (73%) предпочли бы работать и учиться в многонациональной среде, а значительно меньшая доля респондентов (12%) учиться и работать среди людей своей национальности [5].

Это говорит о том, что многонациональность является привычной и даже желательной нормой для казахстанцев в их сложившемся образе жизни в современном Казахстане. Исторические и социально-культурные корни этого явления сложились еще в советский период, когда Казахстан был одной из самых многонациональных республик в составе СССР и в нем сложились сильные традиции интернационализма, о чем мы говорили выше. Следует отметить, что в наибольшей мере интернационализм в советское время был присущ городам Казахстана, бывшими административно-культурными и индустриальными центрами республики. Именно города отличались высоким уровнем многонациональности населения, в котором доминировали русские и другие славянско-христианские национальности, руками которых в Казахстане осуществлялась индустриализация и другие преобразования советской власти. Казахи, как и другие коренные народы Центральной Азии, не были широко задействованы в процессах индустриализации, проживая преимущественно в сельской местности, а в городах они оставались в меньшинстве.

Отказ от коммунистической системы означал вместе с тем отказ от практик и политических стратегий советского режима. Одной из таких практик и стратегий был интернационализм, который был тесно связан с национальной политикой советской власти в направлении «расцвета и сближения» социалистических наций. При этом негласно предполагалось, что сближение наций и их пре-

вращение в «новую историческую общность людей», а именно в советский народ, должно происходить на основе русского языка и культуры. В таком виде интернационализм противоречил национальной политике новых независимых государств, национальное строительство которых основывалось на приоритете языка и культуры титульной нации. Неслучайно поэтому термин «интернационализм» исчез по существу из лексикона постсоветских обществ.

Это, однако, не означало отказа правящих режимов и элит постсоветских государств от национальной политики, во многом идентичной советской политике интернационализма, но приспособленной к условиям новых политических и социально-культурных реалий. Национальное строительство осуществляется в Казахстане, как и других постсоветских государствах, посредством баланса между этнической и гражданской идентичностями. Эту политику Эдвард Шатц определил как «интернационализм с казахским лицом» в отличие от интернационализма советского периода, который имел «русское лицо». Подобная интеграция позволяет государству балансировать между интересами казахов как титульного этноса и интересами нетитульных этносов в языковой, культурной и других социальных сферах [6].

Политика баланса между этнической и гражданской идентичностями направлена на формирование единой нации в Казахстане. Эта нация как надэтническое сообщество должна быть создана на основе гражданских принципов. С этой задачей столкнулся в первой половине 1990-х гг. не только Казахстан, но и все постсоветские государства. Как отмечает Колсто, все новые независимые государства столкнулись с невероятно трудной задачей увязать взаимно две сущности, а именно, титульную «нацию» и гражданскую «нацию», таким образом, чтобы все их полиэтническое население могло свободно идентифицировать себя с государством и быть лояльным ему. Повсюду решение этой проблемы видится в модном словечке «интеграция» [7].

Сложность синтеза этнокультурной и гражданской нации в национальной интеграции Казахстана проявляется в следующем: с одной стороны, национальное государство Казахстана строится по постсоветской модели государства титульной нации. Такая модель национального строительства predetermined советским

прошлым, поскольку уже в СССР союзные республики рассматривались как (квази)государственность титульной нации, по имени которой определялось название республики, к тому же статус нации приписывался этническим группам (национальностям), а не всему советскому народу. После распада СССР бывшие союзные республики стали полноценными (по крайней мере, претендовать на это) национальными государствами своих титульных наций.

С другой стороны, в полиэтническом обществе этнические группы выступают против того, чтобы государство выступало только лишь от лица одного этноса, даже если он демографически и политически доминирует в обществе. Для этнических групп полиэтнического общества важно, чтобы нация определялась не в этнокультурных терминах, а как гражданское сообщество равных в политическом и социально-экономическом отношениях этносов. Это означает, что в полиэтническом обществе граждане определяют свою национальную идентичность с государством и его институтами, а не с каким-либо этносом, потому что идентификация с этносом вызывает у нетитульных этнических групп опасения оказаться ассимилированными титульным этносом. Ассимиляция нередко воспринимается национальными меньшинствами как угроза их языку, культуре и идентичности, порождая в нем центробежные тенденции.

Интернационализм и двуязычие в советском Казахстане

Одним из наглядных проявлений постсоветского национального строительства является деятельность государства в языковой сфере. В советский период в национальных республиках поддерживалась политика двуязычия, в соответствии с которой развивались язык титульной нации и русский язык. Двуязычие преподносилось советской пропагандой как одно из главных направлений интернационалистской политики коммунистического режима. В рамках этой политики режим поддерживал развитие языка и культуры титульной нации, раскрывая перед мировым сообществом свои достижения в национальной политике. Пропаганда режима преподносила свои достижения в национально-культурном развитии народов Центральной Азии как переход отсталых народов региона в семью цивилизованных наций современного мира.

Разумеется, главные усилия советского государства в его политике двуязычия были направлены на развитие и распространение русского языка по всему Советскому Союзу, по всем его национальным республикам и населявших их народам. Коммунистический режим придавал русскому языку ключевое значение в достижении поставленной им цели построения советского народа как новой исторической общности людей. По замыслу режима и его национальной политики русский язык и русско-советская культура должны были объединить народы СССР в единое культурно-идеологическое сообщество.

Идеология и политика советского интернационализма утверждала, что освоение русского языка нерусскими народами ни в коей мере не мешает развитию их национального языка и культуры. Наоборот, русский язык и русско-советская культура способствуют развитию национальных языков и культур в рамках принципа «национальная по форме, социалистическая по содержанию» развития национальных культур.

В реальности политика национально-русского двуязычия создавала в языковой сфере союзных республик ситуацию языковой конкуренции в условиях функционирования двух языков. Языковая конкуренция неизбежно возникает в обществе, где одновременно функционирует два и более языка. Языковая конкуренция в советских республиках была неравной, поскольку преимущество в ней имел русский язык, пользовавшийся идеологической, политической, административной, финансовой и иной поддержкой советского режима. Поддержка языков и культур титульных наций центральной властью осуществлялась по остаточному принципу.

Советская пропаганда преподносила отношения национально-го и русского языков не как их конкуренцию, но как равноправное отношение двух языков, от которого оба только выигрывают. Мировая практика, однако, свидетельствует о том, что в многоязычном обществе между языками могут существовать отношения равенства, если только общество разделено на независимые друг от друга секторы, языки которых не пересекаются между собой и функционируют автономно друг от друга.

Такая языковая ситуация имеет место, например, в Индии. Как федерация Индия имеет этнокультурную форму, в которой каждый

из 38 штатов имеет свой официальный язык, отличный от языков других штатов. Кроме того, в каждом из штатов имеются более мелкие культурные и языковые сообщества, отличные от крупнейшего для штата титульного сообщества. Управление такой сложнейшей федерацией возможно только на основе демократии, поскольку, как считают эксперты, любая иная форма правления в ней неизбежно приведет к конфликтам между штатами и культурно-языковыми сообществами. Демократия же поддерживает необходимый баланс интересов между всеми субъектами федерации, поэтому демократия жизненно необходима для выживания индийского государства [8].

Хотя СССР по своему государственному устройству был, как и Индия, этнокультурной федерацией, однако политическая система в стране была совершенно иной и потому федерация имела декларативный характер. По существу СССР был жестко централизованным государством, в котором субъекты федерации имели номинальную символическую автономию, подчиняясь во всем союзному центру, в котором ключевую роль играла коммунистическая партия. Политика союзного центра в отношении национальных республик была направлена на то, чтобы заручиться поддержкой и лояльностью национальных элит, готовых служить коммунистическому режиму.

Ведущая роль в подготовке национальной интеллигенции и элит принадлежала русскому языку. Иначе говоря, русский язык в руках советского режима был не только культурным ресурсом, но и важнейшим политико-идеологическим инструментом. Поэтому его распространение в национальных республиках СССР играло ключевую роль в утверждении политического господства режима.

Распространение союзным центром русского языка в национальных республиках в рамках политики двуязычия получило название русификации. Это означало внедрение русского языка в национальных республиках посредством различных социальных, в том числе политических, институтов. К ним относились делопроизводство в государственных органах, в судебной системе, партийных и советских органах, системе образования, средствах массовой информации и т.д. Такая политика привела к массовому овладению русским языком в национальных республиках, в первую очередь их коренным населением.

Русификация народов СССР привела к тому, что несмотря на политику двуязычия, их языки столкнулись с большими трудностями в своем развитии и использовании в вербальной коммуникации в рамках этнических и национальных сообществ. Во многих национальных республиках русский язык стал вытеснять язык титульной нации, причем не только в межэтническом общении, но и в рамках самих титульных наций. Особенно заметной эта тенденция была в городах, где проживали представители различных национальностей.

Недостатки советской политики двуязычия и в целом национальной политики СССР наглядно выявились в годы перестройки, когда элиты в союзных и автономных республиках получили возможность открыто говорить о проблемах в языковой и культурной политике. Впоследствии требования решения проблем национального языка и культуры послужили основанием для выдвижения национальными элитами требований обретения независимости. Выдвижение требований независимости обосновывалось необходимостью создания собственного национального государства, которое сможет справиться с указанными проблемами.

Казахское моноязычие в советский период

Особенно острый характер проблемы с национальным языком и культурой приобрели в Казахстане. Здесь русификация, прежде всего в городах, приобрела массовый характер. Сами казахи, как было сказано выше, не составляли большинства населения республики на протяжении всего советского периода, а в большинстве городов, включая столицу Алма-Ату, они находились в заметном меньшинстве. Поэтому в городах казахский язык практически исчез из межэтнического общения. Неслучайно поэтому по результатам всесоюзной переписи 1989 г. казахский язык остался на последнем месте среди национальных языков по степени его владения некоренным населением. Более того, русификация привела к тому, что большое число казахов, особенно городских, практически перестали пользоваться своим национальным языком, перейдя на русский. В советский период, как утверждает Нурсултан Назарбаев, «едва не были утрачены казахский язык и культура» [9].

Здесь необходимо уточнить, что казахский язык и культура едва не были утрачены в городах Казахстана в советское время. В сельской местности, особенно в южных и западных регионах Казахстана, где проживало основное казахское население и занималось традиционным для казахов скотоводством, главным средством общения был казахский язык. Однако употребление языка сельским населением достаточно для поддержания его существования в каких-то ограниченных пределах, как правило, на бытовом уровне, в рамках традиционных для этноса форм существования. При этом важную роль для выживания языка имеет наличие сообщества, для которого этот язык является основным средством общения. В этом смысле судьба казахского языка не вызывала опасений, и он не мог считаться умирающим языком, как об этом заявляли лидеры казахских национал-патриотических организаций.

Язык может существовать в каком-то законсервированном состоянии, находясь в употреблении у традиционного сообщества. Здесь имеет значение размер этого сообщества: если языковое сообщество небольшое по своей численности и оно подвержено влиянию большого языкового сообщества, то число говорящих на языке постоянно сокращается. В конце концов, в сообществе не остается людей, употребляющих его язык, и язык, таким образом, умирает.

В советское время основная масса казахов проживала в сельской местности, поэтому казахское языковое сообщество было в достаточной мере крупным, оно включало в себя несколько миллионов человек. Причем в силу демографического роста казахов, начавшегося в 1960-х гг., численность казахского языкового сообщества постоянно увеличивалась, то есть увеличивалось число носителей казахского языка. При этом важно отметить и то, что сельские южные и западные районы Казахстана, в которых проживала основная масса казахов, занимавшихся традиционным скотоводством, были в достаточной мере изолированными для других этносов и их влияний, в том числе языковых.

В районах массового поселения казахов, особенно на юге Казахстана, вместе с ними проживали представители тюркских и других мусульманских меньшинств, которые не могли навязать свой язык и культуру, но, наоборот, сами осваивали казахский язык

и культуру. Русское влияние в этих районах было ограниченным, поскольку сами русские в этих районах не жили. Русское влияние ограничивалось, как правило, официальным административным уровнем этих районов, и касалось оно, главным образом, высшего управляющего звена этих местностей. Основную же массу сельских казахов в этих районах официальная политика, осуществляемая на русском языке, задевала мало. Жизненно важные процессы в этих районах протекали на казахском языке. Это способствовало сохранению казахского языка в ауле, сельской местности, где кроме казахов практически не было других национальностей, и потому не было их влияния на языковую практику сельских казахов.

Схожая ситуация, как отмечает Дэвид Лэйтин, имела место в других республиках Центральной Азии. Здесь также в сельских районах, где преимущественно проживали представители титульной нации, ее язык был единственным средством устной и письменной коммуникации. Моноязычная среда в этих местах была лингвистической нормой [10]. Характеризуя эту среду, Лэйтин употребляет английский термин *patochial*, который можно перевести как «патриархальный», «традиционный» как противоположности «современного», «модернизированного». Этот термин можно также перевести как «местный» в противоположность «универсальному». Иначе говоря, языки народов Центральной Азии представляли как патриархальные, традиционные и местные против современного и универсального русского языка, с которым они выступали как «равноправные» элементы политики двуязычия советской власти.

Советская языковая практика показывает, что несмотря на проводимую режимом политику национально-русского двуязычия, во многих частях СССР имело место национальное моноязычие. Как показывает опыт Центральной Азии и других регионов Советского Союза, национальное моноязычие сохранялось главным образом в сельской местности в местах компактного проживания титульной нации. Важнейшим условием для сохранения моноязычия было отсутствие межэтнических контактов в проживаемой местности, в первую очередь, контактов титульной нации с русскими. При отсутствии этого условия сохранение языка титульной нации в сельской местности становится проблематичным. Например, в

северных, центральных и восточных областях Казахстана имеется немало районов, где в сельской местности казахи проживали и сегодня проживают совместно с русскими, украинцами, немцами и другими национальностями. В таких местностях среди казахов наблюдается широкое распространение русского языка и недостаточное владение родным языком. Такая же ситуация наблюдалась и в других регионах СССР, да и сегодня имеет место на постсоветском пространстве.

В плане наличия межэтнических контактов и вытекающего из него двуязычия, в котором русский язык является доминирующим, а титульный язык имеет узкую сферу распространения, такие сельские местности во многом были схожи с городами. До революции города в Казахстане были центрами колониальной администрации, то есть были областными и уездными центрами, в которых преобладало русское население. Казахи как кочевники городов избегали, только в конце девятнадцатого – начале двадцатого века стали в минимальных количествах жить в городах. Так, по переписи 1913 г. казахи составляли только один процент населения городов [11].

Русификация городов советского Казахстана

При советской власти города в Казахстане стали строиться не только как административные центры, но в большей мере как индустриальные центры. В ходе индустриализации Казахстана города возводились рядом с крупными месторождениями полезных ископаемых, металлургическими, энергетическими, химическими комбинатами и т.д. В индустриализации Казахстана главную роль играли рабочие русской и других славянских национальностей, мобилизованные из центральных регионов России, Украины и других мест. Казахи также участвовали в строительстве и работе индустриальных предприятий, но их участие было незначительным. В других республиках Центральной Азии участие коренных народов в процессах индустриализации также было незначительным, возможно даже меньше, чем участие казахов в этих процессах. Это было, в частности, связано с тем, что индустриализация в Казахстане имела больший масштаб, чем в других республиках Центральной Азии.

Межэтнические контакты приобрели наибольший размах в городах Казахстана, главную роль в которых играли русские и другие европейские национальности. Находившимся в меньшинстве казахам приходилось осваивать русский язык, чтобы жить и выживать в условиях русского языкового и культурного доминирования. Казахско-русское двуязычие носило символический характер. На самом деле города Казахстана, включая столицу республики Алма-Ату, были центрами русского языка и культуры. Если в упомянутых нами выше южных и западных районах Казахстана с преобладающим сельским казахским населением казахско-русское двуязычие оказалось на деле казахской языковой моносредой, то в городах двуязычие представляло собой русскую языковую моносреду.

В советское время переезд казахов как представителей титульной нации в столицу Алма-Ату с абсолютной необходимостью предполагал от них знание русского языка. Без этого невозможно было купить продукты, проехать на общественном транспорте, найти работу и влиться в какой-либо трудовой коллектив [12]. Интеграция казахов в городскую жизнь с неизбежностью предполагала знание русского языка и русско-советской культуры.

Очевидно, что в таких условиях среди городских казахов возрастала русификация, то есть их ассимиляция. Этому способствовало практически полное отсутствие казахских школ в городах. Казахские дети в городах с самого раннего детства погружались в русский мир, что способствовало росту их идентичности с русским языком и культурой. Среди городских казахов в советское время возникло явление манкуртизма, то есть отчуждения от родного языка и культуры. В массе своей городские казахи стали русскоязычными, открытыми русской культуре и основанному на ней советскому образу жизни. Среди казахов широкое распространение получили идеи советского интернационализма, тогда как интерес к собственной этнической культуре трактовался как «казахский национализм».

Приведенные выше слова Нурсултана Назарбаева о том, что за годы советской власти в Казахстане едва не были утрачены казахский язык и культура, относятся в первую очередь к городским казахам. В сельской местности, как мы отмечали, такой угрозы не было. Однако угрозы утраты, по крайней мере, резкого сужения

использования казахского языка очень остро ощущалась именно в городе, тем более в столице. Именно здесь жила элита Казахстана – творческая, научная, информационная. Здесь жили широкие слои национальной интеллигенции, для которых плачевное положение казахского языка и всей культуры вызывало горькие чувства.

Как ни в какой другой советской республике города Казахстана отличались многонациональностью. Для казахской элиты было больно наблюдать, что все многонациональное сообщество, включая и казахов, разговаривают и общаются между собой на русском языке, а не казахском, хотя это сообщество живет в Казахстане. Сравнения Казахстана с соседним Узбекистаном, кавказскими и балтийскими республиками, где языки титульных наций если не господствовали, то имели широкое применение, а в Казахстане даже собрания, на которых присутствовали одни представители титульной нации, проходили на русском языке, вызывали только горечь у национальной интеллигенции.

Горечь национальной элиты вызывало разделение казахской нации по языковому принципу, чего не было ни у какого советского народа. Казахи были разделены на сельских, то есть казахскоязычных, и городских, то есть русскоязычных казахов. Но это было не только языковое разделение. Это было более широкое и глубокое идентификационное разделение внутри казахского этноса. Русифицированные городские казахи глубоко впитали русский язык и культуру, что вызвало у них идентификационные сдвиги в сторону русско-советской идентичности. У городских казахов-манкуртов их родной язык вызывал в лучшем случае равнодушие, восприятие как цивилизационно-отсталого.

Русификация и манкуртизм были формами ассимиляции городских казахов. Ассимиляции подвергались не только казахи, но и все другие советские нации в рамках политики интернационализма. Ассимиляция имела место главным образом в городах, будучи связанной с процессами урбанизации и межнациональных контактов. На эти условия ассимиляции советских народов указывает Брайан Силвер, который изучал процессы русификации в советских республиках на материалах советских переписей 1970 и 1979 гг.

*Неассимилированное и ассимилированное
двуязычие советских народов*

Выдвижение Силвером условий русификации в виде урбанизации и межнациональных контактов достаточно хорошо объясняло ассимиляцию среди славянских православных народов, но хуже предсказывало ее для мусульманских народов СССР и еще хуже для балтийских народов [13].

В своих исследованиях русификации советских народов в рамках политики двуязычия Силвер вводит классификацию языковых квалификаций или языкового репертуара, состоящей из четырех элементов. Этими элементами являются национальный монолингвизм или, как мы выше об этом говорили, патриархальность (*parochialism*). Это ситуация, когда представитель советской национальности говорит только на своем языке и не знает русского языка. Второй элемент своей классификации Силвер определяет как неассимилированное двуязычие (*unassimilated bilingualism*), когда человек помимо своего родного языка знает и русский язык, однако применяет его в ограниченном числе социальных сфер, испытывая трудности при изъяснении на русском языке. Третий элемент классификации Силвера определяется как ассимилированное двуязычие (*assimilated bilingualism*), когда человек использует в большинстве своих коммуникаций русский язык, но при этом в ограниченном объеме может пользоваться родным языком вследствие худшего его знания, чем русского языка. Наконец, четвертый элемент классификации определяется как ассимиляция (*assimilation*), когда представитель нерусской советской национальности знает только русский язык и не знает языка своей национальности и не пользуется им [14].

Применение этой классификации позволило Брайану Силверу и соавтору ряда его статей Барбаре Андерсон прийти к выводу, что наиболее массовой категорией двуязычия советских национальностей является неассимилированное двуязычие. В целом советские народы остались привержены своим языкам, хотя определенного уровня знания русского языка они, несомненно, достигли. Однако в основной массе советских национальностей знание русского языка уступало знанию родного языка. Это говорит о том, что во-

преки усилиям коммунистического режима русифицировать советские народы, эта цель не была достигнута. Как отмечает Лэйтин, за семьдесят четыре года советской власти национальное и языковое разнообразие в СССР в целом сохранилось и даже получило некоторое развитие [15].

Неассимилированное двуязычие народов Центральной Азии, включая Казахстан, Андерсон и Силвер видят в том, что на протяжении ряда советских переписей эти народы практически единогласно указывают на свой родной язык как первый в своем языковом репертуаре. При этом растущее с течением времени знание русского языка этими народами не ведет к отказу, в смысле языкового употребления, от родного языка [16].

По мнению Бавны Даве, такая оценка является слишком общей, она не учитывает особенности развития каждой советской национальности, в том числе и в Центральной Азии. Советские переписи населения, бывшие главным источником данных в исследованиях Андерсон и Силвера, устанавливали примордиалистскую связь между национальностью и ее языком в духе советской национальной идеологии. Вследствие этого переписи не могли уловить расширяющегося разрыва у различных советских национальностей между символическим сохранением родного языка как первого языка и реальным языковым репертуаром, в котором доминирующее положение занимал русский язык [17].

Изменения в языковых процессах в советском обществе были отражением происходивших в них социально-экономических процессов. Так, в Казахстане продолжавшееся на протяжении всего советского периода развитие отраслей горнодобывающей промышленности, а также энергетики, машиностроения, строительства, легкой промышленности привели к значительному росту городского населения, а также к росту численности казахов в городах. Если еще в 1950-1960 гг. рабочие места в индустрии и социальной сфере занимали русские, украинцы, немцы и другие народы европейского происхождения, то в 1970-1980 гг., в силу исчерпания демографического роста этих народов, в эти секторы экономики во все большей мере стали приходиться казахи и другие тюркские народы.

В основном они приезжали в города из сельской местности. Миграция казахов из сельской местности в города началась в 70-

80 годы прошлого столетия и преимущественно это была иммиграция молодежи, которая ехала работать на стройках, транспорте, легкой промышленности (девушки) и в других сферах. Значительную часть переезжавшей в город казахской молодежи составляли студенты средних специальных и высших учебных заведений. Доля казахов среди студентов вузов Казахстана значительно возросла в 70-80 годы в сравнении с 50-60 годами. Существовали ограничения на миграцию казахской молодежи в города, связанные с пропиской и другими административными запретами. Поэтому внутренняя миграция в советский период из села в город имела значительно меньший масштаб в сравнении с миграцией в период независимости.

Тем не менее, рост урбанизации казахского населения в последние два десятилетия советской власти был значительным. В советское время казахи были наиболее урбанизированными среди народов Центральной Азии. Но переезд в города был связан для мигрантов с необходимостью осваивать русский язык и улучшать его знание, поскольку города Казахстана были центрами русского языка и культуры. Знание русского языка в городах Казахстана было и остается жизненной необходимостью.

Поскольку казахи были наиболее урбанизированным среди народов Центральной Азии, то и уровень знания русского языка среди них был выше, чем у других народов региона. Так по переписи 1970 г. среди казахов процент тех, кто заявлял русский язык как второй после казахского языка, составлял 41,8%, по переписи 1979 г. этот процент составлял 52,3%, а по переписи 1989 г. 64%. У киргизов соответствующие показатели составляли 19,1% (1970 г.), 29,4% (1979 г.) и 37% (1989 г.). Среди узбеков показатели русского языка как второго в языковом репертуаре составляли 14,5% (1970 г.), 49,3% (1979 г.) и 22% (1989 г.) [18]. Здесь бросается в глаза неожиданный показатель 49,3% знания узбеками русского языка в 1979 г. Он не отражает реальную картину знания узбеками русского языка в то время, и объясняется только лишь желанием тогдашнего руководителя Узбекистана представить свою республику как одну из самых интернациональных советских республик. Большинство экспертов эту цифру считают недостоверной.

Следует отметить, что показатель «Русский язык как второй язык» во всесоюзных переписях был в достаточной мере неопреде-

ленный, отражая на самом деле различный уровень знания русского языка советскими национальностями. Дело не только в том, что при ответе на этот вопрос в ходе переписи каждый давал субъективную оценку своего уровня владения русским языком. Важно отметить еще и то, что отвечая на этот вопрос, представители различных советских национальностей выражали свое отношение к русскому языку, необходимости знания его и отношение к своему родному языку.

Например, показатели «Русский язык как второй язык» балтийских народов литовцев и латышей по переписям 1970 и 1979 гг. достаточно высокие, особенно по переписи 1979 г. Русский язык как второй указали в тот год 52,1% литовцев и 56,7% латышей. Выше, и то незначительно, этот показатель был только у белорусов 57,0%. [19]. С позиции сегодняшнего дня эти показатели могут вызвать недоумение: ведь именно балтийские народы во второй половине 1980-х гг. начали борьбу против двуязычия и утверждение приоритета национального языка в своих республиках, а затем в своих независимых государствах. В Белоруссии же и в советское время и в период независимости русский язык имеет главенствующее значение, а среди белорусов наблюдается высокий уровень ассимиляции. Например, в 1970 г. 19,4% белорусов заявили о том, что перешли с родного на русский язык, а в 1979 г. об этом заявили 25,8% белорусов [20].

Разница между балтийскими народами и белорусами в отношении к русскому как второму языку в указанные годы заключалась в различном уровне владения русским языком. По классификации Силвера у литовцев и латышей национально-русское двуязычие ограничивалось уровнем неассимилированного двуязычия. При таком языковом репертуаре главную роль в коммуникации литовцев и латышей играл их родной язык, тогда как к русскому языку они прибегали при общении с русскими и другими национальностями. В столицах и других больших городах обеих республик уровень межэтнического контакта был высоким (особенно в столице Латвии Риге), поэтому знание русского языка у латышей и литовцев здесь было выше, но тем не менее главную роль играл родной язык. В небольших же городах и сельской местности межэтнических контактов было меньше, поэтому здесь знание русского языка среди коренных народов было ниже, а то и вовсе отсутствовало.

В Белоруссии национально-русское двуязычие имело иной характер. Здесь доминирующую роль играл русский язык, тогда как белорусский язык как язык титульной нации играл все более символическую роль. С точки зрения классификации Силвера доминирующей формой двуязычия у белорусов было ассимилированное двуязычие и просто ассимиляция. Русификация белорусов упрощалась тем, что белорусский и русский языки являются близкими славянскими языками. Аналогичным образом русификации восточной Украины способствовала близость украинского и русского языков.

Советское двуязычие и государственный язык в независимом Казахстане

Казахстан, как было сказано выше, относился к числу советских республик с высоким уровнем русификации всего его многонационального населения, включая титульную нацию казахов. Причем казахи, как никакая другая титульная советская нация, оказались разделенными по языковому признаку: сельские казахи (особенно в южных и западных регионах) были казахскоязычными, а городские казахи русскоязычными. По классификации Силвера сельских казахов можно было отнести моноязычной группе и неассимилированной двуязычной группе. При этом с течением времени среди сельских казахов возрастала группа неассимилированного двуязычия, так что в целом сельских казахов можно было охарактеризовать именно в этом качестве.

Городские казахи по указанной классификации относились к ассимилированной двуязычной группе. Небольшая часть городских казахов совершила полную ассимиляцию, перейдя с родного на русский язык: по переписи 1970 г. 2,0% казахов объявили русский язык своим родным языком, а по переписи 1979 г. 2,5% казахов объявили об этом [21]. Однако подавляющее большинство казахов во всех переписях всегда указывали казахский язык как свой родной язык, хотя немалая их часть владела им на самом простом, ограниченном уровне или же вовсе не знала его. Казахи, как и другие народы Центральной Азии, самым тесным образом связывали свою национальную принадлежность с языком.

Сложившееся в советское время разделение казахов по языковому признаку разделило их на две группы по классификации Силвера: группу неассимилированного двуязычия и группу ассимилированного двуязычия. В принципе, такое деление было присуще всем нерусским советским нациям. Особенность казахов в этом случае состояла в том, что у них эти две группы были достаточно большими, в определенном смысле соразмерными, хотя группа неассимилированного двуязычия превосходила группу ассимилированного двуязычия. Пожалуй, только украинцы и белорусы по своей структуре двуязычия напоминали казахов. В остальных неславянских советских нациях неассимилированное двуязычие заметно преобладало над ассимилированным двуязычием.

Национально-русское двуязычие, сложившееся в республиках бывшего СССР, оказало значительное влияние на языковую ситуацию в новых независимых государствах и культурную интеграцию этносов в них. В большинстве советских республик сложилось преобладание социальной группы неассимилированного двуязычия, состоящей из тех, кто в основном говорил на родном языке, а русский язык знал в ограниченном объеме. В этих республиках часть титульной нации, для которой основным средством вербального общения был русский язык, а родной язык использовался в редких случаях, то есть относилась к группе ассимилированного двуязычия, была сравнительно небольшой. Обретя независимость, республикам с такой структурой двуязычия было намного проще установить доминирование языка титульной нации в языковом пространстве своих обществ.

Как известно, в 1989 г., еще при советской власти, практически все советские республики объявили язык титульной нации государственным языком. Это положение затем было подтверждено конституциями и законами новых независимых государств. В целом, это был символический акт, демонстрирующий язык титульной нации как важнейший атрибут независимой государственности. Дальнейшая практика языкового развития на постсоветском пространстве показала, что не всегда статус государственного языка обеспечивал языку титульной нации доминирование в языковой сфере своих государств.

Статус государственного языка подтверждал административную, политическую, правовую поддержку языка титульной нации

со стороны государства, но не доказывал его реальный языковой потенциал в сравнении с другими используемыми в обществе, прежде всего, с русским языком. В тех новых независимых государствах, где в советское время титульная нация в основной своей части говорила на родном языке и при этом составляла большинство (более половины) населения республики, государственный статус языка соответствовал его реальному доминированию в новых условиях. Иначе говоря, неассимилированное русским языком большинство (во много раз превосходящее ассимилированное меньшинство) титульной нации в независимом государстве становилось большинством его населения, которое является носителем государственного языка. Государственный язык при этом далеко не всегда является языком межэтнического общения, что наглядно видно в столицах постсоветских государств, в которых проживает определенное русскоязычное меньшинство, сохраняющее русский язык в своем обществе и использующее его в общении с другими этносами. Поэтому русский язык остается фактически языком межэтнического общения в столице и индустриальных центрах, но уже без прежнего правового статуса и в ограниченном территориальном масштабе. В целом, демографическое доминирование титульной нации в таких постсоветских государствах обеспечивает доминирование ее языка, поддерживая его статус государственного языка.

Национально-русское двуязычие в советском Казахстане, как мы отметили выше, заметно отличалось от двуязычия в большинстве других советских республик. Двуязычие в Казахстане напоминало двуязычие в Украине и Белоруссии, где большая доля титульного населения относилась к группе ассимилированного двуязычия. В Казахстане ассимилированная часть титульной нации проживала в городах, составляя в демографическом отношении значительную (хотя и меньшую) часть казахского населения. Здесь неассимилированное большинство и ассимилированное меньшинство оказались разделенными социально и территориально, поскольку большинство были сельскими жителями, а меньшинство горожанами. Казахский язык доминировал в сельских районах южного и западного Казахстана, а в городах доминировал русский язык. Когда в 1989 г. казахский язык объявили государственным языком Казахской ССР, а позднее в 1991 г. подтвердили

этот статус для независимого Казахстана, это мало что изменило в положении казахского языка и его использовании этническими группами. По-прежнему в межэтническом общении, следовательно, в межэтнической интеграции доминирующее положение занимает русский язык. Казахский язык по-прежнему используется только в казахском этническом сообществе и в небольшой части тюркоязычных групп. Будущее казахского языка в межэтнической интеграции Казахстана остается во многом неопределенным.

Заключение

Проведенный в данном разделе анализ языковых оснований культурной интеграции этносов в современном Казахстане показывает значительное влияние исторических факторов на реализацию и достижение поставленных целей данной интеграции. Прежде всего, имеется в виду влияние политики национально-русского двуязычия на языковую ситуацию в современном Казахстане. В советский период национально-русское двуязычие, поддерживая национальные языки советских народов, в частности, казахский язык, тем не менее, своим приоритетом ставила поддержку русского языка. Конечной целью советской политики интернационализма была ассимиляция нерусских народов и на этой основе построение советского народа. В результате проведения этой политики режим только отчасти добился своей цели, когда советские народы в своем большинстве достигли знания русского языка на уровне неассимилированного двуязычия, но не на уровне ассимиляции. Однако в некоторых республиках советскому режиму удалось достигнуть большего, когда значительная часть титульной нации оказалась ассимилированной. К числу этих наций относились казахи, которые в городах Казахстана оказались в значительной мере русифицированными.

В постсоветский период Казахстан, как и другие постсоветские страны, продолжает политику национально-русского двуязычия, однако в отличие от советского периода приоритет теперь отдается национальному языку. В отличие от ряда других постсоветских государств, в Казахстане русский язык получает поддержку от государства в силу его широкой распространенности в обществе, пре-

жде всего, в городах. Поэтому в городах Казахстана по-прежнему доминирует русский язык, а казахско-русское двуязычие, как и в советское время, носит декларативный характер. Этнокультурная интеграция и построение полиэтнической гражданской общности Казахстана происходит на основе русского языка.

Примечания и литература

1. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. – Алма-Ата, 1991. С. 7-70.

2. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. Смаилова А.А. – Астана, 2010.

3. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания. Отчет по результатам социологического исследования. Алматы: BISAM Central Asia, 2019. С. 7.

4. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания. С. 14.

5. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания. С. 48.

6. Schatz, E. Framing Strategies and Non-Conflict in Multi-Ethnic Kazakhstan. *Nationalism & Ethnic Politics*, Vol. 6, No. 2, 2000, pp. 71-94. P. 89.

7. Kolsto, P. Anticipating demographic superiority: Kazakh thinking on integration and nation building. *Europe-Asia Studies*, vol.50, no. 1, 1998, pp. 51-69.

8. Oommen, T.K. Citizenship and National Identity in India: Towards a Feasible Linkage, in: T.K. Oommen (ed.). *Citizenship and National Identity: From Colonialism to Globalism*. London: Sage Publications, 1997, pp. 143-172. P. 156.

9. Назарбаев Н.А. Болашаққа бағдар: Рухани жаңғыру // Егемен Қазақстан, 12.04.2017.

10. Laitin, D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca and London: Cornell University Press, 1998. P. 44.

11. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.

12. Dave, B. Kazakhstan: Ethnicity, Language, and Power. London and New York: Routledge, 2007. P. 61.

13. Silver, B. Social Mobilization and the Russification of Soviet Nationalities // *American Political Science Review* 68, no. 1(1974): 45-69). P. 59.

14. Silver, B. Methods of Deriving Data on Bilingualism from the 1970 Soviet Census // *Soviet Studies* 27 (October 1975): 574-97). P. 582.

15. Laitin, D. Identity in Formation. P. 36-37.

16. Anderson, B. and Silver, B. 'Some factors in the linguistic and ethnic Russification of Soviet nationalities: is everyone becoming Russian?' in L. Hajda and M. Beissinger (eds.). *The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society*. Boulder, CO: Westview, 1990, pp. 95-130. P. 115.

17. Dave, B. *Kazakhstan: Ethnicity, Language, and Power*. P. 54.

18. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.

19. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973, Т. 4, сс. 20-319; Численность и состав населения СССР: По данным всесоюзной переписи 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984, сс. 71-137.

20. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973, Т. 4, сс. 20-319; Численность и состав населения СССР: По данным всесоюзной переписи 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984, сс. 71-137.

21. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973, Т. 4, сс. 20-319; Численность и состав населения СССР: По данным всесоюзной переписи 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984, сс. 71-137.

Глава 3. Языковая казахизация и постсоветская этнодемографическая динамика: совместимы или нет?

Введение

Демографический подход, направленный на исследование социально-политических процессов под влиянием демографических пропорций полиэтнического общества, широко распространен в социальном познании. Демографические изменения, произошедшие после распада СССР в ряде постсоветских государств, способствовали широкому применению этого подхода в постсоветских исследованиях. Эти исследования связаны с изучением доминирования титульной нации, в частности, доминирования языка титульной нации в социальном пространстве постсоветских обществ под влиянием различных факторов, среди которых демографическому фактору принадлежит центральное место. Среди постсоветских государств, испытавших за годы независимости значительные демографические изменения, выделяется Казахстан. Здесь в постсоветский период титульная нация стала значительным большинством полиэтнического населения как в стране в целом, так и в большинстве его регионов, а также в городах. В этой связи возникает вопрос о влиянии постсоветской этнодемографической динамики на культурную интеграцию этносов в Казахстане. Иначе говоря, можно ли утверждать о существовании прямой корреляции между ростом титульной нации в населении Казахстана и утверждением культурной интеграции этносов на основе казахского языка и культуры? Подобная корреляция имеет место во многих постсоветских государствах, прежде всего в Центральной Азии и на Кавказе. Такая корреляция является одной из главных целей постсоветской модели национального строительства и к ее достижению стремится в своей национальной политике Казахстан. В самом Казахстане ведутся дискуссии о том, насколько влияет постсоветская этнодемографическая динамика на культурную интеграцию полиэтнического общества. Наша работа включается в эту дискуссию и предлагает свой взгляд на вопрос о влиянии постсоветской этнодемографической динамики на

культурную интеграцию этносов в Казахстане. Основным методом исследования в настоящей работе является демографический подход, ориентирующий на изучение культурной интеграции этносов в полиэтническом Казахстане под влиянием изменения этнодемографических пропорций в постсоветский период. Большую роль в данной работе играет теория национального строительства в ее проекции на постсоветские реалии. Основываясь на близости понятий национального строительства и национальной интеграции, в главе основное внимание уделяется культурной интеграции этносов в Казахстане.

О понятии культурной интеграции этносов

Прежде чем приступить к раскрытию заявленной цели работы, мы хотели бы вкратце охарактеризовать понятие культурной интеграции этносов и особенности его проявления в Казахстане. Культурная интеграция этносов означает способ существования полиэтнического общества, в котором один из языков и связанная с ним культура являются общими для всех этнических групп, что позволяет этносам сосуществовать, понимать друг друга и на этой основе осуществлять взаимодействие. Без такого взаимодействия этносов, говорящих на разных языках и связанных с ними культурами, на основе общего для всех групп языка и культуры невозможно существование полиэтнического общества. Если общество не является интегрированным на основе общего языка и культуры, его неминуемо ждет распад, либо оно будет находиться в состоянии перманентных конфликтов между этносами и другими группами за доминирование в языковой и культурной сфере.

Существование в культурно интегрированном полиэтническом обществе общего для всех составляющих его этносов языка и связанной с ним культуры означает особое положение в этом обществе того этноса, на языке которого говорят все остальные этносы. Это положение может быть охарактеризовано как доминирующее, то есть этнос, на языке которого говорят все этносы полиэтнического общества, доминирует в этом обществе над другими группами. Следовательно, другие этносы общества, вынужденно или добровольно принимающие язык и культуру одного из этно-

сов, находятся по отношению к нему в подчиненном положении в культурно-языковой сфере. Иначе говоря, культурная интеграция общества предполагает отношения доминирования и подчинения между этносами и другими социальными группами.

Из этого определения и описания культурной интеграции этносов вытекает особое значение в ней языка и языковых отношений, в которые вступают этносы в процессе культурной интеграции полиэтнического общества. Язык является культурно-символическим кодом, объединяющим людей в социальные общности. Современные общества состоят из множества социальных групп, каждая из которых может обладать своим языком. Для превращения конгломерата социальных коллективов в единую общность язык одного из них должен стать общим для всех групп. Такое превращение представляет собой культурную интеграцию, в которой решающее значение имеет культурно-языковая интеграция.

Из сказанного следует, что культурная интеграция полиэтнического общества на основе одного языка и культуры имеет большое значение для национального строительства этого общества. Без культурной интеграции полиэтнического сообщества на основе одного языка и культуры невозможно построить из этого сообщества единую нацию. При этом под нацией мы понимаем единство политического и культурного сообществ в пределах определенной территории. Эрнест Геллнер, один из классиков теории нации и национализма, определяет нацию как сообщество, возникающее на основе «культуры и на основании ее совпадения с политическими единицами. В этих условиях люди желают быть политически едиными со всеми теми, и только с теми, кто принадлежит к той же культуре. Соответственно государства стремятся совместить свои границы с границами своих культур и защищать и внедрять свои культуры в пределах своей власти [1].

Основные формы культурной интеграции этносов в Казахстане

Рассмотрев понятие культурной интеграции в общем плане, мы хотим теперь обратиться к ситуации культурной интеграции этносов в современном Казахстане. Уже при первом взгляде на

этот процесс мы видим, что в Казахстане сегодня существуют две культурные интеграции этносов. Одна из них это интеграция на основе русского языка и русско-советской культуры, другая представляет собой культурную интеграцию этнических групп на основе казахского языка и культуры. Сопоставление этих двух интеграций показывает, что культурная интеграция на основе русского языка является главной, поскольку охватывает все этносы и основные социальные сферы казахстанского общества. Культурная интеграция на основе казахского языка и культуры имеет второстепенное значение, имея более ограниченную социальную базу в лице казахского этноса и части тюркоязычных этносов Казахстана. Применение казахского языка в различных сферах общества также демонстрирует меньший охват и глубину проникновения в сравнении с русским языком.

Культурная интеграция этносов на основе русского языка и русско-советской культуры сложилась в Казахстане еще в советский период, став результатом политики интернационализма коммунистического режима. Идеологизированный характер национальной политики режима ставил своей целью формирование советского народа как «новой исторической общности людей». Достижение этой цели осуществлялось через политику, главным лозунгом которой был «Расцвет и сближение советских наций». Очевидно, что «сближение» наций осуществлялось на основе русского языка и советской культуры, фундамент которой составлял русский язык и культура русского народа. Поэтому мы определяем культуру советского периода как русско-советскую. Распространение и внедрение русского языка и культуры среди советских народов было, на самом деле, ничем иным как политикой русификации, осуществляемой коммунистическим режимом. Эта политика привела к русификации многих советских народов, причем казахи оказались в числе наиболее русифицированных народов.

Культурная интеграция этносов на основе казахского языка и культуры является уже постсоветским феноменом. Национальная интеграция остатка советского народа в гражданскую нацию суверенного полиэтнического Казахстана осуществлялась на основе модели национального строительства в постсоветских государствах. Политически постсоветскую нацию должны составить

все проживающие с советского времени национальности, ставшие теперь гражданами новых независимых государств. Однако в культурном плане основой формируемой в постсоветских государствах нации теперь уже объявляется не русский язык и русско-советская культура, а язык и культура титульной нации, которым в рамках постсоветской модели национального строительства придается решающее значение.

Решающее значение языка и культуры титульной нации в модели национального строительства постсоветских государств определяется тем, что в общественном сознании этих государств по-прежнему, как и в советское время, довлеет этнокультурное понимание нации. Нация понимается как в первую очередь титульная нация с ее языком и культурой, которые должны знать и использовать в межэтническом общении нетитульные этносы. Идея гражданской нации как полиэтнического сообщества на основе общего для всех этносов гражданства не находит широкого понимания в постсоветском обществе. Для этой идеи в общественном сознании не выработано даже соответствующей терминологии. Такое сообщество называется «народом», в частности, в Казахстане оно называется «казахстанский народ». Впрочем, важность «народа» в таком смысле вполне осознается обществом и в первую очередь властью, потому что поддержание «народа» означает поддержание межэтнической стабильности и безопасности постсоветского общества.

Для Казахстана в силу различных исторических, политических и социальных причин поддержание межэтнической стабильности и безопасности общества имеет принципиальное значение. Политика власти по поддержанию межэтнической стабильности и социальной безопасности получила название «казахстанской модели межнационального согласия и мира». Во многом это согласие и стабильность достигаются за счет общения и взаимодействия этносов на русском языке. Указывая на большую роль русского языка в формировании гражданской нации в Казахстане, первый президент страны Нурсултан Назарбаев подчеркивал в 2004 г., что именно русский язык объединяет наш народ [2].

Тем не менее, несмотря на заметный прогресс в распространении казахского языка в полиэтническом обществе, русский язык занимает доминирующее положение в культурной интеграции эт-

носов в Казахстане. Если в советское время русский язык имел всемерную государственную и политическую поддержку по всему СССР, то в постсоветское время в Казахстане он уже не имеет такой поддержки. При этом неправильно будет сказать, что русский язык не имеет в Казахстане государственной поддержки. Для государства поддержка русского языка имеет важнейшее значение для укрепления межэтнической стабильности и социальной безопасности. Власть в Казахстане в первую очередь поддерживает государственный язык, не забывая о поддержке русского и других языков в стране. Это один из главных моментов языковой политики в Казахстане. В 2017 г. Елбасы указал на большую роль русского языка в развитии казахского народа. Мы «не забудем русский язык и культуру. Это невозможно для казахов. Расширение наших взглядов на мир – через русский язык. Через русский язык мы узнали мировую культуру, мировой прогресс, мировую технику. Поэтому он всегда останется с нами. Россия наш большой сосед, богом данный сосед, и мы всегда будем рядом, мы всегда будем сотрудничать, будем партнерствовать» [3].

В других постсоветских странах, в частности, в государствах Центральной Азии и в Закавказье, русский язык, потеряв в новых условиях политическую поддержку власти, постепенно сходит с социальной и культурной арены. В этих странах главную роль в культурной интеграции этносов играет теперь язык титульной нации. Однако, аналогичная политика государства по продвижению языка титульной нации с тем, чтобы он заменил в качестве основы культурной интеграции этносов русский язык, не срабатывает в полной мере в Казахстане. Здесь по-прежнему главную роль в культурной интеграции этносов выполняет русский язык, тогда как интегрирующая роль казахского языка выглядит более ограниченной, не выходя за пределы казахского этноса и небольшой части тюркских этносов, для которых знание казахского языка не представляет большого труда в силу близости языков.

Отсюда можно заключить, что в отличие от большинства других постсоветских стран государственная поддержка языка титульной нации не является решающим фактором в утверждении этого языка в качестве основы культурной интеграции этносов. Нужно, следовательно, проанализировать другие факторы, которые могли

бы убедительно раскрыть сохраняющийся интеграционный потенциал русского языка и ограниченные возможности казахского языка в культурной интеграции этносов. Среди этих факторов следует обратить внимание на социальные факторы, оказывающие влияние на взаимоотношение и взаимодействие этносов в обществе, в том числе и на межэтнические отношения в вопросах использования языка в аспекте доминирования и подчинения.

Демографический фактор и доминирование русского языка в советский период

В числе факторов культурной интеграции этносов эксперты часто обращаются к демографии, видя в ней объяснение сложившейся ситуации в культурно-языковой сфере Казахстана. В советский период связь между численностью основных этносов Казахстана и доминированием русского языка выглядела более очевидной. Как хорошо известно, демографические изменения в советский период в Казахстане связаны с индустриализацией, освоением целинных земель, размещением воинских частей и полигонов и другими процессами, что способствовало резкому увеличению численности русских и других славянских народов, мобилизованных коммунистическим режимом для выполнения этих программ. Это привело к резкому росту численности русских в Казахстане с 1275,7 тыс. чел. (20,6% населения) в 1926 г. до 5521,9 тыс. чел. (42,4% населения) в 1970 г., то есть более чем в 4 раза за сорок с лишним лет [4], [5].

Жертвы казахского народа, вызванные революционными потрясениями и гражданской войной, кампанией коллективизации, насильственной седентаризацией с 1917 г. по 1930 гг., репрессиями сталинского режима, большими потерями казахов в годы второй мировой войны привели к существенному сокращению их численности с 3627,6 тыс. чел. в 1926 г. (58,5% населения) до 2327,7 тыс. чел. в 1939 г. (37,8% населения). К этому следует добавить, что в период второй мировой войны сталинский режим депортировал в Казахстан более 1 миллиона человек различных национальностей, обвиненных в сотрудничестве с оккупантами. Это привело к дальнейшему снижению доли казахов в общем населении Казахстана. В результате, хотя общая численность казахов за двадцать лет с

1939 г. по 1959 г. увеличилась на полмиллиона человек, однако их доля в общем населении Казахстана за этот период в результате указанных демографических изменений сократилась с 37,8% до 30,0% [4], [5].

С 1960-х гг. тенденции этнических пропорций в населении Казахстана меняются на противоположные, демонстрируя увеличение доли в нем казахов и сокращение доли русских. В течение трех десятилетий, по данным переписи 1989 г., эти тенденции привели к незначительному абсолютному и относительному перевесу казахов над русскими: 6534,6 тыс. казахов (39,7% населения) и 6227,5 тыс. русских (37,8% населения) [5].

Однако демографическая структура казахского и русского населения в советское время существенно различалась, поскольку среди казахов доминировало сельское население, а среди русских преобладало городское население. Казахи, как и в дореволюционное время, были в основном заняты в животноводстве, а именно в овцеводстве, верблюдоводстве и коневодстве. Русские же в городах были заняты преимущественно в промышленном производстве. Казахи были мало заняты в индустриальном секторе, поэтому в городах они составляли меньшинство населения. Так, в областном центре восточного Казахстана городе Усть-Каменогорске по данным переписи 1970 г. казахи составляли только 5,6%, а русские 86,5% населения города [6]. Схожая картина с незначительными вариациями наблюдалась в советское время и в других крупных городах Казахстана. В региональном плане в северном, восточном и центральном Казахстане преобладание русских над казахами наблюдалось и в сельском населении. В то же время в южных и западных областях республики было заметно доминирование казахского населения над русским.

Демографическое доминирование русских привело к значительной русификации казахов и других нерусских народов в советский период. Русификация началась в Казахстане в 1930-е гг. с началом индустриализации в республике. Русификации также способствовал отход коммунистического режима в эти годы от политики коренизации, направленной на поддержку языков и культуры коренных народов советских республик. Позднее в 1940-е и последующие годы русификация казахов и других народов Казахста-

на усиливалась, став, в конце концов, нормой городской жизни. С ростом урбанизации казахов в 1970-1980-е гг. уровень их языковой русификации также возрастал.

Брайан Силвер исследовал русификацию советских народов в 1960-70-е гг. Он отмечал возрастающий уровень их русификации настолько, что среди некоторых народов отмечалась полная ассимиляция вплоть до смены национальности в паспорте. В классификации Силвера народы Центральной Азии, или, как тогда говорили, Средней Азии и Казахстана, не входили в число русифицированных советских народов [7]. По нашему мнению, такая оценка Силвером была связана с тем, что народы этих регионов жили преимущественно в сельских районах, где русский язык охватывал значительно меньшее население, чем в городах.

Однако оценка Силвером народов Центральной Азии советского периода как нерусифицированных в меньшей мере относилась к казахам, чем к другим коренным жителям этого региона. В Казахстане был выше уровень индустриализации, поэтому доля горожан всегда превышала долю сельчан, да и сами города здесь были крупнее, чем в Средней Азии. Среди казахов уровень урбанизации был выше, чем у других среднеазиатских народов. К тому же темпы роста городских жителей среди казахов в 1970-80-е годы были выше, чем в других республиках региона. В этот период с ростом урбанизации становился выше уровень русификации казахов, поскольку с переездом в города казахи все больше погружались в русский мир. В среднеазиатских республиках в этот период, наоборот, началось сокращение русского населения вследствие его выезда из этих республик, доля русских в общем населении здесь из года в год уменьшалась.

В советский период в Казахстане можно было наблюдать прямую корреляцию между демографическими пропорциями этнических групп и распространением языков. Речь идет, разумеется, о городах и о северо-восточных регионах республики. Численное доминирование русских в городах соответствовало доминированию здесь русского языка среди всех национальностей. Это означало доминирование культурной интеграции этносов на основе русского языка и русско-советской культуры в городах, что определяло социально-культурное лицо Казахстана как современного индустриального общества.

Особенности связи постсоветской демографии и культурной интеграции этносов в Казахстане

В постсоветский период в Казахстане складывается принципиально иная по сравнению с советским периодом демографическая ситуация. Эта ситуация связана с достаточно быстрыми и заметными изменениями демографических пропорций казахов и русских, поэтому вполне обоснованно можно говорить о постсоветской этнодемографической динамике. Можно выделить три ее основные черты:

- 1) Рост абсолютной и относительной численности казахов в населении Казахстана;
- 2) Сокращение абсолютной и относительной численности русских в населении Казахстана;
- 3) Внутренняя миграция казахов из сельской местности в города.

Все три черты в той или иной мере связаны с миграциями, что придает демографическим изменениям в постсоветском Казахстане динамический характер. Хотя в абсолютном и относительном росте численности казахов главную роль играет их высокий уровень рождаемости, тем не менее, политика поощрения возвращения этнических казахов на историческую родину способствовала дополнительному росту численности казахов в стране приблизительно на один миллион человек.

Вторая черта этнодемографических изменений в постсоветском Казахстане также связана с миграцией, точнее, с эмиграцией русских из страны. Особенный размах она приобрела в 1990-х гг., в результате чего численность русских сократилась с 6227,5 тыс. чел. в 1989 г. (37,8% населения) до 4479,6 млн. чел. (29,9% населения) в 1999 г. [8]. Нельзя, конечно, сокращение численности русских в Казахстане сводить только к эмиграции. Свою роль в этом процессе играет низкая рождаемость среди русских, что связано с их высоким средним возрастом, а также тем, что абсолютное их большинство проживают в городах. В результате этих и других факторов численность русских в Казахстане сократилась к 2009 г. до 3793,8 тыс. чел., что составило 23,7% населения страны [9].

Наконец, третья черта постсоветской демографии также связана с миграцией, но не внешней, а внутренней миграцией казахов из

сельской местности в города Казахстана. Эта миграция привела к резкому росту численности казахов в городах. В 2004 г. доля казахов в городском населении Казахстана составила 48,5%, а русских 37%. Если сравнить эти цифры с данными последней советской переписи 1989 г., то мы увидим увеличение доли казахов в городском населении Казахстана к 2004 г. на 20% с уровня 28,7% в 1989 г. Доля русских за этот же период сократилась в городах Казахстана на 14,3% [10].

Особенно впечатляет рост численности казахов в тех городах, где в советский период она была очень низкой. К таким городам относился областной центр Восточного Казахстана г. Усть-Каменогорск. Вследствие низкой исходной базы здесь численность казахов за 25 лет с 1989 г. по 2014 г. увеличилась почти в четыре раза, с 34097 чел. до 124910 чел. Это означает, что доля казахов в населении городе возросла с 10,6% в 1989 г. до 38,3% в 2014 г. [6, с.72].

Усть-Каменогорск в советское время считался одним из самых «русских» городов Казахстана. На протяжении всего XX века русские в нем всегда превышали 80% населения. Даже на закате советской власти русские составляли в Усть-Каменогорске 81,5% населения города, в то время как казахов было 10,6%, то есть почти 8-кратное превышение численности русских над численностью казахов. Однако, к 2014 г. картина заметно изменилась в результате переезда казахов из сельских районов восточного Казахстана в города. Это привело к увеличению доли казахов в областном центре до 38% в 2014 г., а доля русских к этому времени сократилась до 58%. Хотя численность русских по-прежнему превышает численность казахов, но теперь речь идет только о полуторакратном превышении. При этом тенденция демографического изменения может привести в перспективе к равенству численности казахов и русских в Усть-Каменогорске. В более отдаленной перспективе в областном центре восточного Казахстана может сложиться превалирование казахов над русскими, как это имеет место во многих других городах страны.

Постсоветская этнодемографическая динамика привела к встрече в Усть-Каменогорске, как определил ее казахстанский демограф и историк Александр Алексеенко, «двух миров», казахско-го и русского [6]. Такая же «встреча» происходит сегодня не только в Усть-Каменогорске, но и в большинстве других городов страны,

больших и маленьких. В южной и западной части Казахстана в городах казахское население доминирует над русским, то есть казахи стали демографическим большинством, а русские, соответственно, демографическим меньшинством.

Исходя из этого, многие эксперты предсказывали, что города в этой части Казахстана, в частности, крупнейший город страны Алматы, станут казахоязычными. В основе их предсказаний лежала корреляция между этнодемографическим фактором численности этнического большинства в сообществе и доминирующим в нем языком. Убедительности этого взгляда способствует, в частности, советский опыт и опыт большинства постсоветских государств, где доминирующим языком является язык демографически доминирующей титульной нации.

Реальность современного Казахстана, однако, не соответствует этим предсказаниям. Без боязни ошибиться, можно утверждать, что Алматы, как и другие крупные города Казахстана, остаются в целом русскоязычными. Несмотря на то, что большинство или большую, приближающуюся к половине, часть населения городов Казахстана сегодня составляют казахи, русский язык по-прежнему доминирует в городском социальном пространстве. Как и в советское время, когда казахи были меньшинством в городах, русский язык так же широко используется в межэтническом общении, в предприятиях и организациях, в городском транспорте, в административной коммуникации, в графическом и информационном пространстве городов. Как отмечает Уильям Фиерман, в большинстве городов в постсоветском Казахстане, несмотря на значительное увеличение в них казахского населения, русский язык продолжает затмевать казахский язык [11].

Мы считаем, что само главное условие в деле языковой трансформации в Казахстане состоит в том, чтобы сами казахи говорили на казахском языке. Этого, однако, не наблюдается в настоящее время в казахском этническом сообществе, взятом в целом, то есть в его городской и сельской части. Городские казахи второго и третьего поколения практически все знают казахский язык в объеме, достаточном для изъяснения и общения в социальном пространстве. Многие из них закончили казахские школы, тем не менее, предпочитают общаться на русском языке.

Сегодня казахов можно считать самой крупной русскоязычной неславянской нацией в мире. Это говорит о том, что культурно-языковая русификация казахов воспроизводится и в постсоветских условиях. Именно это является, по нашему мнению, решающей причиной доминирования культурной интеграции этносов на русском языке. В других постсоветских государствах, где титульные нации были в советское время гораздо менее русифицированы, их язык сегодня доминирует в обществе и, соответственно, доминирует культурная интеграция этносов на основе языка и культуры титульной нации.

С точки зрения этих государств ситуация в Казахстане выглядит как ненормальная, то есть как нарушение нормы, под которой понимается доминирование языка и культуры титульной нации в социальной жизни постсоветских обществ. Провозглашение казахского языка государственным языком Казахстана является ничем иным как стремлением соответствовать этой норме. Однако в отличие от государств Центральной Азии и Кавказа, где язык титульной нации является государственным по своему реальному положению и функционированию в обществе, норма языка титульной нации как государственного языка в Казахстане по существу остается формальной, декларативной.

Справедливости ради следует, однако, отметить, что титульные народы постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа, которые рассматриваются как образец национального строительства для Казахстана, не испытали на себе такого широкомасштабного воздействия русского языка и культуры на протяжении длительного времени, через которое прошли казахи. Особенно сильной русификации подверглись казахи в советский период своей истории. Это было связано не в последнюю очередь и с теми демографическими катастрофами, которые испытали казахи в советский период.

У. Фиерман, сопоставляя опыт языковой трансформации в Казахстане и Азербайджане, указывает на различие в сложившихся ситуациях в обеих странах. Если в Азербайджане титульный язык доминирует в языковом пространстве, а на русском языке говорит меньшинство, то в Казахстане русский язык занимает доминирующее положение, а казахский язык до сих пор остается на вторых

ролях. По его мнению, причиной этого является сохраняющаяся в Казахстане с советского времени инерция социально-культурных факторов [11, р. 98]. Среди этих факторов ведущее место занимает русификация коренного населения, казахов, и других национальностей страны.

Следует отметить, что среди постсоветских государств Казахстан является не единственной страной с высоким уровнем русификации своего населения. К таким государствам можно отнести Белоруссию, Украину и, в определенной мере, Кыргызстан. Из них в Украине и Кыргызстане власть проводит политику поддержания и продвижения языка титульной нации, а также дерусификации языковой сферы. Это политика постсоветского национального строительства, в основе которой лежит язык титульной нации. Этой же политики придерживается в национальном строительстве и Казахстан. Белоруссия в этом плане стоит особняком: здесь два государственных языка – титульный и русский, причем политика поддержки титульного языка очень слабая и совершенно отсутствует дерусификация языковой сферы.

Исследователь языковой ситуации на постсоветском пространстве Анета Павленко выделяет четыре фактора, усложняющих поворот от русификации и потому усложняющих языковую политику во многих постсоветских государствах. Этими факторами являются: 1) большая доля населения этих государств, говорящих только на русском языке; 2) русификация титульного населения; 3) полиэтничное население, использующее русский язык как язык межнационального общения; 4) функциональные ограничения некоторых титульных языков [12].

На наш взгляд, языковая ситуация в Казахстане соответствует этим четырем факторам. Во-первых, в Казахстане очень велика доля населения, для которого русский язык является единственным языком, а другого языка оно не знает. Помимо самих русских к таковым можно отнести украинцев, белорусов, немцев, корейцев и ряд других национальностей. В совокупности они составляют значительную часть населения Казахстана. Во-вторых, казахи, как мы указывали, отличаются высоким уровнем русификации. Это позволяет их отнести к числу самой большой русифицированной нации неславянского происхождения. В-третьих, в силу этих двух при-

чин, русский язык является по своему реальному положению языком межнационального общения в полиэтническом казахстанском обществе. Наконец, в-четвертых, казахский язык очень мало применяется и потому функционально ограничен в сферах технологии, бизнеса и многих других, хотя по своему лингвистическому потенциалу вполне готов для использования в этих и других сферах.

По нашему мнению, не следует переоценивать объяснительный потенциал демографического фактора в анализе ситуации в культурно-языковой сфере Казахстана в ее динамике с советского периода до настоящего времени. В постсоветский период связь между численностью основных этносов и распространением русского и казахского языков не столь очевидна. Поэтому демографический фактор не имеет универсального значения в объяснении культурно-языковой ситуации в Казахстане. Вместе с тем не следует пренебрегать им, поскольку в определенной мере в совокупности с другими факторами он способен объяснить происходящие изменения и на их основе понять тенденции культурной интеграции этносов в стране в ближней и дальней перспективе.

Заключение

По итогам проведенного в работе анализа можно прийти к следующим основным выводам:

1. Политика поддержки и продвижения государственного языка в различные социальные сферы не обеспечивает, как показывает практика, культурной интеграции этносов на основе казахского языка и культуры. В современном Казахстане сохраняется утвердившаяся с советского времени культурная интеграция этносов на основе русского языка;

2. Хотя утвердившаяся за годы независимости этнодемографическая динамика соответствует логике национальных процессов на постсоветском пространстве, однако, она не оказывает прямого воздействия на культурную интеграцию этносов на основе казахского языка и культуры. В отличие от ряда других постсоветских государств в современном Казахстане отсутствует прямая корреляция между демографическим доминированием титульной нации и культурной интеграцией этносов на основе титульного языка и культуры;

3. Одной из главных причин отсутствия прямой корреляции между постсоветской этнодемографической динамикой и культурной интеграцией этносов на основе казахского языка является сохраняющаяся с советского времени инерция социально-культурных факторов, среди которых главную роль играет русификация этносов, в том числе казахов.

Список литературы

1. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. С. 126-127.
2. Президент Казахстана считает, что внедрение государственного языка должно происходить поэтапно // Казахстан сегодня, 9 апреля 2007 г.
3. Президент в Шымкенте поднял вопросы латиницы, трехязычия и пошутил о советском лозунге// Отырар TV (Шымкент): 27.04.2017.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8. Казахская АССР. – М., 1928. С. 15-46.
5. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. – Алма-Ата, 1991. С. 7-70.
6. Алексеенко А. Место встречи Усть-Каменогорск: два мира, два образа жизни в поисках взаимодействия и сотрудничества. Астана – Алматы, 2016. С. 71-72.
7. Silver, B. 1978. 'Language policy and the linguistic Russification of Soviet nationalities', in Jeremy Azrael (ed.). *Soviet Nationality Policies and Practices*. New York: Random House, pp. 69-92. P. 79.
8. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т.1. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. Алматы, 2000. С. 6-8.
9. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. Смаилова А. А. – Астана, 2010. С. 4-6.
10. Демографический ежегодник Казахстана 2004. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по Статистике, 2004. С. 5-7.
11. William Fierman. Language vitality and paths to revival: contrasting cases of Azerbaijan and Kazakhstan. *International Journal of Social Linguistics*, 198 (2009), pp.75-104. P. 92.
12. Pavlenko, A. 2008. 'Multilingualism in post-Soviet countries: Language revival, language removal, and sociolinguistic theory', in A. Pavlenko (ed.), *Multilingualism in Post-Soviet Countries*. Bristol/Buffalo/Toronto: Multilingual Matters, 1-40. P. 10.

Глава 4. Станет ли система образования фактором языковой казахизации в Казахстане?

Введение

Независимый Казахстан после распада СССР получил в наследство сложную этно-демографическую структуру населения с высоким уровнем этнокультурного различия основных этнических групп. Перед руководством страны встала задача национального строительства и интеграции полиэтнического общества на основе общей казахстанской идентичности. В целом национальная интеграция осуществляется в Казахстане по постсоветской модели баланса этнической и гражданской нации. Механизм этой модели основан на формировании гражданской нации из полиэтнического населения, но ее культурным фундаментом должен быть язык и культура титульной нации.

Реализация постсоветской модели национальной интеграции сталкивается в Казахстане с большими трудностями, относящимися к культурным основаниям национального строительства. Казахский язык и культура, призванные властью консолидировать полиэтническое общество в гражданскую нацию, не может до сегодняшнего дня обрести статуса языка межнационального общения. Этот статус с советского времени принадлежит русскому языку, который продолжает интегрировать многочисленные этносы Казахстана и в постсоветский период. Казахский язык по-прежнему остается языком общения только лишь казахов и близких к ним тюркских этносов.

Среди множества различных факторов, влияющих на национальную интеграцию Казахстана, особое место принадлежит системе образования. Государство связывает с системой образования возможности расширения и углубления модернизационных процессов, усиления человеческого капитала, укрепления казахстанского патриотизма и национальной идентичности. Система образования призвана консолидировать полиэтническое общество на основе казахского языка и культуры. В этом смысле роль системы образования в Казахстане аналогична той роли, которую эта система выполняет в других государствах.

Для достижения стоящих перед системой образования целей и задач государство вкладывает в нее большие ресурсы – административные, финансовые, организационные, кадровые и иные. Благодаря этой поддержке система образования в Казахстане добилась заметных успехов в развитии человеческого капитала, укреплении казахстанского патриотизма и национальной интеграции полиэтнического общества. Следует указать и на заметные успехи системы образования в развитии и распространении казахского языка в обществе, увеличении числа людей, использующих государственный язык. Вместе с тем, как показывает практика, имеется немало недостатков в изучении казахского языка представителями некоренных наций, прежде всего, этносами европейского происхождения.

Настоящая работа ставит своей целью комплексный анализ роли системы образования в национальной интеграции этнических групп Казахстана на основе казахского языка и культуры. Следует отметить, что в Казахстане, как и на всем постсоветском пространстве, практически отсутствует традиция исследования влияния системы образования на национальные процессы в обществе. Во многом это связано с советским подходом отождествления нации с этничностью, при котором нация определяется пятой графой в паспорте. Данная работа представляет собой одну из первых попыток в казахстанской этнополитической литературе исследования влияния системы образования на процессы национальной интеграции полиэтнического Казахстана.

Центробежные тенденции и национальная интеграция в Казахстане

В самый ранний период своей независимости Казахстан столкнулся с резким ростом центробежных тенденций некоренных этносов европейского происхождения, выразившихся в их массовом выезде из страны. В 1990-е гг. из Казахстана выехало более 1,5 млн русских, что привело к снижению их численности с 6 млн в 1989 г. до 4,5 млн в 1999 г. За годы независимости в стране катастрофически, на 80 процентов, сократилась численность немцев с одного миллиона человек в 1989 г. до двухсот тысяч в настоящее время.

Не настолько резко, но также весьма существенно упала численность украинцев с 900 тысяч человек до менее 400 тысяч в настоящее время. Почти в два раза стало меньше в Казахстане белорусов: с двухсот тысяч в 1989 г. до ста тысяч в настоящее время. Так же в разы сократилась численность поляков, греков и евреев, хотя их выезд остался менее заметным ввиду общей их немногочисленности в советском Казахстане [1].

Массовый выезд из Казахстана некоренных этносов европейского происхождения в 1990-е гг. получил заметное освещение в мировой литературе [2], [3], [4]. Специалисты указали на политические, экономические, идентификационные и иные причины этого явления. В самом Казахстане в это время власть и местные эксперты акцентировали внимание на экономических причинах выезда некоренных этносов из страны, связанных со сложным экономическим положением страны после развала СССР. Экономические причины справедливы для объяснения выезда из Казахстана этнических немцев. Но для объяснения выезда русских в Россию экономический фактор не обеспечивал полноты картины, так как в 1990-х гг., когда наблюдался пик эмиграции, Россия переживала те же экономические проблемы, что и Казахстан. Экономическая ситуация в России в то время была ничем не лучше, чем в Казахстане.

Для объяснения массового выезда русских из Казахстана наиболее релевантными являются этнополитические причины. Центробежная тенденция части русскоязычного населения может быть интерпретирована как ее пассивный протест против создания национального государства в Казахстане. Иначе говоря, эмиграция большого числа русскоязычного населения из Казахстана вполне вписывается в теорию национальной интеграции Карла Дойча, как соответствующая ее первому этапу, когда определенные группы населения оказывают открытое или скрытое сопротивление политическому объединению в национальное государство.

В процессе национальной интеграции Дойч выделяет четыре ее этапа или уровня. На первом уровне национальная интеграция сталкивается с открытым или скрытым сопротивлением определенных групп политическому объединению в национальное государство. На втором этапе происходит минимальная интеграция на уровне пассивного подчинения политике и нормам объединен-

ного правления. На третьем уровне различные части населения демонстрируют более глубокую политическую интеграцию в виде активной поддержки общего для них государства, но в то же время сохраняют свои этнические и культурные идентичности. Наконец, на четвертом уровне происходит совмещение политического сплава и интеграции с ассимиляцией всех групп в общий язык и культуру [5], [6].

Массовый выезд русских из Казахстана в первой половине 1990-х гг. может быть объяснен их неприятием социально-политических изменений, произошедших в этот период. Возрастающая публичная поддержка казахского языка политическими фигурами и деятелями культуры, распространение языкового национализма и непрерывные обсуждения по вопросам языка в официальных документах и в СМИ подавали зловещие сигналы русскоязычному населению, включая и русскоговорящих казахов. Провозглашение казахского языка как государственного языка означало понижение статуса русского языка и распространение в обществе представления, что новыми хозяевами государства становятся казахи, а русские не имеют никакой перспективы в государстве, в котором национальность является главным фактором социальной мобильности [7].

В данной ситуации Даве рассматривает Казахстан как национализирующееся государство, возникшее после распада многонациональной империи. По мнению Брубейкера, поскольку принятие языкового законодательства и массовый выезд русскоязычных из Казахстана совпали по времени, последнее неправильно было бы объяснять только языковыми причинами. Причина кроется в целом ряде комплексных факторов, включая тенденции «этнического размежевания» и миграции, вырывающихся на свободу в периоды распада многонациональных империй [8].

Вместе с языковым вопросом особенно чувствительным для русских и других этносов в начальный период независимости был образовательный вопрос, то есть изменений в системе образования в условиях этнической мобилизации. Русские и другие этносы испытывали страх от возможной тотальной казахизации школ и всей системы образования. Вслед за приданием казахскому языку статуса государственного языка и последующим принижением статуса русского языка русские и другие этносы боялись, что мо-

жет произойти принижение статуса образования на русском языке, а то и вовсе его ликвидация.

Русскоязычное население в Казахстане внимательно наблюдало за происходящими здесь и в других постсоветских государствах процессами в языковой и образовательной сферах. В Казахстане они видели увеличение числа школ на казахском языке обучения. При этом нередко здания школ с русским языком обучения отдавались вновь открывавшимся школам с казахским языком обучения. Это порождало у русскоязычного населения тревогу, что постепенно в Казахстане все школы станут казахскими, в том числе за счет перевода русских школ в школы с казахским языком обучения.

Тревоги по поводу негативных изменений в системе образования провоцировали усиление эмигрантских настроений среди русских и других некоренных народов Казахстана. Не желая учить казахский язык и обучать детей в казахских школах, часть русскоязычного населения теряло смысл и перспективы жизни в Казахстане. В этой ситуации для многих русских не оставалось иного выбора как уехать в Россию.

Центростремительные тенденции и политическая интеграция полиэтнического населения Казахстана

Исчерпание ко второй половине 1990-х гг. эмиграционного потенциала русскоязычного населения привело к смене центростремительных тенденций центростремительными тенденциями его поведения. Важнейшим шагом для национальной интеграции является, как указывает Энтони Берч, создание политической системы и институтов, обладающих высоким уровнем легитимности [9]. В Казахстане за годы независимости создана политическая система, в которой ведущую роль играет институт президентства. Вплоть до марта 2019 г. президентом РК был Нурсултан Назарбаев и под его руководством Казахстан добился больших успехов в модернизации своей социально-политической и экономической системы, включая национальную интеграцию своего полиэтнического населения. Имея в виду центральное положение Нурсултана Назарбаева в государственно-политической системе Казахстана, полиэтническое общество рассматривает главу государства как главного

интегратора. Русскоязычное население связывает с Назарбаевым стабильность своего сегодняшнего положения в Казахстане.

Среди социально-политических институтов национальной интеграции правящая элита особое значение придает Ассамблее народа Казахстана. Ассамблея консолидирует деятельность 820 этнокультурных объединений по всему Казахстану. Эти институты функционируют в районном, областном и национальном масштабе. Этнокультурные центры объединяют в своих рядах представителей проживающих в Казахстане этносов. Власть требует от этнических институтов, чтобы они действовали только в рамках культурной сферы, но запрещает им любую политическую активность. Те этнические организации, что пытаются выступать с политическими требованиями, маргинализируются властью. Власть, таким образом, жестко контролирует сферу межэтнических отношений, подавляя любые конфликты в зародыше. За годы независимости в Казахстане не было никаких крупных конфликтов в национальной сфере. Отсутствие национальных конфликтов способствует политической интеграции казахстанского общества.

В национальной интеграции большую роль, как утверждает Берч, играют государственные символы [10]. Государственные, или национальные, символы способствуют объединению граждан различной этнической принадлежности с государством, следовательно, гражданской национальной идентификации. Это укрепляет центристские тенденции граждан Казахстана независимо от их этнической принадлежности.

Как мы писали выше, большую роль в высоком уровне эмиграции русских и других некоренных народов из Казахстана в первой половине 1990-х гг. сыграли опасения по поводу трансформации системы образования из советской в национальную, при которой образование на русском языке будет понижено в статусе или вообще ликвидировано. Практика системы образования в Казахстане показала, что эти опасения русскоязычных граждан оказались напрасными. Образование на русском языке в школах и вузах сохранилось в Казахстане на всей его территории.

Система образования играет важную роль в социально-экономическом развитии Казахстана. Системе образования принадлежит важнейшая роль в развитии человеческого капитала, роста

конкурентоспособности как отдельных индивидов, так и всего общества в целом [11]. Государство ставит перед системой образования цель выхода на передовые позиции в мире. В казахстанской системе образования ведущую роль, как и в советское время, играет образование на русском языке. Обучение на казахском языке растет в количественном отношении, но в качественном отношении образование на русском языке, по мнению экспертов, превосходит образование на казахском языке [12].

По мнению Берча, важным шагом в процессе национальной интеграции является создание образовательной системы, которая прививает учащимся чувство национальной идентичности, учит их общей для всех них истории и, прямо или косвенно, внушает патриотизм [13]. Немаловажное значение имеет то, что система образования формирует культурную и языковую однородность общества [14]. Этот аспект национальной интеграции имеет большое значение для нашей работы.

Воспитание уважительного отношения граждан к государственным символам имеет большое значение для национальной интеграции. В Программе патриотического воспитания граждан РК обращается внимание на важность изучения опыта воспитания уважительного отношения к государственным символам страны в других государствах мира [15]. В этом плане большое значение имеет воспитание уважительного отношения к символам государства у молодого поколения. В Казахстане патриотическое воспитание молодежи осуществляется в рамках программы молодежной политики и государственной программы развития образования на 2011-2020 гг.

Одной из важных целей государственной программы развития образования является формирование казахстанского патриотизма, для чего на постоянной основе проводятся мероприятия по популяризации государственных символов, формирования знаний по истории, народных традиций и родного языка [16]. Воспитание уважительного отношения молодого поколения к государственным символам, социализация молодежи в духе патриотизма и национальной идентичности является одной из важнейших задач системы образования в Казахстане. Поэтому система образования относится к числу ведущих социальных институтов национальной интеграции Казахстана.

Культурно-языковая интеграция в советский период и в современном Казахстане. Сегодня в Казахстане культурная интеграция формулируется как консолидация этносов на основе казахского языка и культуры [17]. Как было сказано выше, национальная интеграция Казахстана по ее постсоветской модели осуществляется как баланс этнической и гражданской нации. Национальная интеграция полиэтнического населения как гражданской нации основана на политической и социальной интеграции. В этих видах национальной интеграции большую роль играет дискурс и риторика интернационализма, что способствует позитивному восприятию политики по формированию единой нации. С точки зрения этнической интеграции не менее важно то, что баланс этнической и гражданской нации способствует укреплению центростремительных тенденций среди этнических групп.

Вместе с тем, национальную интеграцию в постсоветских государствах нельзя полностью понять, акцентируя внимание только на политической и социальной интеграции, то есть на ее гражданских аспектах. В национальной интеграции как балансе этнической и гражданской наций не меньшее значение имеет этнокультурный аспект, предполагающий использование языка и культуры титульного этноса как главного средства коммуникации полиэтнического общества. Важно при этом то, что другие нетитульные этносы постсоветского государства должны признать это использование языка и культуры титульного этноса как норму и в той или иной форме следовать ей.

Национальная интеграция в большинстве постсоветских государств осуществлялась на этнокультурной основе доминирования языка и культуры титульного этноса. Если говорить о языке титульного этноса, то он стремится к такому распространению в полиэтническом обществе, чтобы нетитульные этносы добровольно или вынужденно осваивали его, иначе им невозможно в этом обществе жить. Как правило, языковое и культурное доминирование титульного этноса подкрепляется его демографическим доминированием. За этими формами доминирования титульного этноса следует его доминирование в политической, административной, информационной, образовательной и других сферах.

В соответствии с логикой культурной интеграции этносов, власти Казахстана (как в центре, так и на местах) с первых дней

независимости стали проводить политику поддержки казахского языка. Эта поддержка выражалась в стремлении распространения казахского языка в административной, образовательной, информационной и других сферах социальной жизни. Эта политика, направленная на доминирование казахского языка, началась еще раньше, в поздний советский период. В сентябре 1989 г. был принят закон о языках, объявивший казахский язык государственным языком Казахской ССР [18]. Русский язык в соответствии с этим законом был объявлен языком межнационального общения. Это положение, утвердившее формально-правовое доминирование казахского языка, в дальнейшем вошло в обе конституции и другие законодательные акты независимого Казахстана.

В аспекте придания правового статуса казахскому языку и русскому языку закон о языках был аналогичен закону о языках в других союзных республиках, в которых язык коренной нации объявлялся государственным языком, а русский язык провозглашался языком межнационального общения. Имелось, однако, серьезное отличие языковой ситуации в Казахстане от языковой ситуации в других союзных республиках. Это различие заключалось в том, что в большинстве союзных республик коренная нация широко использовала свой язык для внутринационального общения и его знали в той или иной мере представители других этнических групп, включая русских. При этом русский язык в советский период знали все национальности советских республик, он был доминирующим языком повсеместно в СССР.

В отличие от республик Закавказья, Средней Азии, Прибалтики, Украины в Казахстане язык коренной национальности практически не использовался в межнациональном общении. Как показали результаты всесоюзной переписи населения 1989 г. в Казахстане был самый низкий уровень владения казахским языком среди некоренных национальностей республики 0,8% [19]. Еще большее отличие Казахстана от других советских республик заключалось в том, что сама коренная нация в значительной мере использовала не только для межнационального общения, но и для внутринационального общения русский язык, но не казахский язык. Это подтверждало высокий уровень русификации казахов в советский период.

В современном Казахстане языком межэтнического общения является русский язык. Это положение сложилось еще в советское время под воздействием политики коммунистического режима, направленной на русификацию советских народов [20]. Однако русификация имела в разных частях СССР разный уровень: одни народы оказались более русифицированными, а другие менее русифицированными. Казахи в силу исторических, политических, культурных и иных причин вошли в число советских народов с высоким уровнем русификации.

Высокий уровень культурно-языковой русификации казахов находил свое выражение, в частности, в том, что в городах казахи отдавали детей в русские школы. Это привело к резкому снижению количества казахских школ, то есть школ с казахским языком обучения, в городах республики. Даже в столице советского Казахстана г. Алма-Ате в 1970-1980 гг. было всего лишь две казахские школы, а ведь в этот период Алма-Ата стала городом с миллионным населением, в котором казахи составляли 22% жителей [21]. Иначе говоря, для населения около 250 тыс. человек действовало только 2 школы, одна из которых была к тому же интернатом, в котором учились дети из сельской местности.

Культурно-языковая русификация казахстанского общества в советский период находила свое выражение в русификации всей системы образования, а не только школы. Как и в случае со школами, в городах Казахстана было очень мало казахских детсадов и других дошкольных детских учреждений. Система высшего образования советского Казахстана также находилась под влиянием русского языка. За исключением таких специальностей, как «Казахский язык и литература», «История Казахстана» и некоторых других, обучение студентов по всем остальным специальностям велось на русском языке.

Уже в законе о языках 1989 г. были утверждены положения, которые были направлены на изменение языковой ситуации в части расширения и углубления обучения на казахском языке во всей системе образования Казахстана, на всех ее уровнях. В статье 18 этого закона утверждается: «Казахская ССР обеспечивает право каждого гражданина на свободный выбор языка воспитания и обучения. Это право обеспечивается созданием широкой сети

дошкольных учреждений, школ с воспитанием и обучением на казахском языке, а также на русском и ином языке обучения» [22]. В статье 19 закона утверждается, что в общеобразовательных школах и других учреждениях, а также в вузах казахский и русский языки являются обязательными предметами учебной программы и входят в перечень дисциплин, включаемых в документ об окончании учебного заведения [23].

Указанные статьи закона о языках 1989 г. зафиксировали ситуацию роста роли казахского языка в различных сферах казахстанского общества, включая сферу образования. Поскольку закон был принят еще в советское время, то в нем зафиксировано равное положение казахского и русского языков, в том числе в вопросах их использования в образовании и других сферах общества. Это равенство фиксирует государственный статус казахского языка в Казахской ССР и особый статус русского языка в СССР, частью которого был советский Казахстан. Хотя особый статус русского языка не был определен в советской конституции и других законах, однако его поддержка союзным центром и реальное доминирующее положение на всем пространстве СССР диктовали признать его ведущую роль в казахстанском обществе.

С обретением независимости языковая ситуация принципиально меняется в том плане, что складывается новая иерархия языков, в которой ведущее место принадлежит государственному, то есть казахскому, языку. В концепции языковой политики РК, принятой в ноябре 1996 г., утверждается, что государственная политика в отношении создания условий для развития языков должна быть ориентирована на корректировку реально существующей иерархии языков в направлении приоритетного развития государственного языка [24]. Это, в частности, означает, что государство обязуется создать все условия для реализации статуса государственного языка и привлечь для этого все необходимые финансовые, материальные, организационные ресурсы [25].

Школа как инструмент культурно-языковой интеграции Казахстана. Одним из главных направлений государственной языковой политики является создание условий для овладения всеми гражданами Казахстана государственного языка в специально определенном объеме. В этом вопросе решающее значение имеет

система образования, включающая в себя, с одной стороны, специально создаваемые центры по обязательному, бесплатному обучению государственному языку различных групп населения. С другой стороны, речь идет о системе учебных заведений, начиная с дошкольного образования и кончая вузами. Эта система должна обеспечить уровень преподавания государственного языка, позволяющий осуществлять межличностное и деловое общение, современное делопроизводство [26].

Реализация политики по овладению всеми гражданами Казахстана государственного языка осуществляется, по нашему мнению, по двум основным направлениям. Во-первых, за счет увеличения количества обучающихся в учебных заведениях, ведущих обучение на казахском языке. Во-вторых, за счет расширения преподавания казахского языка как обязательной дисциплины в учебных заведениях, ведущих обучение на русском языке и других языках.

По первому направлению реализации языковой политики можно отметить значительное увеличение количества школ, вузов и других учебных заведений, ведущих образование на казахском языке. Этот процесс начался еще в конце 1980-х гг., продолжился в 1990-е гг. и затем в XXI веке. В 2015 г. количество школ с казахским языком обучения составило 3794. Общее число школ в Казахстане составило 7222, из них школ с русским языком обучения 1291. В стране имеются также 2100 школ со смешанными казахско-русскими языками обучения. Кроме того, в 2015 г. в РК было 37 школ с другими языками обучения [27].

Практика показывает, что поведение русских и других нетитульных этносов в отношении казахских школ практически не изменилось с советского времени. Это означает, что русские и другие нетитульные этносы отдают своих детей в школы с русским языком обучения. Только единицы русских детей посещают школы или детские сады с казахским языком обучения. В этом смысле ситуация в Казахстане принципиально не изменилась с советского времени и в то же время существенно отличается от ситуации в других постсоветских и посткоммунистических государствах, например, в Украине или Латвии. В этих государствах дети русских и других нетитульных этносов учатся в школах с обучением на языке титульных наций, к тому же государство своими законами об

образовании и языке подталкивает национальные меньшинства к этому шагу.

Иная ситуация в Казахстане, где в советское время в городах почти все казахские дети учились в русских школах, что способствовало языковой и культурной русификации казахов. Образовательная политика государства в период независимости привела к увеличению числа казахских школ по всему Казахстану, в том числе и в городах страны. В Алматы и других крупных и небольших городах Казахстана увеличилось число школ, в которых обучение ведется на казахском языке. В этом смысле, достигнут прогресс в реализации государственной языковой политики в плане расширения владения населением государственным языком. Большую, если не главную роль в этом сыграла система образования. Следует при этом отметить, что увеличение числа владеющих государственным языком произошло за счет казахской молодежи, а также представителей близких казахам тюркских этносов.

Наряду с увеличением количества казахских школ другим направлением государственной языковой политики в системе образования стало преподавание казахского языка как обязательной дисциплины в школах с русским языком и другими языками обучения. Это положение вошло в силу после принятия закона о языках в 1989 г. Эта мера была направлена на то, чтобы дети русских и других национальностей Казахстана изучали и знали казахский язык в необходимом объеме для использования его как государственного языка. Учитывая культурно-языковую русификацию многих городских казахов, эта мера имела своей целью и то, чтобы русскоязычные казахские дети овладели государственным языком в необходимом объеме для устной коммуникации и понимания документов, издаваемых государством.

В течение 1990-х и 2000-х гг. преподавание казахского языка как обязательного предмета в школах с русским и другими языками обучения оставалось единственным способом реализации государственной языковой политики в системе образования. Начиная с 2015 г. министерство образования и науки планирует увеличить количество дисциплин, преподаваемых на казахском языке, в школах с русским и другими языками обучения. К казахскому языку как обязательной дисциплине планируется добавить казахскую ли-

тературу и историю Казахстана. В соответствии с планами министерства преподавание этих дисциплин на казахском языке во всех общеобразовательных школах должно было начаться в 2017 г. [28]. Впоследствии, однако, ответственный работник министерства сказала, что преподавание истории Казахстана на казахском языке во всех школах начнется с 2019 г. [29].

Власти Казахстана хорошо осознают, что отношения языков являются чувствительной сферой межэтнических отношений. Опыт Казахстана и других постсоветских государств показывает, что политика внедрения языка титульной нации в образовательную сферу вызывает равнодушное отношение этнических групп и их элит. Стремление принимать различные административные меры в школьные программы в аспекте преподавания входящих в них дисциплин на том или ином языке может вызвать напряжение не только среди учеников и их родителей, но и у этнических групп, к которым они относятся.

Языковая и этническая политика в образовательной сфере является отражением языковой и этнической политики в казахстанском обществе в целом. Эти политики направлены на национальную интеграцию этнических групп на основе казахского языка и культуры. В то же время национальная интеграция строится на основе баланса между этнической и гражданской идентичностью. Следовательно, образовательная политика государства в аспекте расширения сферы применения государственного языка в школьной программе и его отношений с русским языком должны основываться на основе баланса этнической и гражданской идентичности.

Сегодня в Казахстане большинство его полиэтнического населения использует в ежедневном общении русский язык. В реальности культурная и национальная интеграция полиэтнического общества осуществляется на основе русского языка и культуры. Это положение сложилось в советский период и в общественном сознании до сих пор межэтническое согласие и стабильность воспринимаются в духе интернационализма, который, так или иначе, ассоциируется с русским языком. Понимание гражданской нации в современном Казахстане во многом напоминает советское понимание интернационализма. Поэтому применение русского языка в межэтнических отношениях воспринимается в обществе в терми-

нах гражданской нации, тогда как языковая политика по расширению сферы применения государственного языка воспринимается в духе этнического понимания нации. В этом состоит сложность государственной языковой политики в том плане, что она не всегда встречает понимание у некоренных этносов и даже у русскоязычных казахов.

Проводя свою языковую политику, государство стремится к тому, чтобы в массовом сознании полиэтнического общества изменилось понимание языковых оснований гражданской нации, а именно, чтобы гражданская нация ассоциировалась не только и не столько с русским языком, но с казахским языком. В этом плане государство возлагает главные надежды на систему образования, чтобы молодое поколение казахстанцев выучило и воспринимало казахский язык как язык межнационального общения и взаимодействия. Причем казахский язык граждане всех национальностей изучили бы не в результате принуждения, а последовательного его освоения в школе и вузе.

Практика реализации государственной языковой политики в сфере образования показывает, что достичь баланса между мягкостью реализации и выполнением целей этой политики оказывается нелегко. Как правило, страдает выполнение целей языковой политики, в первую очередь, цели овладения государственным языком молодым поколением казахстанцев независимо от их этнической принадлежности. Невыполнение этой цели приводит к тому, что выпускники школ и учебных заведений среднего специального образования некоренной национальности на недостаточном уровне знают или даже совсем не знают государственный язык.

В результате складывается ситуация, которую Государственная программа развития и функционирования языков в РК на 2011-2020 гг. характеризует как неравномерное владение государственным языком в обществе [30]. Эта неравномерность получается в результате того, что государственным языком владеют только казахи и близкие к ним по языку и культуре тюркские этносы узбеки, уйгуры и некоторые другие. В тоже время русские, украинцы, немцы и другие этносы европейского происхождения практически не знают государственный язык. Надежды государства, что система образования исправит это положение, пока что не оправдываются в полной мере.

Анализируя деятельность системы образования Казахстана в выполнении государственной языковой политики, можно заключить, что она далека от реализации поставленных перед ней задач. Среди причин этого Государственная программа развития и функционирования языков на 2011-2020 гг. указывает на отсутствие единой методологии и стандартов обучения государственному языку [31]. Кроме того, сама методология обучения государственному языку не соответствует требованиям социальной практики современного Казахстана. Во многом методология обучения государственному языку соответствует методологии и стандартам советской школы, в которой акцент ставился на грамматику казахского языка. Между тем современная методология обучения языкам ставит акцент на коммуникативные аспекты языкового общения, уделяя главное внимание овладению навыками разговорной практики. Акцент же на грамматике без развития коммуникативных навыков придает обучению языка схоластический характер, лишает его связи с языковым общением и коммуникацией в социальной практике.

Здесь встает проблема изменения существующей системы подготовки учителей казахского языка в вузах Казахстана. Эта система опирается на сложившуюся еще в советское время методику подготовки учителей казахского языка с акцентом на грамматику и правила правописания. Это ведет, как подчеркивается в Госпрограмме развития языков, к низкому уровню подготовки преподавателей и специалистов казахского языка [32]. Низкий уровень подготовки учителей казахского языка означает низкое качество его преподавания. В результате такого преподавания выпускники русских школ практически не знают казахского языка после одиннадцати лет его изучения.

Мы указали здесь только несколько проблем системы образования, которые препятствуют реализации стоящих перед ней целей языковой политики государства. Необходимо отметить, что задача перехода культурно-языковых оснований национальной интеграции Казахстана с русского языка и культуры на казахский язык и культуру является очень сложной социально-культурной проблемой. При решении этой задачи неизбежно возникает разрыв между целями принимаемых законов и правительственных программ и

их исполнением. Однако государство принимало и принимает все необходимые меры для решения языковой политики, в которой большую роль играет система образования.

Заключение

Проведенный в главе анализ показывает, что национальная интеграция полиэтнического населения Казахстана протекает под сильным влиянием советского прошлого. От него Казахстан унаследовал сложную этнодемографическую структуру населения, национальную политику с сильными элементами интернационализма и значительное влияние русско-советской культуры на полиэтническое население страны. Важнейший элемент национальной политики Казахстана в постсоветский период состоит в национальной интеграции своего полиэтнического населения с центральной ролью титульной казахской нации. Поэтому национальная интеграция, основанная на балансе этнической и гражданской нации, определяется экспертами как «интернационализм с казахским лицом».

Система образования рассматривается государством как один из главных институциональных механизмов преодоления советского прошлого и национальной интеграции полиэтнического населения в соответствии с мировым опытом. На систему образования возложены две важнейшие задачи – формирования гражданской национальной идентичности и культурно-языковой гомогенизации полиэтнического населения на основе казахского языка и культуры. Выполняемые системой образования воспитание патриотизма и уважения государственных символов направлены на формирование гражданской национальной идентичности. Другая функция системы образования, выполняемая через увеличение количества школ с казахским языком обучения и расширение преподавания казахского языка и количества дисциплин учебной программы на казахском языке, направлена на распространение в обществе государственного языка с тем, чтобы он стал языком межнационального общения.

Практика реализации системой образования возложенных на нее задач по национальной интеграции полиэтнического населе-

ния Казахстана демонстрирует смешанные ее результаты. С одной стороны, за годы независимости в стране значительно возросло количество школ с казахским языком обучения, что означает существенное увеличение числа носителей государственного языка. Вместе с тем, статистика свидетельствует, что учениками этих школ почти на сто процентов являются представители коренной национальности. Молодежь русской и других некоренных национальностей выбирают школы с русским языком обучения. С другой стороны, преподавание казахского языка как обязательной дисциплины в русских школах не привело к знанию государственного языка молодежью русской и других некоренных этносов. Это означает, что увеличение числа носителей государственного языка посредством системы образования происходит за счет казахов и близких к ним тюркских этносов, но не русских, украинцев, немцев и других некоренных этносов.

Иначе говоря, система образования не выполняет поставленной перед ней задачи распространения государственного языка в полиэтничном обществе, в первую очередь среди русских и других некоренных этносов. Этот вывод вытекает из признания существования в Казахстане неравномерного уровня владения государственным языком в обществе Государственной программой развития и функционирования языков в РК на 2011-2020 гг. В этой программе существование указанной проблемы связывается с отсутствием единой методики и стандартов обучения государственному языку, недостатками подготовки педагогических кадров и специалистов казахского языка. Можно указать не только на эти, но и другие проблемы политического, исторического, культурного, лингвистического порядка. Все эти проблемы требуют своего изучения для понимания и реализации национальной интеграции в Казахстане.

Примечания и литература

1. Краткие итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. А.А.Смаилова/. – Алматы, 1999. С. 11.
2. Brubaker, R. 1996. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. New York: Cambridge University Press.

3. Kolsto, P (ed.). 1999. *Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. An Investigation of Latvia and Kazakhstan*. Boulder (Col.): Westview Press.

4. Laitin, D. 1998. *Identity in Formation: The Russian-speaking Populations in the Near Abroad*. Ithaca and London: Cornell University Press.

5. Deutsch, K. 1963. 'Nation-building and national development: Some issues for political research', in Karl Deutsch and William J. Foltz (eds.). *Nation-building*. New York: Atherton, pp. 1-16. P. 7-8.

6. Kolsto, P (ed.). 1999. *Nation-Building and Ethnic Integration*. P. 49.

7. Dave, B. 2007. *Kazakhstan: Ethnicity, language and power*. London and New York: Routledge. P. 103.

8. Brubaker, R. 1996. *Nationalism Reframed*. P. 171.

9. Birch, A. 1989. *Nationalism and National Integration*. London: Unwin Hyman. P. 9.

10. Birch, A. 1989. *Nationalism and National Integration*. P. 9.

11. Назарбаев Н.А. 2018. Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 10 января 2018 г. *Казахстанская правда*, 10.01.2018.

12. Holm-Hansen, J. 1999. Political Integration in Kazakhstan. In: Kolsto, P (ed.). 1999. *Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. An Investigation of Latvia and Kazakhstan*. Boulder (Col.): Westview Press, pp. 153-226. P. 184.

13. Birch, A. 1989. *Nationalism and National Integration*. P. 9.

14. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 122-139.

15. О Государственной программе патриотического воспитания граждан Республики Казахстан на 2006-2008 гг. // *Казахстанская правда*, 11 октября 2006 г.

16. Государственная программа развития образования и науки Республики Казахстан на 2016-2019 гг. <https://primeminister.kz/ru/documents/gosprograms/obrazovanie1120>

17. Назарбаев Н.А. 2012. Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Алматы: ЮРИСТ.

18. Закон Казахской ССР от 22 сентября 1989 г. «О языках в Казахской ССР». *Казахстанская правда*, 23. 09.1989.

19. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. – Алма-Ата, 1991. С. 7-70.

20. Silver, B. 1978. 'Language policy and the linguistic Russification of Soviet nationalities', in *Jeremy Azrael (ed.). Soviet Nationality Policies and Practices*. New York: Random House, pp. 69-92. P. 87.

21. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. – Алма-Ата, 1991. С. 7-70.

22. Закон Казахской ССР от 22 сентября 1989 г. «О языках в Казахской ССР».

23. Закон Казахской ССР от 22 сентября 1989 г. «О языках в Казахской ССР».

24. Концепция языковой политики Республики Казахстан. В кн.: Государственная языковая политика. Алматы: Аркас, 2008, сс. 147-154. С. 152.

25. Концепция языковой политики Республики Казахстан. С. 152.

26. Концепция языковой политики Республики Казахстан. С. 152.

27. Статистика системы образования. По данным Комитета статистики МНЭ РК по состоянию на 2018 год. <https://stat.gov.kz/official>. Дата обращения 07.03.2020.

28. Ministr: istoriia Kazakhstana budet prepodavatsia na kazakhskom. www.rus.azattyq.org/a/27694954.html. 25.04.2016.

29. Prepodayushchim na anglyiskom yazyke obeshchayut nadbavku. www.rus.azattyq.org/a/Kazakhstan-shkoly-obuchenie-na-angliyskom/28652193.html. 08.02.2017

30. Государственная программа функционирования и развития языков на 2011–2020 гг. Казахстанская правда. № 338. 2010. сс. 3-9.

31. Государственная программа функционирования и развития языков на 2011–2020 гг. Казахстанская правда. № 338. 2010. с. 6.

32. Государственная программа функционирования и развития языков на 2011–2020 гг. Казахстанская правда. № 338. 2010. с.5.

Раздел III. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОСОВ В КАЗАХСТАНЕ И ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

Глава 1. Русификация в Казахстане и Узбекистане в советский и постсоветский периоды

Введение

В полиэтническом обществе в рамках национального государства этнокультурная интеграция играет особо важную роль, приближаясь по своему содержанию к понятию культурной гомогенизации. Это означает достижение культурно-языковой однородности общества, в котором живут разные этнические группы со своими языками и культурами, но для нормального функционирования общества все должны знать и говорить в важных социальных сферах на одном языке и придерживаться общих символов, ценностей и ритуалов. В формировании отношений подчинения и доминирования этнических групп, как и их центростремительных и центробежных тенденций в рамках национального государства большую роль играют политические, культурные, исторические отношения. Это касается, в частности, системы образования, являющейся решающим институтом культурно-языковой гомогенизации полиэтнического общества в руках государства [1]. Различное сочетание политических, культурных, исторических и других факторов, оказывающих влияние на этнокультурную интеграцию, порождает разнообразие ее форм в современном мире.

Большим разнообразием отличается опыт этнокультурной интеграции в различных государствах постсоветского пространства. Эти государства прошли через общий советский опыт этнокультурной интеграции на основе русского языка и русско-советской культуры. В постсоветский период, когда за основу культурной интеграции этносов были приняты культура и язык титульной нации, все постсоветские государства столкнулись с противоборством этнокультурной интеграции на основе русского языка и русско-со-

ветской культуры. Постсоветский опыт этнокультурной интеграции представляет собой во многом опыт утверждения культурной интеграции этносов на основе национального языка и культуры в противостоянии с интеграцией на основе русского языка и русско-советской культуры. За постсоветский период сложился спектр различных форм этнокультурной интеграции, на одном полюсе которого наблюдается доминирование языка и культуры титульной нации, а на другом полюсе доминирование русского языка и культуры.

Постсоветский опыт этнокультурной интеграции в Центральной Азии в значительной мере подтверждает это утверждение. Мы рассмотрим этнокультурную интеграцию в двух государствах этого региона, а именно, в Казахстане и Узбекистане. После обретения независимости в каждом из этих государств сложилась свои формы этнокультурной интеграции, которые значительно различаются между собой, прежде всего, в культурно-языковых основаниях интеграции. В Казахстане доминирует интеграция этносов на основе русского языка и культуры, тогда как в Узбекистане доминирует интеграция большинства (но не всех) этносов на основе узбекского языка и культуры. Цель данной главы состоит в том, чтобы проанализировать этнокультурную интеграцию в каждом из указанных государств Центральной Азии, выявить общие черты и особенности этно-интеграционных процессов в Казахстане и Узбекистане в постсоветский период, а также раскрыть культурно-исторические и социально-структурные факторы различия форм этнокультурной интеграции в историческом развитии Казахстана и Узбекистана.

Этнокультурная интеграция в Казахстане

В самом общем виде формулу этнокультурной интеграции в Казахстане определил Нурсултан Назарбаев в Стратегии «Казахстан-2050» как «консолидацию этносов на основе казахского народа и казахского языка» [2]. Аналогичным образом определяется этнокультурная интеграция в Узбекистане, Грузии, Украине и любом ином постсоветском государстве. Этнокультурная интеграция вокруг титульной нации и ее языка является основополагающим принципом национального строительства в постсоветских государствах. При этом поддерживаемая государством этнокультурная

интеграция вокруг языка и культуры и титульной нации сталкивается с существующей еще с советского времени этнокультурной интеграцией вокруг русского языка и культуры.

Особенность этнокультурной интеграции в Казахстане состоит в том, что здесь доминирует интеграция на основе русского языка и культуры, охватывая практически все полиэтничное общество. Пользуясь поддержкой государства интеграция на основе казахского языка и культуры не имеет, тем не менее, всеобщего охвата, ограничиваясь казахоязычной частью казахов и тюркоязычными этносами. Рост численности казахов в постсоветский период и расширение сети школ с казахским языком обучения привели к возрастающему распространению казахского языка в Казахстане. Однако это только количественный рост, который не привел к качественному изменению культурно-языковой ситуации, то есть к превращению казахского языка в язык межэтнического общения, каковым сегодня является русский язык.

Не будучи столь же всеохватным, как в советское время, русский язык, тем не менее, сохраняет доминирующие позиции в современном Казахстане. Прежде всего, русский язык продолжает доминировать в городах, особенно, крупных, то есть в столице, Алматы, Шымкенте, областных центрах. В региональном плане русский язык остается главным средством общения в северных, восточных областях и в центре страны, где в советское время было преобладающее русское население, но и сегодня сохраняется значительное число русских и других этносов европейского происхождения. В южном и западном Казахстане доминирующие позиции занимает казахский язык, однако в городах русский язык остается ведущим средством межэтнического общения.

Можно утверждать, что в современном Казахстане наблюдается историческая преемственность этнокультурной интеграции с советского периода. При этом полностью изменились политические основания интеграции этносов: в советское время коммунистический режим всемерно поддерживал интеграцию на основе русского языка и русско-советской культуры в рамках политики построения советского народа, но в гораздо меньшей мере поддерживал казахский язык и казахскую культуру в рамках этнофедерализма [3]. В постсоветский период политический режим проводит

политику титульного национализма и основную поддержку оказывает казахскому языку и культуре как основанию этнокультурной интеграции, тогда как поддержка русскому языку осуществляется в рамках политики межэтнической стабильности. Мы видим, что политическое доминирование казахского этноса не привело к доминированию его языка и культуры и соответствующей ему этнокультурной интеграции на основе казахского языка и культуры.

Несоответствие между политическим доминированием титульного этноса в Казахстане и его неспособностью занять доминирующие позиции в сфере языка и культуры имеет, конечно, много объяснений. Одним из важных, с нашей точки зрения, является вопрос соотношения культурных потенциалов этнических культур. Очевидно, что потенциал русского языка и культуры с модернизационной точки зрения выше потенциала казахского языка и культуры. Именно на этом основании проводилась колонизация казахской степи российской империей, а затем советская национальная политика. Два исторически связанных этапа казахской истории проводились сначала царскими властями, а затем советским режимом как необходимость преодоления культурной отсталости казахов и вывода их в ряды цивилизованных народов с помощью русского языка и культуры [4].

Казахские элиты до революции и в советский период поддерживали эти идеи. Несомненно, советская национальная политика оказала цивилизующее воздействие на казахский народ и его культуру. Советская пропаганда преподносила достижения казахского и других народов Средней Азии как образец для других народов Азии и других регионов мира. В значительной мере идеи интернациональной помощи русского народа и превосходства русско-советской культуры вошли в массовое сознание казахов и народов Средней Азии. Казахи и среднеазиатские народы в значительно большей мере, чем другие советские народы прониклись идеологией советского человека (*homo sovieticus*). Причем казахи в гораздо большей мере, чем другие народы Средней Азии, подверглись воздействию русского языка и культуры, иначе говоря, русификации.

Особенно сильной русификации в советский период подверглись городские казахи, которые в условиях демографического доминирования русских и других славянских этносов в городах как

индустриальных и административных центрах Казахстана, могли выживать и встраиваться в системы вертикальной мобилизации через русский язык и русско-советскую культуру. Среди городских казахов были сильны неосознанные, но иногда осознанно высказываемые представления о превосходстве русско-советской культуры и отсталости казахского языка и культуры. Городские казахи мало знали родной язык или вовсе его не знали, используя везде, включая семью, русский язык. Интересный феномен несовпадения этнической и языковой идентичности у казахов, прежде всего, городских, отмечали специалисты [5], когда имея выраженную казахскую этническую идентичность, городские казахи предпочитали русский язык в своей жизни.

Обретение суверенитета, провозглашение казахского языка как государственного языка мало что изменило в языковом и культурном поведении городских казахов. Они по-прежнему остаются русскоязычными людьми, воспроизводя русский язык в изменившихся демографических, социальных условиях современного Казахстана, то есть, воспроизводя русский язык в преимущественно казахской этнической среде. Сегодня отчетливо наблюдается тенденция сокращения численности русских и других русскоязычных этнических групп, но русский язык при этом не уходит из Казахстана и сохраняет свои позиции. Городские русскоязычные казахи представляют элитные слои казахстанского общества и служат примером для многочисленной казахской молодежи из сельской местности, приезжающей учиться и затем жить в городах, в том числе примером и в языковом поведении. Речь идет, следовательно, не о простом, но расширенном воспроизводстве русского языка в казахской этнической среде. В такой ситуации не случайным выглядит сохраняющееся с советского времени доминирование культурной интеграции этносов на основе русского языка и культуры.

Этнокультурная интеграция в Узбекистане

В Узбекистане этнокультурная интеграция на основе узбекского языка и культуры доминирует над этнокультурной интеграцией на основе русского языка и культуры. Кроме русских, славянских и других русскоязычных этносов все тюркоязычные этносы и таджикские этносы

жители говорят на узбекском языке. Такая ситуация начала складываться в Узбекистане еще в советское время и получила дальнейшее закрепление в годы независимости. По закону о языках 1989 г. узбекский язык стал государственным языком, а русский языком межнационального общения. Однако принятый в декабре 1995 г. закон о государственном языке сохранил за узбекским языком статус государственного языка и лишил вместе с тем русский всякого правового статуса, оставив его одним из иностранных языков Узбекистана.

Как отмечает Аннетт Бор, Узбекистан является в этом отношении уникальным среди государств Центральной Азии, поскольку конституция и языковое законодательство страны поставили русский в один ряд с языками некоренных народов государства [6]. В конституции Казахстана русский язык наделен статусом равного, наряду с казахским языком, употребления в органах государственной власти и местного самоуправления и общественных местах [7]. В Кыргызстане президентским указом 1994 г. русский язык признан официальным языком в местах его преимущественного употребления, а также в жизненно важных сферах национальной экономики.

Несомненно, русский язык не имеет в постсоветском Узбекистане того значения и употребления, который он имеет в Кыргызстане и тем более в Казахстане. Тем не менее, даже сегодня русский язык остается главным средством коммуникации между разрозненными культурами Узбекистана, так же как и по всей Центральной Азии. В самом Узбекистане русский язык фактически выполняет функции языка межэтнического общения в Ташкенте и других крупных городах страны, где еще проживают представители европейских и немусульманских этносов [8]. В принципе, значительная часть узбекской элиты (госаппарат, наука, бизнес, техническая интеллигенция и т.д.) продолжает употреблять русский язык. Хотя еще в первой половине 1990 гг. в Узбекистане начался продолжающийся до сегодняшнего дня переход на латиницу, тем не менее, кириллица до сих пор широко используется в обществе, сохраняя позиции русского языка и культуры в стране.

Сегодняшние позиции русского языка в Узбекистане нельзя, конечно, сравнить с его позициями в советский период. Тогда русский язык имел главенствующее значение по всему Советскому

Союзу, в том числе и в Узбекистане. Русский язык повсеместно использовался в государственных органах, в общественной сфере Узбекистана. Узбекский язык, обладая вполне достаточной функциональностью, занимал второе место по отношению к русскому языку в общественной жизни республики [9]. В этом смысле языковая ситуация в Узбекистане не отличалась от соотношения русского и национального языков в других частях СССР.

Начиная с 1930-х гг., в Узбекистане, как и в других союзных республиках, проводилась политика национально-русского двуязычия. Эта политика на деле означала, что нерусские национальности должны были обучаться русскому языку, тогда как русские оставались одноязычными. Так, по переписи 1979 г. около половины узбеков (49,3%) заявили о владении русским языком, тогда как только 4,6% русских заявили о знании узбекского языка [10].

Основная часть русскоязычных узбеков проживала, как и сегодня, в городах. В советское время, с 1930-х гг., узбекское население, как и казахское население в Казахстане, а также другие национальности в республиках Средней Азии, разделилось на городское и сельское. Города были центрами модернизации и индустриализации, на селе в значительной мере сохранились элементы традиционной жизни. Индустриализация и модернизация осуществлялись главным образом мобилизованными для этой цели из европейской части СССР русскими и славянскими этносами. Поэтому города были центрами русско-советской культуры с русским языком как главным средством коммуникации проживавших в них разных национальностей, то есть центрами «русского мира». Сельская местность оставалась центром «этнического (узбекского, казахского и т.д.) мира».

Неслучайно поэтому, что именно в городах советской Центральной Азии получил широкое распространение русский язык. В сельской местности русский язык имел гораздо меньшее распространение. В то же время необходимо отметить, что в разных республиках региона русский язык распространился неравномерно. В Казахстане распространение русского языка получило такой широкий масштаб, что казахский язык, то есть язык титульной нации республики, оказался в маргинальном положении, а сами казахи превратились в одну из самых русифицированных наций СССР. Иначе говоря, русский язык стал для казахов, прежде всего, город-

ских, главным средством коммуникации в общественной жизни и дома, тогда как родной язык фактически не использовался ими из-за его плохого знания или вовсе незнания [11].

Совсем иное положение со знанием родного языка, в том числе в городах, было у титульного населения Узбекистана. Здесь явное большинство городских узбеков имели отличное или хорошее знание родного языка, в информационной сфере, в газетах, на радио и телевидении доминировал узбекский язык, а узбекские дети в основной своей массе посещали школы с узбекским языком обучения [12]. Неудивительно поэтому, что в Казахстане русский язык до сегодняшнего дня сохраняет ведущее положение, а в Узбекистане переход на титульный язык произошел быстрее и полнее, чем где-либо в Центральной Азии [13]. Это самым непосредственным образом сказывается на культурной интеграции этносов, а именно, если в Казахстане полиэтническое общество интегрируется вокруг русского языка, то в Узбекистане, за исключением незначительной по численности русскоязычной части населения, вокруг узбекского языка.

Махалля как форма социальной адаптации оседлого населения в Центральной Азии

Доминирование русского языка в Казахстане и ведущая роль узбекского языка в Узбекистане берется многими специалистами как очевидный факт, а priori данный и не требующий объяснения. Между тем, по нашему мнению, научное, систематическое объяснение этого факта может прояснить многие вопросы национального строительства в Центральной Азии в советский и постсоветский периоды. Не претендуя на полноту анализа, мы попробуем здесь вкратце понять причины столь различной языковой ситуации в Казахстане и Узбекистане в советский период и после обретения ими независимости. Различие языковой ситуации в двух ведущих государствах Центральной Азии объясняет различие этнокультурной интеграции в них в постсоветский период.

Хотя речь идет о феномене, возникшем в советский период истории Казахстана и Узбекистана, и оказывающем влияние на титульные нации этих государств после обретения ими независимости, тем не менее, поиск его причин следует искать в более

глубоком историческом прошлом. Эти причины связаны с культурно-цивилизационными факторами эволюции народов Казахстана и Узбекистана, а именно, с кочевой культурой казахов и оседлой культурой узбеков. Каждая из этих культур имела многовековую историю для казахов и узбеков соответственно.

Исторически узбеки всегда были самым оседлым народом в Центральной Азии, с давних времен предпочитая проживать в привычных для них местах обитания. Даже в советское время узбеки демонстрировали один из самых низких уровней мобильности среди всех национальностей СССР [14]. Как земледельческий народ узбеки проживали в основном в сельской местности в долинах и оазисах Центральной Азии. С древних времен на территории современного Узбекистана существовали города, бывшие центрами империй и государственных образований. Наиболее известными среди этих городов были Самарканд, Бухара, Коканд, Хива и позднее Ташкент. В этих и других городах проживали народы, которые позднее вошли в состав узбекской нации.

Рядом с оседлыми народами в Центральной Азии всегда проживали кочевые народы, самым крупным среди которых были казахи. Образ жизни казахов отличался высокой мобильностью, поскольку кочевое скотоводство требовало беспрестанного перемещения по степи вместе со стадами по пастбищным маршрутам. Только зимой казахи останавливались на более или менее постоянный постой на зимних пастбищах, чтобы со сходом снега и наступлением весны снова кочевать по бескрайним степным просторам. Кочевой мобильный образ жизни казахов был, естественно, несовместим с образованием стационарного места постоянного жительства, будь то село или город. Понятия «волость» или «аул», к которым были приписаны казахи, и были включены царской администрацией для управления кочевым населением, не были связаны с определенной географической точкой в степи, но означали, прежде всего, сообщество людей, связанных узами родства и находящихся в постоянном передвижении по пастбищным кочевым маршрутам.

Оседлый образ жизни узбеков в селах и городах исторически неотделим от многовековой традиции махалля. В переводе с арабского это слово означает «местный», приобретая в Узбекистане и многих странах мусульманского Востока значение местного сооб-

щества, для которого характерны общие традиции, язык, обычаи, моральные нормы. На этой основе между членами махалли устанавливаются отношения кооперации, солидарности, взаимовыгодного обмена деньгами, материальными ценностями, услугами. Большинство узбеков идентифицируют себя через махаллю [15].

По мнению Рюэла Хэнкса, махалля является фундаментальной социальной единицей в Узбекистане [16]. Махалли существуют как в городе, так и на селе. Сегодня в Узбекистане существуют около 12000 махаллей, каждая из которых может состоять от 150 до 1500 домохозяйств. На протяжении веков объединяющим центром махалли была мечеть и во многих регионах Узбекистана, где ислам был особенно силен, различие между махаллей и мечетью было во многом размыто [17].

В годы советской власти традиции махалли смогли адаптироваться к условиям коммунистического режима и его идеологии. Советская власть с недоверием относилась к махалле, особенно к ее религиозным традициям, включая традицию исламского образования и воспитания молодежи, видя в ней угрозу своей политике модернизации узбеков и других мусульманских народов. С этой целью большевистский режим закрыл в 1920-30-х гг. исламские образовательные учреждения медресе в Узбекистане и по всей Центральной Азии. Однако махалли смогли во многом сохранить исламское образование молодежи в подпольных мектебах [18]. Другие же нерелигиозные функции махалли существовали в советское время без угрозы преследования.

Нерелигиозные функции обеспечивали экономическое, социальное и культурное взаимодействие членов махалли, способствуя ее устойчивому функционированию и преемственности традиции. Среди этих функций особое место принадлежит языку как важнейшему средству вербального общения в махалле. Общий язык, на котором общаются между собой члены махалли, рождает между ними доверие, без которого невозможно существование и функционирование махалли как устойчивой социальной и культурной структуры. Без доверия, основанного, в том числе и на общем для членов махалли узбекском языке, невозможны социальная поддержка, взаимовыручка, самоорганизация этого местного сообщества.

Махалля и языковая ситуация в Узбекистане

Социальную жизнь узбеков в махалле мы рассматриваем как главную причину сохранения узбекского языка как основного средства вербальной коммуникации узбеков в условиях советского города, в первую очередь, в Ташкенте и других крупных городах республики. Ведь в Ташкенте, а также индустриальных центрах республики (Навои, Ангрэн, Алмалык), как мы отмечали выше, большинство населения говорило на русском языке. В Казахстане, Кыргызстане (в северной части республики и ее столице, которая тогда называлась Фрунзе) и других частях Советского Союза такое демографическое преобладание русскоязычного населения вело к тому, что и у коренного населения русский язык становился главным (а для немалой его части и единственным) средством языкового общения. Это означает, что в городах Казахстана и других частях СССР значительная часть коренного населения потеряла родной язык.

Тот факт, что в Узбекистане коренное население, проживая в столице, индустриальных центрах с численно превосходящим русскоязычным населением, использовало узбекский язык в своей этнической среде и, тем самым, сохранило его, указывает на то, что узбеки имели достаточный уровень изоляции от влияния русского языка. Такую изоляцию им обеспечивала жизнь в махалле с характерной для нее взаимовыручкой и кооперацией ее жителей. Махалля позволяла ее членам, проживая в городе, оставаться в узбекском мире и минимально погружаться в русский мир, сохраняя высокую степень автономности от него. Как отмечает Аннетт Бор, ежедневные контакты и коммуникация между узбеками и русскими в советском Узбекистане оставались ограниченными даже в Ташкенте, где узбеки составляли только 44% населения в 1989 г. [19].

Речь не могла идти, разумеется, о полной изоляции узбеков от русско-советского мира. В коммунистическом режиме с его всепроникающей системой партийно-государственного правления и идеологией отгородиться полностью от русского мира было невозможно не только в городах, но и в сельской местности Узбекистана. Юноши проходили службу в советской армии, как правило, в далеких от Узбекистана частях страны. В средней школе

во всех республиках Союза в течение нескольких лет все изучали русский язык как обязательный предмет. Молодежь, стремившаяся получить высшее образование, так или иначе должна была знать русский язык, поскольку вузовская система в значительной мере основывалась на русском языке. Особенно это было важно для естественных, технических наук, медицины и других наук, преподавание которых велось практически полностью на русском языке. Эта сфера социальной и культурной жизни Узбекистана до сих пор находится под сильным влиянием русского языка.

Как и по всей Центральной Азии, советская власть осуществила в Узбекистане целый комплекс модернизационных программ в различных сферах государственного управления, экономики, социальной жизни и культуры. При этом сами узбеки принимали активное участие далеко не во всех этих программах. Прежде всего, узбеки, как и казахи и другие народы Центральной Азии, в очень малой степени участвовали в индустриализации своей республики. На это указывает, в частности, российский исследователь Юлия Цыряпкина, изучавшая эволюцию русского языка в городах Ташкентского региона, в первую очередь, в г. Ангрен. Начало развития этого города и связанного с ним промышленного комплекса приходится на 1930-е годы, когда для разработки найденных здесь угольных месторождений были привлечены многочисленные рабочие из России и европейской части Советского Союза. Что касается узбеков, то они жили в соседних Ангрену селах, тогда как в самом городе на протяжении всего советского времени их по существу не было. Жизнь в городе Ангрене означала для узбеков присоединение к индустриальному, а, следовательно, к русскому образу жизни через освоение русского языка, без которого невозможно было индустриальное производство [20].

Избегая участия в индустриальной модернизации, узбеки, как и другие народы Центральной Азии, избегали русского языка и, соответственно, русско-советского образа жизни промышленных городов. Узбеки участвовали в советских модернизационных проектах в той мере, в какой это не угрожало их традиционному образу жизни, их культуре и языку. Традиционный образ жизни узбеков был связан, как мы неоднократно подчеркивали, с махаллей. Именно махалля позволяла узбекам выживать на протяжении

многих веков, в том числе и в советской системе, позволяла им обходиться без участия в советских модернизационных проектах. Махалля, следовательно, была для узбеков и способом социально-экономического выживания, и способом их изоляции и охраны традиционного образа жизни.

Урбанизация казахов и интеграция в русско-советскую культуру

Совершенно иная ситуация на всем протяжении советской истории была у казахов, которых большевистский режим насильственно перевел с кочевого на оседлый образ жизни. У казахов как кочевников, ввиду их мобильного образа жизни, не было традиции махалли как сообщества, основанного на совместном проживании и отношениях сотрудничества, кооперации, взаимовыручки и т.д. В 1930-е гг. многие казахи участвовали в индустриализации Казахстана. Во многом это было вынужденное участие после ликвидации кочевого образа жизни вследствие коллективизации и обобществления скота и последовавшего за этим массового голода, унесшего жизни двух миллионов казахов. Голод вызвал массовую откочевку и перемещение казахов как внутри, так и за пределы Казахстана. Помимо массовой гибели людей, трагическим следствием голода и откочевки стало массовое разбеднение казахских семей, появление большого числа одиноких людей, сирот и т.д.

Со второй половины 1930-х гг. многие из этих людей, потерявших семьи, родственные и иные социальные связи, в поисках выживания и элементарных средств существования потянулись в города для участия в индустриализации Казахстана. Как отмечает американский политолог Роберто Кармак, сотни тысяч голодных беженцев, так называемые откочевники, влились в городскую рабочую силу, выполняя планы первой и второй пятилеток [21]. Они участвовали в освоении угольных месторождений и строительстве Караганды, месторождений меди и строительстве Балхаша и Джезказгана, месторождений полиметаллов и строительстве городов восточного и южного Казахстана и многих других новых городов, появившихся рядом с месторождениями полезных ископаемых. Еще вчера они были скотоводами-кочевниками, а сегодня шли на

заводы, фабрики, шахты, металлургические комбинаты, стройки и т.д. Не имея квалификации, знаний, в большинстве своем безграмотные, эти люди выполняли самую неквалифицированную, грязную, ручную работу на предприятиях и стройках.

Масштаб индустриализации в Казахстане был намного больше, чем в Узбекистане как в довоенный период, так и в последующие десятилетия советской власти. В силу ликвидации кочевого образа жизни и вызванным ею массовым голодом, а также потребностями широкомасштабной индустриализации Казахстана уже в 1930-е гг. десятки тысяч казахов влились в промышленный рабочий класс [22], следовательно, стали жить в городах. Следует отметить, что уровень урбанизации среди казахов в советский период всегда был выше, чем среди узбеков и других народов Центральной Азии. Эта закономерность еще больше укрепилась в постсоветский период.

Жизнь в городе, прежде всего, крупном городе и индустриальном центре означала жизнь в русском мире с доминированием русского языка. Чтобы жить и выживать в этом новом, совершенно незнакомом им мире, казахи должны были осваивать русский язык и русско-советскую культуру. Ситуация схожа с той, в которой оказываются сегодня мигранты из стран третьего мира, попадающие в индустриальные государства Запада. Их уделом в этой ситуации остается интеграция или даже ассимиляция в доминирующий язык и культуру. Как показывает история советской урбанизации казахов, имеет место и их интеграция, и ассимиляция, но растянутая во времени и поколениям, когда первое поколение городских казахов интегрировалось, а второе и третье поколения были в значительной мере ассимилированы в русский язык и культуру.

Для городского казаха в первом поколении интеграция в русский мир означала освоение русского языка и применение его на работе и везде вне дома, то есть в общественном транспорте, магазине, государственном учреждении и любом ином месте, где ему приходилось бывать, чтобы вести нормальную жизнь в городе. Везде его окружали русские и русскоязычные люди, с которыми он должен был говорить по-русски, чтобы понимать и быть понятым другими. Казахский мир вчерашнего кочевника в городе ограничивался семьей, домом, узким кругом друзей и знакомых,

то есть выходцами из того же аула, рода или жуза. Такой казахский мир достаточно изолирован от господствующего русского мира и позволяет чувствовать себя более или менее комфортно в частной жизни, на досуге. Он спасает казахского горожанина в первом поколении от культурного одиночества и маргинализации.

Городской казах в первом поколении в своей повседневной жизни противостоял фактически один могущественному русскому миру. Махалля в Узбекистане позволяла узбекам, даже живя в городе, вообще не входить в русско-советский мир, либо делать это в самых ограниченных формах и размерах. В отличие от узбеков у казахов в городах не было опосредующего их взаимодействие с русским миром сообщества, включавшего в себя сотни, а иногда и тысячи человек, каковой была махалля. Повседневный казахский мир состоял из нескольких членов нуклеарной семьи городского казаха, которые не могли обойтись без русского языка. Исключением могла быть только жена, если она не работала вне дома, занимаясь воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства.

Казахам приходилось глубже погружаться в русско-советский мир и в освоение русского языка, чем городским узбекам. Уровень их интеграции с русскими и русскоязычными жителями города был выше, чем у городских узбеков. Жизнь в махалле позволяла многим узбекам знать только один, родной язык, тогда как среди городских казахов доля людей со знанием только лишь родного языка была намного меньше. Если сопоставить двуязычных, со знанием родного и русского языков, казахов и узбеков, то казахи, как правило, всегда отличались лучшим знанием русского языка, чем узбеки. Это наблюдение было справедливо для 1930-х гг., и оно же осталось справедливым и сегодня.

Историческая практика жизни казахов в городах с 1930-х гг. с очевидностью обнаружила слабость культурно-воспроизводящего потенциала казахского мира, существующего в рамках одной семьи. Его главная слабость состоит в том, что не способен оградить детей и последующие поколения городских казахов от влияния окружающего их русского мира. Дети городских казахов, проходя через систему русско-советской социализации (детсад, школа, армия, вуз и т.д.), по мере взросления, все больше отрывались от воздействия семьи, от казахского мира. Русский язык становился для них глав-

ным средством общения не только в школе, но и дома. Школы в городах Казахстана были русскими, казахские школы были большой редкостью даже в 1970-1980-е гг., когда коренное население в городах увеличилось. Это значит, что русский язык вытеснял у детей городских казахов их родной казахский язык. Это вытеснение доходило до такой степени, что у казахских детей в городе их родной язык становился пассивным языком, который они на бытовом уровне понимали, но не могли на нем изъясняться. Нередко же казахские дети в городах вообще не знали родного языка [23].

Подобную ситуацию трудно было себе представить в Узбекистане. Здесь социализация молодого поколения проходила не только в советской системе социализации, но главным образом в махалле. Махалля была не только дополнением к официальной системе воспитания детей и молодежи, но и во многом ее альтернативой. Изолируя узбекский культурный мир от русско-советского мира, махалля была для молодого поколения школой узбекского языка и культуры, не давая в то же время ему оторваться от национальных корней.

Ничего подобного махалле как дополнительной и альтернативной системы социализации, направленной на воспитание молодежи через родной язык и культуру, у городских казахов не было. Казахские дети проходили через официальную систему социализации, воспитывавшей советского человека через русский язык и культуру. Неудивительно, что у казахов был один из самых высоких уровней русификации среди советских народов.

Заключение

В данной главе был проведен сравнительный анализ этнокультурной интеграции в Казахстане и Узбекистане и раскрыты причины доминирования русского языка в интеграции в Казахстане и доминирования узбекского языка в этнокультурной интеграции в Узбекистане. Различие форм этнокультурной интеграции в обоих государствах было раскрыто в работе через анализ самых ранних моментов урбанизации коренного населения в 1930 г. Казахи как вчерашние кочевники попадали в города, включаясь в индустриальные проекты советской власти, одновременно интегрируясь в рус-

ский мир городов. В этой интеграции узкий семейный казахский мир противостоял широкому социальному русскому миру, что, в конечном счете, привело к русификации второго и последующего поколений городских казахов. Русификация городских узбеков имела более ограниченный характер, поскольку их интеграция с русским миром опосредовалась махаллей. Это позволило узбекам сохранить свой язык как в селе, так и, что особенно важно, в городе.

Национальное строительство в рамках советских модернизационных проектов было направлено, с одной стороны, на формирование титульных наций в союзных республиках. С другой стороны, конечным результатом национального проекта должен был стать единый советский народ. Важнейшим компонентом советизации народов СССР была их русификация. Необходимо отметить, что национальная политика советского режима смогла достаточно успешно советизировать народы Центральной Азии. Однако, в силу воздействия различных культурно-исторических факторов на эти народы, их советизация в отношении русского языка приобрела различные формы. Советизация казахов сопровождалась высоким уровнем их русификации, тогда как для советизации узбеков была характерна ограниченная русификация. Эти различия, сложившиеся еще в советский период, приобрели еще больший масштаб в процессах этнокультурной интеграции Казахстана и Узбекистана после обретения ими независимости.

Использованные источники

1. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. С. 89.
2. Назарбаев Н.А. Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Алматы: ЮРИСТ, 2012.
3. Brubaker, R. *Nationalism reframed: nationhood and national question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 30-32.
4. Dave, B. *Kazakhstan: ethnicity, language and power*. New York: Routledge, 2007. P. 42-44.
5. Ponarin, E. The prospects of assimilation of the Russophone populations in Estonia and Ukraine: a reaction to David Laitin's research. *Europe-Asia Studies* 52, no. 8, 2000: 1535-1541. P. 1540.

6. Bohr, A. Language policy and ethnic relations in Uzbekistan. In: Smith, G. et al. *Nation-building in the post-Soviet borderlands: the politics of national identities*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 197-223. P. 200.

7. Конституция Республики Казахстан. Официальное издание. Алматы, 2017.

8. Bohr, A. Language policy and ethnic relations in Uzbekistan. P. 200, 205.

9. Bohr, A. Language policy and ethnic relations in Uzbekistan. P. 199.

10. Bohr, A. Language policy and ethnic relations in Uzbekistan. P. 199.

11. Fierman, W. Language and education in post-Soviet Kazakhstan: Kazakh-medium instruction in urban schools. *Russian Review* 65 (January 2006): 98-116. P. 99.

12. Bohr, A. Language policy and ethnic relations in Uzbekistan. P. 205.

13. Bohr, A. Language policy and ethnic relations in Uzbekistan. P. 205.

14. Urinboev, R. Establishing an “Uzbek Mahalla” via smartphones and social media: everyday transnational lives of Uzbek labor migrants in Russia. In: Laruelle, M. (ed.). *Constructing the Uzbek state: narratives of post-Soviet years*. Lanham: Lexington Books, 2017, pp. 140-170. P. 142.

15. Urinboev, R. Establishing an “Uzbek Mahalla”. P. 152.

16. Hanks, R. Civil society and identity in Uzbekistan: the emergent role of Islam. In: Holt Ruffin, M. and Waugh, D. (eds.). *Civil Society in Central Asia*. Seattle and London: Center for Civil Society International, The Central Asia-Caucasus Institute, Nitze School of Advances International Studies, Johns Hopkins University in association with University of Washington Press, 1999, pp. 158-179. P. 166.

17. Hanks, R. Civil society and identity in Uzbekistan. P. 167.

18. Hanks, R. Civil society and identity in Uzbekistan. P. 167.

19. Bohr, A. Language policy and ethnic relations in Uzbekistan. P. 209-210.

20. Tsyriapkina, Yu. Evolution of the Russian language in the Tashkent region’s urban spaces. *Uzbekistan Initiative Papers*, no. 19, October 2014: 1-9. P. 4-5.

21. Carmack, R.J. *Kazakhstan in World War II: mobilization and ethnicity in the Soviet Empire*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2019. P. 3-4.

22. Carmack, R.J. *Kazakhstan in World War II*. P. 4.

23. Fierman, W. Language and education in post-Soviet Kazakhstan. P. 99.

Глава 2. Сравнительный анализ национальной и языковой политики Кыргызской Республики и Республики Казахстан

В Казахстане и Кыргызстане начало собственной национальной и языковой политики были заданы собственными законами о языках и конституционными актами, первоначально наполнявшими декларативный суверенитет союзных республик реальным содержанием, а в последующем ставшими документами становления независимости новых государств.

Декларация о суверенитете Казахской ССР от 25 октября 1990 г. выразила право на реальный суверенитет, в Конституции 1993 г. отражен первоначальный процесс становления политической системы независимого Казахстана как «форма государственности самоопределившейся казахской нации»; Конституция 1995г. установила «государственность казахстанского народа на исконно казахской земле» [1, сс. 369, 395-396].

Аналогично в Кыргызстане в 1990-1991гг. актами становления суверенитета и независимости были:

Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан от 15 декабря 1990 года;

Декларация о государственной независимости Республики Кыргызстан, принятая 31 августа 1991 года на внеочередной 6-й сессии Верховного Совета 12-го созыва;

Закон «О придании статуса конституционного Закона Декларации о государственной независимости Республики Кыргызстан от 11 декабря 1991 г.

Конституция Кыргызской Республики, принятая на XII сессии Верховного Совета 5 мая 1993 года.

Обращает внимание, что в Кыргызстане предпочли не принимать Закон о государственной независимости, а придали статус конституционного закона ранее принятой Декларации.

Этнический состав как фактор формирования языковой политики Казахстана и Кыргызстана

22 сентября 1989 года был принят первый Закон Казахской ССР «О языках в Казахской ССР», а 23 сентября 1989 года – пер-

вый Закон Киргизской ССР «О государственном языке Киргизской ССР». Эти законы, устанавливая язык титульного этноса в качестве государственного, придавали русскому языку статус языка межнационального общения [2]. В каждой из республик соответствующий закон о языках заявлял о приоритете государственного языка, но в практике своего применения вынужден был принимать во внимание этнический состав населения республик, прежде всего численность титульной национальности и русских в этнической структуре населения.

Если кыргызы составляли большинство (52%) граждан своей республики, то в Казахстане, по данным переписи населения 1989 года, казахи составляли 40% населения Казахской ССР. В отличие от законодательства Кыргызстана, в законе «О языках в Казахской ССР» от 1989 г. дополнительно было указано, что русский язык функционирует наравне с государственным языком.

Специфика и одновременно сложность формирования национальной и языковой политики Кыргызстана состояла и состоит в том, что в отличие от Казахстана, где существует одна титульная нация, которая включает в себя коренное население – казахов, то в Кыргызстане при наличии одной титульной национальности – кыргызов, де-факто существуют два народа, являющихся коренными, – это сами кыргызы и также узбеки.

Дело в том, что юг Кыргызстана (Ошская, Джалал-Абадская области и созданная в конце 1990-х гг. Баткенская область) имеет издавна живущее, по сути коренное население не только в лице кыргызов, бывших до революции кочевниками местных гор и предгорий, но и земледельцев и горожан – узбеков.

Ошским событиям июня 1990 г. предшествовала постановка вопроса о статуса титульности узбекской национальности на юге Кыргызстана и придания статуса государственного и официального языков и даже автономии югу республики. Недовольство вызвал принятый закон о языке, в котором государственным языком признали киргизский, а языком межнационального общения – русский.

Из текста обращения группы узбекских аксакалов из Джалал-Абадской области к руководству СССР (Председателю совета национальностей Верховного совета СССР Р.Нишанову, первому секретарю КП Киргизии А.Масалиеву и др.): «Коренным населе-

нием области фактически являются узбеки, численность которых в области насчитывается в пределах 560 тыс. человек. ... Язык компактно проживающего большинства населения узбеков остался ущемленным. Вместе с тем следует отметить, что киргизское население области по сложившейся веками укладке жизни, традициями и обычаями, по диалекту речи и по роду производственной деятельности, по семейно-бытовым переплетениям весьма схожи с узбеками, поэтому киргизы северных районов республики шуточно называют своих южных сородичей-киргизов сартами. Во всех 119 школах области, в которых обучение ведется на узбекском языке, свободно обучаются дети и киргизов, не испытывая никаких затруднений в языке.

Коренные жители узбеки чувствуют себя чужеродными этническими группами населения Киргизии...» [3].

Ситуация усугублялась инициативой об автономии: «...для успешного решения проблем реального равноправия и равенства национальности нужен новый механизм государственного управления в рамках Киргизской ССР в виде автономии Ошского региона в рамках республики...» [4].

Фактически только две союзные республики в составе СССР – Казахстан и Кыргызстан отличались невысокой долей титульной национальности (40% в Казахстане, 52% в Кыргызстане в 1989 г.).

Однако в отличие от Казахстана, в котором русское население в основном проживало в северных областях и востоке республики и столице – г. Алма-Ата, и практически во всех областных центрах составляло значительную часть населения, только одна Чуйская область из нынешних 7 областей Кыргызстана и столица г. Бишкек (тогда г. Фрунзе) имели преобладание русского населения.

Для сравнения заметим, что в 1941-1985 гг. киргизы не составляли абсолютного большинства населения союзной республики. В 1959г киргизы составляли 40,4 %, русские – 30,3 %, узбеки – 10,6 % населения Киргизской ССР. Аналогичная ситуация, но с меньшей долей коренного населения, согласно переписям населения тех лет, имела место в этнической структуре Казахской ССР в 1959 г. – 29% казахов, в 1989 г. – 40% казахов.

В современном Кыргызстане кроме киргизов некоторые этносы показывают положительную демографическую динамику, в

первую очередь узбеки, дунгане и таджики. Дунгане являются 4-м по численности этносом Кыргызстана (немногим более 1%). 5-й этнос по численности – уйгуры (0,91%) по переписи 2009 г.» [5].

Перепись населения 1999 года показала, что языковая идентичность в Кыргызстане почти совпадает с этнической принадлежностью: Родным языком считали:

- Киргизский язык 65,2 % (3,145 млн)
- Русский язык 14,7 % (710 тыс.)
- Узбекский язык 14,0 % (674 тыс.)
- Прочие 6,1 % (294 тыс.)

Владение языками (кроме родного)

- Русский язык 75,0 %
- Киргизский язык 11,5 %
- Узбекский язык 8,2 %

• Прочие 5,3 % [6], Обращает внимание, что значительная (8,2 %) доля лиц, владеющих кроме родного языка узбекским языком и не привычная для Казахстана в 11,5% доля лиц нетитульных национальностей, владеющих государственным языком.

Если русские имели территорию компактного проживания на территории нынешней Чуйской области и Бишкеке (тогда г. Фрунзе), то узбеки всегда были одним из двух основных этносов юга Кыргызстана. По переписи 1999 г. удельный вес узбеков (почти 14%) опередил долю русских (12,5%) в этнической структуре населения страны [7].

По переписи населения 1999 года русский язык был родным для 14,7 % населения Кыргызстана, а как вторым языком им владело 1,534 млн человек или 31,8 % населения. По данным последней переписи 2009 года, в Кыргызстане о своём владении русским языком заявило 48 % населения страны, всего 2,591,636 человек. Из них русским языком как родным владели 482,243 человек, также в качестве второго языка общения использовали 2,109,393 человек [8]. Эмиграция русского населения не подрывает позиции русского языка, ибо им пользуются в общении как языком межнационального общения также украинцы, немцы, дунгане, иные нетюркские этносы.

Этапы развития национальной политики

В отличие от Казахстана, где принятие Конституции 1995 г., означало поворот к сфере межэтнических отношений и в следующем, 1996 г. была принята Концепция государственной идентичности, в 1997 г. новый Закон «О языках в Республике Казахстан», последующая разработка нормативных документов продолжилась принятием Доктрины национального единства в 2010 г., то в Кыргызстане принятие некоторых документов, относящихся к этой сфере, например, концептуальное оформление политики в сфере межэтнических отношений происходило в иные сроки, позже чем в Казахстане. Так «Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике» (далее именуемая Концепция), принятая в 2013 г., определила три этапа изменения повесток дня в национальной политике:

«Первый этап, сразу после обретения независимости, характеризовался повышением уровня национального самосознания народа, актуализацией идеологии национального строительства и возрождения кыргызской государственности.

Второй этап начинается с середины 90-х годов, когда был выдвинут лозунг «Кыргызстан – наш общий дом». В 1994 г. была создана Ассамблея народа Кыргызстана (АНК), основу которой составили культурные центры этнических сообществ. АНК сыграла определенную позитивную роль в качестве консультативно-совещательного органа, наиболее массовой организации, представляющей интересы этнических сообществ. В этот период были предприняты попытки регулировать эту сферу на законодательном уровне.

Третий этап, начавшийся после 2005 г., характеризовался ухудшением ситуации не только в сфере межэтнических отношений, но и усилением социальных конфликтов в обществе, проявлений регионализма. Стало очевидно, что за годы независимости не все граждане страны разных национальностей осознали себя частью единого народа Кыргызской Республики. Высокий уровень социального неравенства в обществе и региональной дифференциации, политизация межэтнических отношений на фоне безработицы, снижения уровня образования, наличия групп молодежи, понав-

шей под влияние радикальных религиозных течений и криминальных групп, усилили конфликтный потенциал в обществе» [9].

Обращает внимание, что периодизация процессов, протекавших в сфере межэтнических отношений, совпадает по хронологии с подобными процессами в Казахстане.

Действительно, в 1991-1995 г. в Казахстане также как в Кыргызстане актуальны были вопросы пробуждения этнического самосознания, строительства национальной государственности, включая характер государственности – государство казахской нации или казахстанского народа.

На втором этапе, 1995-2005 гг., начиная с создания в марте 1995г. Ассамблеи народа Казахстана (в то время под названием Ассамблеи народов Казахстана), более взвешенная, продуманная политика в сфер межэтнических отношений, намерение консолидировать полиэтничное общество что проявилось в принятии Конституции 1995г. и Концепции государственной идентичности.

Третий этап, с 2005 г. и по настоящее время, характеризуется в Казахстане и Кыргызстане римейком национал-патриотизма, конкуренцией проектов построения этнической, либо гражданской нации.

Языковая политика в Кыргызстане и Казахстане

Статья 4 Закона «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года, подтверждает, что государственным языком является казахский язык. Статья 5 Закона устанавливает, что в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. Если согласно Закону 1989г. русский язык являлся языком межнационального общения, то новый закон установил, что русский язык имеет статус языка, официально употребляющегося наравне с государственным.

В Кыргызстане действуют два закона, имеющих целью нормативно-правовое регулирование языковой ситуации. Действующий Закон «О государственном языке в Кыргызской Республике» был принят 2 апреля 2004 г.

В мае 2000г. был принят Закон Кыргызской Республики «Об официальном языке Кыргызской Республики». Этот закон обеспе-

чил правовое закрепление тех реальных функций русского языка, которые он фактически выполнял на протяжении длительного времени в коммуникативном пространстве республики. Согласно статье 2 этого Закона, официальный язык в Кыргызской Республике находится под защитой государства. Государственные органы создают необходимые условия для функционирования и развития официального языка. По статье 13, во всех школах различных типов, видов и форм собственности, а также государственных высших учебных заведениях официальный язык (т.е. русский язык) является обязательным учебным предметом и входит в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании.

В 2004 г. билингвизм в языковой политике был подтвержден Указом Президента Кыргызской Республики от 2 апреля 2004 года «О дальнейшем совершенствовании государственной политики по развитию двуязычия (билингвизма) и мерах по созданию необходимых условий для эффективного функционирования государственного и официального языков Кыргызской Республики» [10].

Заметим, что в Казахстане билингвизм существует де-факто, но не получил такого подробного официального подтверждения как в Кыргызстане.

Дело в том, что языковая политика Кыргызстана принимает во внимание необходимость сохранения и поддержания позитивных отношений с властью России, так как имеет место высокий уровень трудовой миграции кыргызов.

Следует отметить, что с начала 1990-х гг. сфера применения казахского и кыргызского языков расширилась. В то же время русский язык сохранил свои позиции в экономической и общественной жизни, в которых он остаётся наиболее востребованным, включая СМИ и книгоиздания. В соответствии со статьей 10 ныне действующей Конституции Кыргызской Республики 2010 года русский язык имеет в Киргизии статус официального языка [11]. До этого, этот статус был закреплен за ним в 2001 году в предыдущей редакции конституции Кыргызстана.

Национальная Программа развития государственного языка и совершенствования языковой политики в Кыргызской Республике на 2014-2020 годы и Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы

имеют сходные цели: обеспечение полномасштабное функционирование государственного языка как важнейшего фактора укрепления национального единства при сохранении языков всех этносов, живущих в Казахстане. Ключевыми задачами этих программ являются: совершенствование и стандартизация методологии обучения государственному языку; развитие инфраструктуры обучения государственному языку; повышение престижа и стимулирование процесса обучения [12].

В Казахстане также как в Кыргызстане роль государственного языка возрастает как в сфере публичной, так и в неформальном общении. Важно отметить, что казахский язык вошел в общении с близкими в городах, в частности в городских семьях со средним и высоким уровнем доходов и образования. Но профессиональной лексикой владеет менее четверти населения [13]. Хотя только 3,6% русских и 4,6% представителей других этносов говорят на казахском, что меньше чем 10% лиц некиргызских этносов, знающих кыргызский, на наш взгляд, можно сказать, что языковая реконкиста началась.

В последние годы в Казахстане и Кыргызстане почти нет публикаций, в которых требование знать государственный язык называется «дискриминационным». Эта тема имела политический подтекст, когда при президенте Аскаре Акаеве был введен экзамен на знание государственного языка для претендентов на президентство, ибо есть мнение, что тем самым исключался из конкуренции основной претендент Феликс Кулов, В 2005 г. именно Ф. Кулов был призван в качестве министра внутренних дел, чтобы навести порядок после дней «тюльпановой революции». И снова недостаточное знание кыргызского языка позволило быть президентом не Кулову, а Курманбеку Бакиеву, которого низложила очередная «революция» 2010 г. Смена власти в 2010г. была прологом к новым кровавым столкновениям кыргызов и узбеков на юге страны, т.н. Ошские события 2010 г.

Для полиэтничных стран важно определить является ли языковая ситуация и формирование языковой идентичности проблемой или ресурсом развития. Этот вопрос по-прежнему остается темой спорадических дискуссий.

«... - Есть только два варианта: или реальное развитие многоязычия, или откат к одноязычию. В первом случае мы получаем

мощный и эффективный ресурс для развития современной науки, образования, технологий, что даст толчок экономическому прогрессу. Кроме того, это укрепит политическую стабильность и ускорит реальное, негословное развитие гражданского общества и правового государства. Во втором случае наша республика получит социальную напряженность, рост миграции, сохранение кризиса в экономике» [14].

Вышеприведенные слова относятся к Кыргызстану, но применимы и к Казахстану. Для сравнения заметим, что в постколониальной Африке среди прочих мнений существует понимание, что английский и французский языки могут быть использованы как ресурсы развития. Другое дело, что это ресурс развития на практике применяется на благо отдельных социальных групп, а не нации-государства в целом. Российская исследовательница Стрябкова Ю. замечает, что в франкоязычных Центрально-Африканской Республике и ряде соседних с нею стран наметились две идеологии: с одной стороны, существует понимание, что без французского языка невозможно культурное, экономическое, политическое развитие, а с другой – поддержка идеи о том, что французский язык является инструментом империализма и культурного отчуждения. Позиция власти этих стран состоит в том, что «использование французского языка не должно мешать национальным языкам. Формула «французский – да, но не в ущерб национальным языкам» [15].

Официальная точка зрения в Казахстане и Кыргызстане ориентирована на трехязычие, т.е. знание языков воспринимается как ресурс развития.

Переход на латиницу и алтаизм

В 2008 г. обсуждалась идея перехода кыргызского языка на латиницу, но в то время президент Кыргызстана и министр образования её не поддержали. Аргументы в основном были финансовые [16].

В 2017 г. в Кыргызстане вновь поднимался вопрос о переводе кыргызского алфавита на латиницу. Пример Казахстана стал своеобразным толчком для таких идей. Поручение казахстанского президента Нурсултана Назарбаева к 2025 году завершить процесс перехода национального алфавита на латиницу и поручение пра-

вительству подготовить до конца 2017 года проект перевода казахского алфавита показало, что в Казахстане от намерений перешли к практическим действиям.

Явление т.н. алтаизма также имеет некоторое влияние на дискуссии об алфавите в Кыргызстане. «Весьма интересно, что дискуссия о возможном переходе на латиницу развернулась с новой силой после «Алтайского форума». По инициативе Кыргызстана в конце июля 2017 г. сначала в Бишкеке, а потом – на Иссык-Куле состоялся форум «Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи». Президент Алмазбек Атамбаев участвовал в форуме, на котором прозвучал 31 доклад на разные темы – от лингвистики до археологии и этнографии, продвигая идею «паналтаизма», тесного сотрудничества и объединения народов алтайской языковой группы.

На этом форуме А. Атамбаев сказал, что не поддерживает идею перехода на латиницу. Одним из аргументов было то, что кириллица позволила тюркским республикам Советского Союза находиться в едином культурном поле со всей Евразией. Кроме того, он высказал сомнение, что латиница объединит тюркские народы путем создания единого общего языка – «Ортак дил». Однако в Кыргызстане идея о некоем общем языке не звучала в контексте перехода на латиницу, по крайней мере, в последние годы. На форуме Алмазбек Атамбаев сказал, что не стоит забывать «о наших братьях» – татарах, башкирах, алтайцах, хакасах и других народах Российской Федерации, которые продолжают использовать кириллицу: «С ними мы могли бы возродить наш праязык и взаимно обогатить современные языки древними словами, которые сохранились у одних народов и забылись у других» [17].

Римейк национализма и официальная политика в сфере межэтнических отношений

Национальный вопрос и языковой вопрос неизбежно становятся предметом политических игр, если нерешены назревшие проблемные темы, волнующие значительную часть общества. Особенно это проявилось в т.н. Ошских событиях 2010 г. Узбеки, поддержавшие временное правительство во главе с переходным

президентом Розой Отунбаевой, оказались одной из сторон конфликта.

С 2005 г. в двух странах наблюдался римейк национализма. Если в Казахстане основной тематикой было расширение применения казахского языка, применения его в правительстве и парламенте как языка выступлений и докладов, языка документации на всех уровнях и форсирование его применения в публичном общении, то в Кыргызстане эта же тематика усугублялась нерешенными с 1990 г. вопросами о роли Юга в политике.

«Язык на Тянь-Шане – кыргызский, русский или узбекский – превращен в политический инструмент. А точнее, в разменную монету групп, борющихся за власть. Именно они, а не сепаратисты, следует полагать, представляют главную угрозу государственности, поскольку эти игроки разрывают страну на части, разделяя народ на разные этнические или языковые группы» [18].

В Кыргызстане вопрос о статусе узбекского языка не принимается и не существует консенсуса по этому вопросу. Как заявила в 2011 г. депутат Жогорку Кенеша Жылдызкан Джолдошова: «Развитие узбекского или любого другого языка может считаться ущемлением прав других национальных меньшинств», – полагая достаточным отдавать приоритет только двум языкам – кыргызскому и русскому. Некоторые депутаты считали важным использовать в государственных структурах только кыргызский [19].

Если в Казахстане римейк национал-патриотических настроений можно датировать после 2005 г., учитывая исчерпание повестки дня национал-демократов начала 1990-х г., то кыргызстанский римейк национал-патриотических настроений имел всплеск в 2010-2011 гг.

Казахстанский римейк национал-патриотических настроений привел к появлению альтернативного документа по нациестроительству. На актуальный вопрос «быть ли казахстанской гражданской нации или казахской политической нации?» ответила тогда еще сохранявшая оппозиционность партия «Ак жол». В 2009 г. партия «Ак жол» (не путать с одноименной кыргызстанской партией президента К. Бакиева) продемонстрировала позицию по национальному вопросу. Опубликованный 24 сентября 2009г. проект Концепции новой национальной политики Республики Казахстан

на 2010-2020 годы, показал, что «... .. разработчики данной концепции проводят четкую грань между коренным, казахским, и другими, некоренными, этносами, определяя первый из них государствообразующей нацией, а остальных – диаспорами. ... Кроме того, акцентируя внимание на «колониализме» и его последствиях, партия «Ак жол» фактически способствует уходу правящей элиты от ответственности ...» [20].

Итак, понимание необходимости пути к гражданской нации существует, но субъекты политики словно стремятся построить гражданскую нацию в Кыргызстане и в Казахстане, ориентируясь на представления и понятия сталинского понимания этнонации, включая необходимость выделения титульной национальности. При этом, титульной этнонациональности придается роль государствообразующего этноса, как например, некоторыми политиками в Кыргызстане. В Казахстане же упоминание в преамбуле Конституции «государственности казахстанского народа» вызывает критику сторонников государствообразующего этноса. Таким образом, статус титульной национальности, переживший советскую эпоху, по существу сохраняется в практике политики в сфере межэтнических отношений постсоветского Кыргызстана больше чем в Казахстане. Кстати, в принятых в 2020г. поправках в конституцию России, среди прочего русский народ объявлен государствообразующим. Подобные утверждения о государствообразующей роли казахского этноса также имеют место в политической риторике в Казахстане.

Римейк национализма проявился на президентских выборах в октябре 2017 г. в Кыргызстане. Так, например, Азимбек Бекназаров 18 июля на съезде партии «Ата-Журт» заявил о важности «чистокровности» политиков, претендующих на президентский пост. Впоследствии политик на созванной пресс-конференции заявил о неверно интерпретации его слов журналистами.

Заметим, что в отличие от Казахстана партии Кыргызстана в лице парламентариев довольно активно вовлечены в обсуждении национальной и языковой политики. «Наша основная цель – определить кыргызскую нацию как государствообразующий фактор. В итоге одним из основных базовых элементов концепции является кыргызская нация [21].

Справедливости ради надо отметить, что что после Ошских событий 2010 г. существует понимание важности решения давно назревших вопросов межэтнических отношений, в стране с почти 30% некрыргызского населения.

***Построение гражданской нации и тезис
о государствообразующем народе***

На наш взгляд, в Казахстане и Кыргызстане существует со стороны власти понимание необходимости пути к гражданской нации существует, но субъекты политики четко и ясно не формулируют цель – построить гражданскую нацию и ориентируются, бывает под давлением части общественности, представлениями и понятием сталинского понимания нации.

Если в Казахстане официально утверждается наличие 130 этносов в стране, то в Кыргызстане имеют в виду 80 этносов. Ряд проблем и задач сходны с Казахстаном, однако их решение в сфере межэтнических отношений в Кыргызстане, на наш взгляд, носят затяжной характер, а их нерешенность приводит некоторых к алармистским высказываниям: «... Можно сколько угодно говорить о поиске наиболее оптимальной экономической модели развития, привлечении инвестиций, реформе образования, но все эти старания могут оказаться лишены смысла, если не определиться с идентичностью...»

Сверхзадачей наших предложений может стать смена не наполненной реальным содержанием формулы «многонациональный народ Кыргызстана» – на «единую кыргызскую гражданскую политическую нацию» [22].

Однако решение проблемы находится в сфере практической политики, прежде всего, направленности и способности провести культурную интеграцию этносов в нацию-государство.

«...Все процессы в стране и её социальной и политической жизни – это, прежде всего, процессы конкуренции, процессы борьбы за власть и влияние..., так как происходит борьба политических элит, которая дополняется эпизодической активностью отдельных социальных групп за лучшее положение в обществе, за льготы, за высокую заработную плату и т.д.», – замечают российские ученые Бобровникова М.А. и Шевченко В.Н. [23].

Однако в большинстве постсоветских стран меньше всего слышен голос незлитных групп, а высшие, элитные группы лоббируют свои собственные интересы в конкуренции за ресурсы, главным образом экономические ресурсы и доходы. В итоге, социальная политика обращена к решению текущих и среднесрочных задач и утрачивает свою цель – интеграцию социальных групп в гражданскую общность и формирование надэтнической национальной идентичности.

Это отождествление нации с гражданством, первоначально возникшее в США и Западной Европе, принято в Латинской Америке, Австралии, многих странах Азии таких как Индия, Пакистан, Сингапур, Филиппины.

Проблема Казахстана и Кыргызстана состоит в отсутствии общественного консенсуса по этому вопросу и по культурной интеграции этносов. Вопрос имеет не канцелярский характер, а обращает к пересмотру общественностью понятия национальность. В противоположном случае будет неприятие со стороны населения. Об этом упоминает кыргызская исследовательница тематики идентичности и национализма А. Мусабаева: «Вводя новые паспорта без указания этнической принадлежности, власти, возможно, руководствовались своей политической программой, но не учли того, что подавляющая часть населения оказалась не готова к форсированному процессу создания так называемого «инклюзивного» общества путем фактического навязывания государством понятия «кыргыз жараны» (гражданин Кыргызской Республики – прим. Исмагамбетова Т.) вместо указания этнической принадлежности. Аргументы, что ликвидация ссылки на этническую принадлежности, или «национальность» (по советской традиции») будет способствовать формированию гражданской нации, весьма спорны. Судя по негативной реакции представителей кыргызского этноса, это был преждевременный шаг, который не учел мнения подавляющего большинства населения...» [24].

Заключение

Казахстан и Кыргызстан имеют общее в официально заявляемых целях политики в сфере межэтнических отношений (национальной политике). Так, например, в двух государствах – в Кыргызстане после

2011 г., в Казахстане в период после подготовки и разработки Доктрины национального единства Казахстана, опубликованной в апреле 2010 г. – четко не поставлен курс на создание гражданской нации.

В то же время есть существенные различия в практическом проведении национальной политики, вызванные определением и выбором задач, которые предстоит решать с точки зрения элитных групп, консолидированностью власти и позициями партий по вопросам политики в сфере межэтнических отношений.

Исполнительная вертикаль в Республике Казахстан придает более консолидированный характер власти, чем в Кыргызской Республике. Две «революции», связанные со сменой власти в соседнем Кыргызстане, не способствовали дальнейшей консолидации. В Казахстане действует 25 лет политика межэтнического согласия, институционально оформленная в деятельности Ассамблеи народа Казахстана (АНК) с марта 1995 г. В Кыргызстане АНК была создана годом раньше, в 1994 г., но политика в сфере межэтнических отношений в Казахстане носит более управляемый властью характер и локальные конфликты имевшие место в Казахстане несравнимы с Ошскими событиями.

2. Этническая структура кыргызстанского общества показывает некоторые черты будущего казахстанского общества: на место второго по численности этноса выдвигается в силу демографических тенденций узбекский этнос.

3. Казахстан, где отсутствует кыргызстанская проблема двух коренных этносов при признании только одного из них титульной национальностью, изначально имел меньшую сложность и напряженность межэтнических отношений.

4. Общее между двумя странами состоит в том, что что не обретенны признаваемые общественностью подходы к формированию гражданской нации. В общественном мнении и среди элиты распространено понимание нации как этнонации, которая конкурирует в мировой практике с созданием гражданской нации, но эти два различных подхода к нациестроительству пытаются соединить в Кыргызстане и в Казахстане.

5. Партийная система Кыргызстана более активна в обсуждении политики в сфере межэтнических отношений и языковой политики. Что однако, как показывает практика, приводило к полити-

зации и борьбе мнений по вопросам межэтнических отношений. На данный момент не поставлен в повестку дня общественный консенсус по вопросам национальной и языковой политики.

Список источников

1. Казахстан: этапы государственности. Конституционные акты'. 1997. Сост. Ж. Баишев. Алматы, Жеті жарғы, 496 с.
2. Языковые законодательства государств – членов ЕВРАЗЭС: правовой статус русского языка в центральноазиатских республиках. - <https://articlekz.com/article/6806>.
3. Ошская резня 1990 года. Хронология трагедии - <https://www.fergananews.com/articles/6601>.
4. Ошская резня 1990 года. Хронология трагедии - <https://www.fergananews.com/articles/6601>.
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Киргизии.
6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Киргизии.
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Киргизии
8. https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_язык_в_Киргизии .
9. http://www.president.kg/files/docs/kontseptsiya_ukrepleniya_edinstva_naroda_i_mejtnicheskikh_otnosheniy_v_kr.pdf.
10. <https://articlekz.com/article/6806/>
11. <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913/>,
12. <https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-i-funkcionirovaniya-yazykov-v-respublike-kazahstan/>
13. <https://365info.kz/2019/10/kak-menyetsya-status-kazahskogo-yazyka-v-obshhestve-issledovanie#:~:text=/>
14. Языковая политика в Центральной Азии: ресурс развития или политическая игра? Интервью с экспертом аналитического центра «Полис Азия» Павлом Дятленко. Записал Эркин Бахыт. -<https://24.kg/archive/ru/community/36946-2008/06/16/87543.html>.
15. Стрябкова Ю.И. Языковая ситуация в Центрально-Африканской Республике на современном этапе/- http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/8982/1/Stryabkova_Yzikovaya.pdf
16. Мусабаева А. Проблемы кыргызской идентичности, языка, национализма в общественных дискуссиях 2017 года. - <https://caa-network.org/archives/10277/>.
17. http://www.president.kg/ru/news/vystupleniya_obrascheniya/10145_prezident_almazbek_atambaev_myi_predstaviteli_altayskoy_tsivilizatsii_mojem_ (дата обращения: 5 января 2018г.).

18. Кыргызстан. Особенности «национальной» политики - <https://24.kg/archive/ru/politic/101397-kyrgyzstan-osobennosti-laquonacionalnojraquo.html/> (дата обращения: 30 мая 2011г).

19. Кыргызстан. Особенности «национальной» политики - <https://24.kg/archive/ru/politic/101397-kyrgyzstan-osobennosti-laquonacionalnojraquo.html/> (дата обращения: 30 мая 2011г).

20. <https://ia-centr.ru/experts/5291>.

21. Касымбеков К. Нарматова: Концепция национальной политики КР готова. - https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_narmatova/24587953.html].

22. К вопросу о разработке современной государственной национальной политики в Кыргызстане - <https://stanradar.com/news/full/31033-k-voprosu-o-razrabotke-sovremennoj-gosudarstvennoj-natsionalnoj-politiki-v-kyrgyzstane.html/> (дата обращения: 13.09.2018).

23. Бобровникова М.А., Шевченко В.Н. 2015. Социально-политические процессы в современной России, Современные проблемы науки и образования, № 1 (часть 1). [Электронный ресурс]. URL <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19274>. (дата обращения: 12.12.2019).

24. Мусабаева А. Проблемы кыргызской идентичности, языка, национализма в общественных дискуссиях 2017 года. - <https://caa-network.org/archives/10277/>.

Глава 3. Сравнительный анализ этнокультурной интеграции в Казахстане и Украине

Введение

Культурная интеграция этносов в Казахстане является весьма актуальной темой, в контексте становления государственности в современных условиях. Изучение подобных явлений в других государствах постсоветского пространства (Узбекистан, Кыргызстан, Украина, страны Балтии) дает значимый материал для сравнительного анализа, для выявления общего и различного, которое проявилось на недавнем историческом отрезке, после обретения независимости в 1991 году.

Поиски новой гражданской идентичности, основанной на культурном и лингвистическом субстрате государствообразующих этносов этих стран, стартовав с одной исходной точки, далее, естественно, шли различными путями и с разной скоростью, и сейчас демонстрируют отличные друг от друга результаты. Украинская модель в этом аспекте занимает свое особое место, так как позволяет найти ответы на целый ряд вопросов, связанных со сложностями формирования новой идентичности в Казахстане, подсвечивая их сквозь свою уникальную призму опыта культурной интеграции этносов в течении последних трех десятилетий.

Постановка вопроса

Прежде чем начать сравнивать казахстанский и украинский опыт, необходимо отметить ряд важных моментов, связанных с целями и задачами культурной интеграции этносов, которые были сформулированы в первые годы независимости этих стран. Развал союзного государства привел к временному идеологическому вакууму, а также заставил руководство новых стран искать иные основания для строительства национальных государств, взамен прежних.

Прежде всего, теперь это нужно было делать, исходя из новой реальности, в которой этническими большинствами выступа-

ли местные этносы, такие, как казахи и украинцы, тогда как ранее таким большинством признавался исключительно русский этнос, статус которого, соответственно, был на порядок выше, чем статус этносов союзных республик.

Понятийно-категориальный аппарат того времени унаследовал термины прежней эпохи, наиболее важным из которых считалась т.н. «титুলность нации». Если в СССР такой «титульной нацией» признавался русский этнос, теперь ситуация изменилась в противоположную сторону, и по умолчанию титульные регалии также получили язык и культура местных этносов, так как того требовала интеллектуальная и идеологическая традиция той эпохи. Большинству граждан того времени ситуация виделась в очень упрощенном виде, где в иерархической формуле этнического взаимодействия переменные просто поменялись своими местами, тогда как на самом деле все было во много раз сложнее.

Так, в демографическом и культурном отношении представители русского этноса в обоих государствах составляли крайне весомую долю во всем обществе, не говоря уже о том, что и рабочим, и официальными языками де факто являлся русский язык. Строительство же национальных государств предполагало постановку во главу угла культуры и языка государствообразующих этносов, что актуализировало вопрос о культурной интеграции нового типа.

Иными словами, цели и задачи культурной интеграции, стоящие перед Казахстаном и Украиной, были весьма схожими, так как ядром новой государственной консолидации должны были стать казахский и украинский этносы. Именно такая постановка вопроса позволяет изучать этнические процессы указанных стран в сравнительном ключе.

Исторический экскурс

Для выявления специфики культурной интеграции этносов в Казахстане и Украине необходимо сделать краткий исторический экскурс, который позволит выявить общее и различное в протекании этнических процессов данных стран. Наиболее важным периодом в этом плане является период формирования советского государства, который кардинально трансформировал под единым

знаменателем доселе различное течение жизни казахского и украинского этноса.

Оба вступили в двадцатый век в составе Российской империи, оба пытались реализовать свои уникальные проекты государственности в период между распадом Российской империи и созданием Советского Союза. Оба этноса были структурированы в советском государстве как части союзных республик, и унаследовали свои территориальные границы после распада СССР.

И украинский, и казахский этнос получили невосполнимые демографические утраты в результате политики коллективизации, приведшей к тотальному вымиранию от голода, что оставило глубокие рубцы в массовом сознании обоих этносов. Также схожие параллели можно проследить в процессах индустриализации, создавших демографические и лингвистические диспропорции в ряде регионов, примыкающих к России.

К этому списку необходимо добавить широчайшее распространение русского языка, который, с одной стороны, стал языком науки и техники для этносов союзных республик, а с другой, почти заменил собой казахский и украинские языки, максимально сузив сферу их применения. Итогом нахождения этих языков на периферии государственного и общественного внимания стало закрепление за ними статуса средств коммуникации исключительно руральных сообществ, оставшихся за бортом индустриальной модернизации.

Во всем этом можно проследить общие тенденции, которые и сформировали схожие контуры этнических процессов, характерных для Казахстана и Украины в период обретения суверенитета. В то же время нужно обратить внимание и на ряд важных различий, которые сыграли свою роль, по разному предопределив выбор пути этнического развития и поиска новой идентичности.

Так, территориальное расположение Украины как государства, граничащего с Европой, всегда было важным фактором для формирования украинской идентичности. Идея независимости украинского народа, выраженная посредством создания Украинской Народной Республики, была прервана строительством советского государства, но на время возродилась в период Второй мировой войны. При всей полярности современного отношения к лично-

стям С. Петлюры, С. Бандеры, Р. Шухевича, стоит отметить их огромное влияние на передачу эстафеты идеи независимости украинского народа от поколения к поколению. В постсоветскую эпоху именно пограничное расположение Украины интенсифицировало процессы самоидентификации украинцев как части европейского сообщества.

В таком ракурсе расположение Казахстана было не столь выгодным, так как географическая задвинутость в глубь континента и нахождение в составе советского государства делало любое инакомыслие невозможным. После недолгого существования Алаш-Орды прошло более семидесяти лет, прежде чем казахский этнос смог вернуться к идее создания независимого государства, и это произошло лишь после окончательного распада Советского Союза, причем юридически именно Казахстан последним покинул состав СССР, в отличие даже от России, некогда бывшей ядром данного интеграционного объединения.

Вместе с тем, нужно отметить важную роль антропологических, лингвистических и религиозных различий, которые позволяли достаточно четко очерчивать границы между казахским и русским этносами. Это же обстоятельство, во многом, снижало вероятность межэтнических браков между представителями указанных этносов.

В то же время схожесть по указанным признакам (антропология, вера и языковая группа) явно способствовала сближению украинского и русского этносов, а также повышала возможность заключения брачных отношений для их представителей.

Данные примеры приводят к мысли, что несмотря на общность исторической судьбы, связанной с нахождением казахского и украинского этносов в составе одного государства в советский период, существовало множество различий, которые и повлияли, а порой даже предопределили разные пути культурной интеграции этносов в Казахстане и Украине с момента обретения независимости. Поэтому на данное обстоятельство – наличие различий, необходимо обратить особое внимание, при изучении процессов культурной интеграции этносов, которые являются весьма сложными и неоднозначными.

***Современная практика культурной интеграции:
общее и различия***

С момента обретения независимости в обеих странах началось реформирование системы образования, выражающийся в ее переходе на казахский и украинские языки. При общей схожести данного процесса, выражающимся в едином векторе трансформации, были и существенные различия. В Казахстане было принято решение о существовании школ с т.н. смешанной формой обучения, где обучение детей шло на двух языках (казахском и русском) отдельно, но в рамках одного учебного заведения, что обуславливало совместный характер проведения общешкольных мероприятий, причем на двух языках (собрания, линейки и т.д.). И если в крупных городах разделение на школы с разными языками обучения все же произошло, то во всех остальных случаях преимущество было за т.н. лингвистически «смешанными» школами.

В Украине же, как показывает опрос экспертов, преподавание в школах шло либо на украинском, либо на русском языках, причем количество школ с русским языком обучения неуклонно снижалось. Согласно данным исследования Украинского института политики, в 2020 г. существовало 15 тысяч школ, из них – 13584 с преподаванием на украинском языке (92% от общего количества школ), и 125 – с преподаванием на русском языке (0,85% от общего количества школ) [1]. Такое процентное соотношение говорит о том, что система школьного образования в Украине сейчас фактически полностью функционирует на государственном языке. Экстраполируя эти тенденции на годы вперед, можно заметить, что в 2030 году почти все выпускники школ будут уверенно владеть украинским языком, что, естественно, должно позитивно отразиться на процессах культурной интеграции этносов в украинское общество в будущем.

Схожие различия существуют также в системе высшего образования. В Казахстане по-прежнему сохраняется двуязычность системы высшего образования, заключающаяся в наличии групп с казахским и русским языками обучения, в том числе и в национальных ВУЗах. Украинские же ВУЗы завершили процесс перехода на украинский язык примерно в первое десятилетие независимости,

до этого же шел процесс создания необходимой учебно-методической базы, без которого преподавание на государственном языке было затруднительным. На данный момент преподавание на русском языке ведется лишь в некоторых частных университетах страны, а также на языковых факультетах государственных ВУЗов, где русский язык преподается как иностранный, наряду, например, с английским и китайскими языками.

Косвенным результатом такого перехода высшего образования на государственный язык стало повышение статуса украинского языка, как средства постижения науки и освоения техники, что параллельно сформировало перманентно высокий запрос на художественную, научно-публицистическую и учебную литературу в стране. Все это вкуче также отражается на темпах культурной интеграции этносов в Украине, которые становятся более сфокусированными на ценности освоения государственного языка.

В целом, вопрос использования государственного и русского языка в различных сферах представляется очень важным при изучении процессов культурной интеграции в обеих странах. Характерной особенностью Украины является широкое использование русского языка как средства устной речевой коммуникации, в то время как публичные пространства (уличные указатели, названия учреждений) оформляются на украинском языке.

Украинский язык также используется как официальный во всех сферах, в том числе делопроизводстве и т.д., без дублирования на русский язык. В то же время русский язык активно и повсеместно используется СМИ, а также как язык повседневного общения.

Еще одной особенностью Украины было достаточно четкое разделение страны на регионы, где преимущественно использовался государственный либо русский язык, причем дифференциация шла по вектору «Запад-Восток», и особое положение занимал Крым. Как известно, с 2014 года территория некоторых восточных областей и Крыма, бывших самыми русскоязычными регионами страны, не находится под контролем Украины, что позволяет говорить о постепенной лингвистической гомогенизации остальных частей страны, в пользу украинского языка.

Рубеж как точка невозврата

Это произошло во многом из-за того, что Украина перешагнула в 2014 году определенный рубеж, который разграничил исторические периоды на «до» и «после», что сильно повлияло на процессы культурной интеграции этносов в украинское общество. До этого года в украинском обществе шла активная борьба двух тенденций, связанная с разными политическими позициями. Одна из них во главу угла ставила т.н. «родство славянских народов», украинского и русского, и тяготела к всестороннему развитию связей с Россией, что увязывалось прежде всего с членством Украины в Евразийском Экономическом Союзе. Именно эта страна должна была стать одним из важнейших, если не становых, звеньев евразийской интеграции. На бытовом уровне для многих граждан Украины, особенно пожилых, это означало своеобразную реинкарнацию Советского Союза, что обеспечивало поддержку этого направления ностальгическими мотивами. Такая «советская матрица» латентно предполагала также превалирование русской культуры и языка над украинским, хотя и маскировалась различными идеологическими конструктами.

Вторая тенденция была связана с надеждами на постепенное вхождение Украины в Европейский Союз, что означало для всех украинцев повышение уровня жизни, новый уровень цивилизационных благ и, в целом, движение в сторону европейской интеграции. Данное направление в основном поддерживало молодое поколение, более мобильное, имеющее надежды на успешную адаптацию к новым условиям существования. Косвенно это означало идентификацию украинцев как части «европейской семьи народов», полный отход от советской идеологической практики, и главенство украинской культуры и языка как базовых для интеграции всех иных этносов.

Борьба указанных двух тенденций шла на протяжении многих лет, что вызывало приход и отход к/от власти то сторонников пророссийской политической силы, то национал-патриотов. Такой волновой процесс четко коррелировал со сменой череды президентов, одни из которых были ориентированы на интеграцию с Россией (Л. Кучма, В. Янукович), другие отстаивали идею

самодостаточности и независимого развития украинского народа (Л. Кравчук, В. Ющенко, П. Порошенко).

Можно констатировать, что в 2014 году, после серии драматических событий, связанных с нарушением территориальной целостности Украины, огромными человеческими и экономическими издержками, в украинском обществе произошел некий перелом, в результате которого сторонники суверенного развития получили новые аргументы, для убеждения сомневающихся и колеблющихся в верности и правильности своей точки зрения. Напротив, сторонники пророссийской ориентации утратили во многом моральное преимущество, так как гипотетические выгоды от союза с Россией были трудно сопоставимы с реальным, осязаемым ущербом, источником которого стала российская сторона.

Конечно, со временем, вполне возможно восстановление позиций сторонников пророссийской ориентации, но, с учетом произошедшего, это будет растянутым по времени процессом, плюс не очевидно, что доверие общества возможно будет вернуть до уровня предкризисного 2013 года. В этом отношении можно сказать, что в 2014 году в украинском обществе сформировались некие скрытые предохранители, препятствующие возврату в прежнее состояние.

В то же время, думается, упомянутый волновой процесс не стоит абсолютизировать, так как процессы культурной интеграции, запущенные в самом начале независимости Украины, исподволь захватывали все большие и большие слои населения, и никакой откат не мог бы вернуть ситуацию назад. Украинизация общества достигла своей точки невозврата, превратившись во многом в автокаталитическую реакцию, и события, последовавшие вслед за Революцией чести (*Революція Гідності*), закрепили имеющееся положение вещей, а также ускорили процессы культурной интеграции на украинской этнической основе.

Если экстраполировать данное утверждение на политическую и идеологическую линию, которую реализовывает верховная власть в Украине, можно сказать, что теперь всякий президент страны обязан не просто номинально поддерживать курс на суверенное развитие страны, но и должен это доказывать своими реальными делами, иначе просто потеряет критически важную поддержку со стороны украинского общества. Образно выражаясь,

произошла институционализация украинского вектора культурной интеграции этносов.

В Казахстане же языковая дуальность продолжает сохраняться, отражаясь в том числе и в положении Конституции, согласно которому русский язык официально употребляется в государственных организациях и органах местного самоуправления. Также фактически везде все публичные пространства оформляются на двух языках, а принципы двуязычности используются для всех сфер.

Исходя из этого, можно утверждать, что область применения русского языка остается очень широкой, а порой даже доминирующей над казахской. Обратной стороной такого положения вещей является то, что русскоязычная аудитория не имеет никаких стимулов, кроме своей доброй воли, для освоения государственного языка, так как может полноценно и комфортно существовать вне казахского языкового поля.

Полилингвизм, таким образом, по большей части остается уделом этнических казахов, владеющих, помимо государственного, еще и русским языком. Трудно сказать, насколько все это соотносится с идеей культурной интеграции этносов в казахстанское общество, но можно предварительно констатировать, что такой односторонний подход сильно влияет на скорость процессов национализации на казахском этническом субстрате.

Еще одним различием, влияющим на процессы культурной интеграции, является подход к вопросам этнического и гражданского в Украине и Казахстане. В Казахстане на уровне общепринятого понятия на протяжении десятилетий укрепился термин «казахстанец», обозначающий гражданскую принадлежность, безотносительно к этнической. Одновременно с этим есть четкое разделение граждан по их этническому признаку, что находит отражение даже в дискуссии относительно сохранения или отмены графы «национальность» в удостоверениях личности (ID).

В Украине же понятие «украинец» официально означает прежде всего наличие у человека гражданства этой страны, и является обобщающим термином, вне этнической принадлежности. Принадлежность к той или иной этнической группе также не отображается в каких-либо документах гражданина, хотя и может использоваться им для самоидентификации. В различных аналитических

документах говорят о т.н. русскоязычных (*російськомовні*) гражданах, хотя и этот термин признается недостаточно релевантным по ряду моментов, так как большинство граждан страны, вне их этнической принадлежности, уверенно владеют русским языком.

Думается, что здесь определенную роль сыграла уже вышеупомянутая антропологическая схожесть представителей двух крупнейших этносов страны – украинцев и русских, что обуславливает высокую возможность заключения браков между ними, из-за схожести внешности, а также близости вероисповедания и языков. Косвенно это подтверждает и информационный дискурс украинских СМИ, где под смешанными браками подразумевают браки украинцев с иностранцами, например, из Кореи, а не браки граждан Украины разных этнических групп.

Такое расширительное толкование понятия «украинец», с одной стороны, потенциально снижает межэтническую напряженность в стране, по крайней мере, между украинским и русским этносами, а с другой, выводит на авансцену политическую составляющую идентификации граждан Украины. Таким образом, этнические вопросы плавно переходят в категорию политических, и зависят от каждодневного выбора самого гражданина (служить ли ему в армии, за кого голосовать, какую политическую платформу поддерживать и т.д.). Думается, что при определенных условиях это может способствовать более эффективной интеграции этносов в Украине.

В Казахстане также активно продвигается идея гражданской нации, на примате казахской культуры, но единого мнения насчет будущего термина «казахстанец» в обществе еще не сформировано. Можно предположить, что если многовекторная внешняя политика Казахстана, вкуче с экономическим ростом и улучшением благосостояния всех граждан, будет успешна, став антиподом политики изоляционизма и экономической несвободы, то понятие «казахстанец» может обрести новые смыслы и оказывать свое влияние на процессы интеграции этносов, посредством своего высокого статуса.

В этом ключе можно отметить, что нечто подобное уже происходит в Украине, из-за провозглашенной цели интеграции этой страны с Европой, и, в будущем, вхождении в состав Европейского

Союза. В перспективе украинцы могут получить статус граждан данного интеграционного объединения, а с 2017 года уже действует безвизовый режим со странами Шенгенской зоны, позволяющий находиться 90 дней без всяких дополнительных документов, кроме паспорта гражданина Украины. В связи с едиными правилами, которые должны соблюдаться в Европейском Союзе, есть обоснованные надежды на повышение уровня жизни украинцев, кроме того, уже сейчас это облегчает возможность поиска работы для граждан Украины в ЕС.

Такие перспективы повышают привлекательность гражданства Украины, и в целом усиливают мотивацию к культурной интеграции этносов в ткань украинского общества. Представители украинского, русского и иных этносов, особенно из числа молодежи, видят зримые экономические ориентиры в будущем, и соответственно им выстраивают свои жизненные приоритеты.

Относительно же казахстанского статуса гражданства можно отметить, что он не является сейчас настолько высоким, чтобы нивелировать миграционные тенденции со стороны части молодых русских казахстанцев, которые выезжают за пределы страны с целью обучения в России, а впоследствии социализируются и остаются там.

Но статус гражданина Казахстана имеет определенную ценность для представителей таких этнических групп, как узбеки, кыргызы и уйгуры, так как предполагает для них ряд экономических, социальных и культурных преимуществ, в отличие от представителей этих же этнических групп, но являющихся гражданами других стран, прибывшими в качестве трудовых мигрантов, либо испытывающих этнический прессинг на родине (уйгуры СУАР).

Вопрос демографии

Еще одним пунктом, на который необходимо обратить внимание, является вопрос о влиянии демографии на процессы культурной интеграции. В частности, существует точка зрения, что демографическое доминирование автохтонного этноса автоматически обеспечивает интеграцию иных этносов на основе его языка и культуры.

В этом отношении Украина являет собой разительный обратный пример, так как на протяжении всех лет независимости в этой стране идет снижение численности населения, и в том числе этнических украинцев. Согласно данным Государственной службы статистики Украины, за июль 2020 года, в стране проживает 41 миллион 662 тысячи граждан, без учета данных по Крыму [2]. В 2001 же году численность составляла более 48 миллионов 457 тысяч человек [3]. Даже без учета данных по Крыму и Донбассу, можно говорить о существенном снижении численности населения Украины на протяжении всего периода независимости.

В Казахстане же численность населения с 2001 года продолжает расти, и к концу 2020 года будет составлять, согласно прогнозам ООН, 19 миллионов 189 тысяч человек [4]. По расчетам на основании данных Комитета статистики МНЭ РК, казахи составляют примерно 67 процентов, русские – 19 процентов от общей численности населения [5]. При этом в 2018 году, по данным МОН РК, в школу пошли 341 846 человек, из них в классы с казахским языком обучения 223 705 (более 65 процентов от общего числа первоклассников), а с русским – 111 007 (менее 32 процентов) [6].

Таким образом, в 2028 году количество выпускников школ, обучавшихся на казахском языке, будет превышать количество русскоязычных выпускников более чем на тридцать процентов, и это без учета того обстоятельства, что определенную часть из русскоязычных выпускников также будут составлять этнические казахи. Иными словами, около 70 процентов выпускников будут обязательно владеть государственным языком.

Можно ли говорить, что такое доминирование однозначно обеспечит культурную интеграцию иных этносов на примате казахского языка и культуры? С учетом лингвистической дуальности системы образования, растянутости по времени процессов перехода системы высшего образования на казахский язык, доминирования русского языка во всех сферах применения, ответ не может быть однозначным.

Казахстанский эксперт Р.Кадыржанов в научной статье «О влиянии постсоветской этнодемографической динамики на культурную интеграцию этносов в Казахстане» озвучивает причины, по которым такая культурная интеграция может не произойти:

«Во-первых, в Казахстане очень велика доля населения, для которого русский язык является единственным языком, а другого языка оно не знает. Помимо самих русских к таковым можно отнести украинцев, белорусов, немцев, корейцев и ряд других национальностей. В совокупности они составляют значительную часть населения Казахстана.

Во-вторых, казахи, как мы указывали, отличаются высоким уровнем русификации. Это позволяет их отнести к числу самой большой русифицированной нации неславянского происхождения. В-третьих, в силу этих двух причин, русский язык является по своему реальному положению языком межнационального общения в полиэтническом казахстанском обществе. Наконец, в-четвертых, казахский язык очень мало применяется и потому функционально ограничен в сферах технологии, бизнеса и многих других...» [7].

С учетом тех же факторов можно с уверенностью утверждать, что в Украине процесс культурной интеграции этносов на базе украинской культуры и языка, даже в условиях снижения общих демографических показателей, будет существенно интенсифицирован, за счет уверенного доминирования государственного языка в сфере образования, расширения областей его применения и повышения статуса как языка страны – будущего члена Европейского союза.

Примечания и литература

1. ‘Динаміка кількості шкіл та учнів за мовами навчання’. Український Інститут політики, 2020. [Электронный ресурс]. URL <http://https://uiamp.org.ua/uk/isl/dynamika-kilkosti-shkil-ta-uchniv-za-movamy-navchannya> (дата обращения: 15.08.2020).

2. ‘Чисельність населення (за оцінкою) на 1 липня 2020 року та середня чисельність у січні-червні 2020 року’. Державна служба статистики України, 2020. [Электронный ресурс]. URL http://database.ukrcensus.gov.ua/PXWEB2007/ukr/news/op_popul.asp (дата обращения: 15.08.2020).

3. ‘Всеукраїнський перепис населення 2001’. Державний комітет статистики України, 2004 [Электронный ресурс]. URL <http://2001.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 15.08.2020).

4. ‘World Population Prospects. Population Dynamics’. United Nations. Department of Economic and Social Affairs, 2020.[Электронный ресурс].

URL [http: https://population.un.org/wpp/DataQuery/](https://population.un.org/wpp/DataQuery/) (дата обращения: 15.08.2020).

5. Нуршаихова, Ж. 2020. 'Демография и миграция Казахстана: вызов и возможности для страны'. Strategy 2050: Обзорно-аналитический портал. [Электронный ресурс]. URL [http: https://strategy2050.kz/ru/news/demografiya-i-migratsiya-kazakhstana-vyzov-i-vozmozhnosti-dlya-strany/](https://strategy2050.kz/ru/news/demografiya-i-migratsiya-kazakhstana-vyzov-i-vozmozhnosti-dlya-strany/) (дата обращения: 15.08.2020).

6. Малакшинова, А. 2018. '340 тысяч первоклассников пойдут в казахстанские школы в 2018 году'. [Электронный ресурс]. URL [http: https://informburo.kz/novosti/340-tysyach-pervoklassnikov-poydut-v-kazahstanskie-shkoly-v-2018-godu.html](https://informburo.kz/novosti/340-tysyach-pervoklassnikov-poydut-v-kazahstanskie-shkoly-v-2018-godu.html) (дата обращения: 15.08.2020).

7. Кадыржанов, Р. 2019. 'О влиянии постсоветской этнодемографической динамики на культурную интеграцию этносов в Казахстане', Казахстан-Спектр, № 2 (88), с.89-90.

SUMMARY

Rustem K. Kadyrzhanov (ed.). Cultural Integration of Ethnic Groups in Kazakhstan. – Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies under the Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, 2020.

The book offered to the reader's attention is a result of the implementation of the research project «Cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan». The project was carried out in 2018-2020 at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan within the framework of the grant funding program. Principal investigator of the project, chief researcher of the IPPR KN MES RK, Doctor of Philosophy, Professor Rustem K. Kadyrzhanov.

Briefly revealing the importance of the topic of cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan, let us point out the role that cultural integration of ethnic groups plays in the nation-building not only of Kazakhstan, but also of any multi-ethnic society. The most important condition for the existence of a national state is the cultural and linguistic integration of its population, which in the modern world is a complex multi-component society, consisting of linguistic, cultural, religious and other social groups differing from each other. But in order for this complex diversity to exist and function as a single national whole, society must have one language that would be understandable to most citizens of the state and thereby integrate them into a single cultural and political community, that is, a nation. This language plays a vital role in nation-building and is therefore called the national language.

From the outset, we would like to clarify the relationship between the concepts of «culture» and «language», which are widely used in this work. Indeed, we study the cultural integration of ethnic groups, while focusing on the language and linguistic relations of ethnic groups. Undoubtedly, language is a part of culture, while occupying a special place in the culture of a people or nation. Most types of culture and art cannot exist without language: literature, drama, theater, opera, song, poetry, cinema, etc. Language is a building material and at the same time the foundation of national culture and the nation as a whole. In many respects, language and

culture act as concepts that are close in content, being used in the same context as synonyms. Cultural interaction of ethnic groups in society, as a rule, takes the form of linguistic interaction.

Cultural integration of ethnic groups in the form of linguistic interaction of ethnic groups is associated with the relations of dominance and subordination, which ethnic groups enter in the process of integration. Cultural and linguistic dominance in the society of ethnic group A over ethnic group B means that ethnic group B is forced to master and use the culture and language of ethnic group A in order to be able to live and survive in this society. In this case, in the cultural and linguistic relations of ethnic groups A and B, we define ethnic group A as dominant, and ethnic group B as subordinate and integrating into ethnic group A.

As a rule, the language of the core group is common for the national community, its integrating language. A core group is that part of a nation that makes up its core, that is, that group, after which the nation itself was named, and then the national state. The core group constitutes a demographic majority in the population of the nation state, and it is historically associated with the territory and the state itself, being its autochthonous population. In Soviet times, this population was defined as the «indigenous people» of the national republic. In post-Soviet conditions, the terms «titular nation» or «state-forming nation» have become more common for core groups. These terms are widely used in modern Kazakhstan to define the place of Kazakhs in the nation-building of its multi-ethnic population.

The core group in the national community of Kazakhstan is undoubtedly the Kazakhs. Therefore, it would be natural to expect that it is the Kazakh language that is the integrating language for the multiethnic population of Kazakhstan, that is, all ethnic groups, or at least the majority of them, should speak Kazakh and use it for interethnic communication. But in reality of modern Kazakhstani society this is not the case; in fact, the function of the language of interethnic communication in Kazakhstan is performed not by the Kazakh language, but by the Russian language. As in Soviet times, the Russian language remains the language of interethnic communication, uniting and integrating all ethnic groups in Kazakhstani society.

Foreigners arriving in Kazakhstan quite naturally expect that everyone here speaks Kazakh. However, from the very first steps of their stay in Kazakhstan, foreigners are surprised to find out that everyone around speaks not Kazakh, but Russian. For example, a Canadian who recently visited

Kazakhstan, upon returning home, was surprised to say that Kazakhs are similar to Chinese, but speak Russian, just like other nationalities of the country.

In terms of the theory of social integration, the situation in Kazakhstan can be described in such a way that here the cultural and linguistic integration of a multiethnic society takes place not in the language of the main, or core, group, which is the Kazakhs and their Kazakh language, but in the language of the former state, which they were part of. This language, that is, Russian, is not native to Kazakhs, since they have their own language, inherited from their ancestors, and belonging to the Kipchak group of Turkic languages. But in order to communicate with other ethnic groups of the country, Kazakhs are forced to speak Russian and thus be bilingual citizens, while Russians and other Russian-speaking ethnic groups (Ukrainians, Belarusians, Germans, Koreans, Tatars and many other nationalities) need only know only Russian and remain monolingual.

Usually in national states the linguistic situation looks exactly the opposite, that is, the core group is monolingual, content with its own language as a common language for all ethnic groups that integrate them, while national minorities, as a rule, speak two languages, namely, their own language and in the dominant language of the core group in society. Knowing this, Kazakhs feel frustrated why their language, being the language of the core group, cannot become a language that integrates a multi-ethnic society, and in this capacity operates the language of an ethnic group, which has now become a national minority.

It seemed that Kazakhstan, having become a national state, and the Kazakhs by its core, demographically dominant group, would naturally turn their language into a common language that would integrate all ethnic groups. In other words, the Kazakh language will play the same role in a multiethnic society that the Russian language played in Soviet times, and in the post-Soviet states the languages of their titular nations. However, despite all the efforts of the state to promote Kazakh, which is the state language, so that all ethnic groups of the country speak it, national minorities, as well as many Kazakhs, continue, as in Soviet times, to use Russian in verbal and written communication.

In Soviet times, the Kazakhs had more grounds for frustration, because apart from the dominance of the Russian language and the peripheral position of the Kazakh language, the Russians for several decades, except the 1980s, were a demographic majority, and the Kazakhs were the second

largest people in their «own» republic. Often, by the way, the leading position of the Russian language in Soviet Kazakhstan and the Russification of Kazakhs were explained by the demographic predominance of Russians over Kazakhs. The double dominance, demographic and linguistic, of Russians gave rise to doubts among the Kazakhs whether the Kazakh SSR could be considered «their» national statehood, even if the Soviet union republic was in many ways a conditional form of this statehood.

The demographic changes that took place during the period of independence, when the Kazakhs became the absolute majority of the population, having established themselves as a core group, seemed to have removed the doubts of the Soviet era, that is, Kazakhstan is unequivocally recognized as the national state of the Kazakhs. However, the continued dominance of the Russian language leaves room for some doubt about this. Moreover, the share of Kazakhs in the population of Kazakhstan is growing from year to year and, according to experts, is close to 70%. This is a fairly high level of demographic dominance of the core group in the country's population, which shows that its share is more than twice the total percentage of all other ethnic groups taken together. At the same time, the language of the nuclear group, which constitutes the majority in most regions of Kazakhstan and has the constitutional status of the state language, cannot become the dominant language in the country for three decades. This situation, of course, hits the vanity of the nation, which sees itself as a core, or state-forming, nation in Kazakhstan.

The cultural and linguistic situation that has developed in Kazakhstan is characteristic of the post-Soviet period and has its historical roots in the Soviet past. All Soviet peoples went through national-Russian bilingualism, which was aimed at ensuring that national minorities master the Russian language and turn into homo sovieticus. However, most of the titular Soviet nations managed to avoid Russification, retaining their own language in their ranks. This allowed them in the post-Soviet period to ensure the dominance of the title language in their independent states.

The cultural and linguistic situation that developed in Soviet Kazakhstan in terms of bilingualism turned out to be closer to the Slavic republics (Belarus and Ukraine) than to the non-Slavic republics. The titular nations of these three republics were characterized by a high level of Russification. Kazakhs turned out to be one of the most Russified non-Slavic nations. The post-Soviet development of these three republics and their titular peoples has demonstrated the deep rooting of the cultural

and linguistic processes that developed during the Soviet period, first of all, Russification. In Kazakhstan, the government's policy on the Kazakhization of socio-cultural processes cannot significantly change the existing linguistic balance.

Of course, most Kazakhs believe that sooner or later the entire multiethnic population of Kazakhstan will speak the Kazakh language, cultural integration of ethnic groups around the Kazakh language will take place and Kazakhstan will become a full-fledged national state of Kazakhs. However, the prospects for replacing the Russian language with the Kazakh language as the basis for the cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan look not obvious: there are arguments both in favor of such a statement and arguments against such a statement.

The problem of cultural integration of ethnic groups is of great importance for understanding the national and cultural-linguistic development of Kazakhstan in its past, present and future. At present, the cultural integration of ethnic groups represents the linguistic situation in Kazakhstan in a rather paradoxical form from the point of view of the practice of nation-building. Nation-building practice indicates that the language of the core group is an instrument that integrates national minorities. However, contrary to the established practice, nation-building in independent Kazakhstan demonstrates that the Kazakh language, as the language of the core nation, does not perform an integrating function, and this function is performed by the Russian language.

The socio-historical roots of this situation go back to the Soviet period in Kazakhstan, when the Russification of Kazakhs took place as a result of the policy of bilingualism. The influence of this policy on the cultural and linguistic integration of ethnic groups in Kazakhstan turned out to be so strong that the Russian language continues to dominate in the multi-ethnic society today, and the Kazakh language, despite some progress in spreading among the Kazakhs, cannot take the position of the leading means of interethnic communication.

Finally, the third time dimension - the future - poses a question for researchers of the cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan: will the cultural and linguistic development of the country lead to a situation where Kazakhstan will become a «normal» society in terms of ethnocultural integration, that is, the Kazakh language will become a common language that will integrate ethnic groups? Or will Kazakhstan remain an exception to the rule, according to which the language of the core group is the

language that integrates the multiethnic community and another language plays this role in it?

In our book, we investigate the problem of cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan in its present and past dimensions. Only the present and the past give scientific analysis the opportunity to study social processes and institutions on the basis of their historical development in time and space.

The book is divided into three sections, which are in turn divided into chapters. The first section «Forms and models of cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan» examines two main forms of ethnocultural integration - Kazakhization and Russification. Along with the forms, we will consider the models of cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan. These models are forms of implementation of forms of cultural integration by certain socio-political forces acting as representatives and defenders of the interests of the main ethnic groups of Kazakhstan.

The analysis of nation building in Kazakhstan shows the existence of three main models of cultural integration as ways of expressing ethnocultural interests of Kazakhs, Russians and other ethnic groups in Kazakhstan. The first of these models can be defined as a «dual model», since it is based on supporting the cultural and linguistic interests of the main ethnic groups of Kazakhstan - Kazakhs and Russians. This model is discussed in the first chapter «The dual model of cultural integration of ethnic groups in the context of national integration in Kazakhstan.» This model is plural in the sense that it reflects the interests of not one, but both of the main ethnic groups of the country. It is implemented by the authorities and serves as the basis for its policy of cultural integration. Its meaning is in the priority of the Kazakh language and culture, but at the same time in supporting the Russian language and languages and cultures of other ethnic groups in the country. In many respects, this is a continuation of the Soviet national-cultural policy, but with its help the authorities achieve legitimacy and interethnic stability in a multi-ethnic society.

The second chapter «National-patriotic model of cultural and linguistic Kazakhization of ethnic groups in Kazakhstan» of the first section examines the second model of cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan. For the Kazakh elites, Kazakhization in terms of cultural integration means the dominance of the Kazakh language and culture over the rest of the languages and cultures of Kazakhstan. In this sense, the Kazakh nation should become dominant in Kazakhstan, while everyone else, including

the Russians, will find themselves in the position of subordinate groups. Kazakh elites take an example from those post-Soviet states where the dominance of the language and culture of the titular group takes place. Defending their positions on controversial issues of ethnocultural integration, Kazakh national-patriots proceed from the fact that Kazakhstan is a Kazakh national state. Therefore, it should be a «political roof» for the development of the Kazakh language and culture and, therefore, the Kazakh people. In matters of ethno-cultural integration of the multi-ethnic population, this means that the state should pursue a policy aimed at the dominance of the Kazakh language and culture in the cultural and linguistic space of Kazakhstan. To this end, the state adopted a law on languages and other laws aimed at dominating the Kazakh language in the cultural and linguistic space of Kazakhstan. Kazakh elites criticize the authorities and their policy of cultural integration for the low rates of Kazakhization and for large concessions to the Russian language and culture. This section examines the main elements of the mono-national model, its ideological foundations and institutional ways of promoting this model.

As a reaction to the dual Kazakh-Russian model of the ruling elite and the mono-national model of cultural assimilation of Kazakh national-patriots, one can consider the conservative-restoration in its orientation Russification model of the cultural integration of ethnic groups. This model is put forward by the Russian-Slavic and Cossack organizations of Kazakhstan. Russian organizations accuse the authorities and Kazakh elites of ethnocracy, belittling the status of the Russian language and striving to reduce the scope of its use. They advocate providing the Russian language the status of the second state language, restoring Russian-Soviet symbols and other measures of conservative nature as a way to democratize society and the political system in Kazakhstan. Considering the reactions of Kazakh Russians to independent Kazakhstan and its national policy over thirty years from the point of view of the well-known formula “exit, voice, loyalty”, we can conclude that the most popular of them are “exit” and «loyalty». The minority resorts to the “voice” reaction. In the 1990s the voice was approached by a greater number of Kazakhstani Russians, united both in organizations and on an individual basis. Over time, as the authoritarian regime in Kazakhstan strengthens, fewer and fewer Russians are turning to this reaction. The Russification model we are considering was formed and exists within the framework of the “voice” reaction, that is, within the framework of the protest activity of Russian organizations.

The second section of the book «Kazakhization and Russification in Kazakhstan: Ethnic Perceptions, Historical Roots and Social Factors» is devoted to various aspects of the modern language situation in the country, as well as historical reasons for the dominance of the Russian language in Kazakhstan. The first chapter of this section «Perceptions of the language situation and language policy by ethnic groups of Kazakhstan» analyzes the data of sociological research on the perception of Kazakhs, Russians and other ethnic groups of the state language policy and the current language situation in the country. The results of a mass sociological survey confirm the empirically observed dominance of the Russian language in public places (in shops, in transport, etc.), in public service institutions (polyclinics, public service centers, etc.), in the workplace. At the same time, the Kazakhs, as the survey results show and as we see it in life, are bilingual, using Kazakh and Russian languages in the social space, while Russians and most other ethnic groups remain monolingual with knowledge of only Russian. Even in the family, a significant proportion of Kazakhs communicate in Kazakh and Russian, while Russians and other ethnic groups communicate mainly in Russian. This situation in language practice is reflected in the attitude of the multiethnic population to the state language policy. On the one hand, the majority of Kazakhstanis consider the state's policy to support the Kazakh and Russian languages to be correct. On the other hand, the majority of Kazakhs support state measures to spread the Kazakh language in society, while Russians and other ethnic groups generally do not support these measures.

In the second chapter of the second section «Russification in Soviet and Post-Soviet Kazakhstan: Internationalism and Kazakh-Russian Bilingualism», historical roots of Russification in Kazakhstan are associated with the Soviet national policy of internationalism and Kazakh-Russian bilingualism. The Soviet policy of internationalism and ethno-territorial federalism contributed to the development of the Kazakh language, but only in rural areas, where the Kazakh population predominated, in whose economic activities elements of the traditional way of life were preserved. This contributed to the preservation of the Kazakh language in the aul, rural areas, where there were practically no other nationalities besides the Kazakhs, and therefore there was no influence on the language practice of rural Kazakhs. Internationalism and bilingualism proved to be effective in terms of the Russification of Kazakhs in cities where Kazakhs were in the minority and were in constant interethnic conflict with the demographically

dominant Russians and other Russian-speaking ethnic groups. Although Kazakhs, like other Soviet nationalities, were characterized as bilingual, however, those who could be attributed to the assimilated bilingual category predominated among them. In the linguistic repertoire of the members of this group, the Russian language dominated over the national language, contributing to their Russification. The post-Soviet Kazakh-Russian bilingualism retains a high proportion of urban Kazakhs with persisting assimilated bilingualism. This contributes to the preservation of the Russification of Kazakhs and other ethnic groups in Kazakhstan.

In the third chapter of the second section «Linguistic Kazakhization and Post-Soviet Ethno-Demographic Dynamics: Compatible or Not?» the discussion continues about the influence of social and political factors of the Soviet era on the language situation in modern Kazakhstan. Here, however, the focus is not on language policy, but on demographic policy and the situation of the Soviet era and its impact on Russification and Kazakhization in Soviet and post-Soviet times and their future prospects. Among the factors of cultural integration of ethnic groups, experts often turn to demography, seeing in it an explanation of the current situation in the cultural and linguistic sphere of Kazakhstan. During the Soviet period, the relationship between the size of the main ethnic groups in Kazakhstan and the dominance of the Russian language looked more obvious. The demographic dominance of Russians led to significant Russification of Kazakhs and other non-Russian peoples during the Soviet period. During the years of independence in the southern and western parts of Kazakhstan in the cities, the Kazakh population dominates over the Russians, that is, the Kazakhs have become a demographic majority, and the Russians, respectively, a demographic minority. Based on this, many experts predicted that cities in this part of Kazakhstan, in particular, the country's largest city, Almaty, would become Kazakh-speaking. Their predictions were based on the correlation between the ethno-demographic factor of the size of the ethnic majority in the community and the language that dominates it. The reality of modern Kazakhstan, however, does not match these predictions. Without fear of making a mistake, it can be argued that Almaty, like other large cities in Kazakhstan, remain generally Russian-speaking. Despite the fact that the majority part of the population of the cities of Kazakhstan, today are Kazakhs, the Russian language still dominates the urban social space.

The fourth chapter of the second section «Will the education system become a factor of linguistic Kazakhization in Kazakhstan?» analyzes the

teaching of the Kazakh language in schools in Kazakhstan as a compulsory subject of the curriculum throughout the years of schooling. In this regard, the state pins great hopes on the education system, which should increase the number of Kazakh speakers not only at the expense of Kazakhs, but also of other ethnic groups, primarily Russians. Practice shows that the education system has made some progress in increasing the number of Kazakhs speaking Kazakh, but cannot fulfill the task of increasing the number of Russians and other ethnic groups speaking Kazakh. Therefore, ethnocultural integration based on the Russian language and culture remains the main form of national integration in Kazakhstan.

Comparative studies of the cultural integration of ethnic groups occupy an important place in the scientific project and the book. The book is devoted to the third section «Comparative studies of cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan and post-Soviet countries», which includes three chapters. The first of them «Russification in Kazakhstan and Uzbekistan in the Soviet and post-Soviet periods» provides a comparative analysis of the processes of Russification of indigenous peoples in Kazakhstan and Uzbekistan. National building within the framework of Soviet modernization projects was aimed, on the one hand, at the formation of titular nations in the union republics. On the other hand, the end result of the national project was to be a single Soviet people. The most important component of the Sovietization of the peoples of the USSR was their Russification. It should be noted that the national policy of the Soviet regime was able to quite successfully Sovietize the peoples of Central Asia. However, due to the influence of various cultural and historical factors on these peoples, their Sovietization in relation to the Russian language acquired various forms. The Sovietization of the Kazakhs was accompanied by a high level of their Russification, while the Sovietization of the Uzbeks was characterized by a limited Russification. These differences, which developed back in the Soviet period, acquired an even greater scale in the processes of ethno-cultural integration of Kazakhstan and Uzbekistan after they gained independence.

The second chapter of the third section «Comparative analysis of the national and linguistic policy of the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan» analyzes the national and linguistic processes in the two post-Soviet states through ethnointegration trends. The specificity and at the same time the complexity of the formation of the national and linguistic policy of Kyrgyzstan was and is that, unlike Kazakhstan, where there is one

titular nationality, which includes the indigenous population - Kazakhs, in Kyrgyzstan, with one titular nationality - Kyrgyz, de facto there are two indigenous peoples - the Kyrgyz themselves and also the Uzbeks of the south of Kyrgyzstan. This circumstance creates a latent conflict potential, which manifested itself in the Osh events of 1990 and 2010. In Kazakhstan and Kyrgyzstan, there is an understanding of the need for a path to a civil nation, but the subjects of politics do not clearly formulate its goal - to build a civil nation and are guided, sometimes under pressure from a part of the public, ideas and the concept of the Stalinist understanding of the nation. The party system of Kyrgyzstan is more active than parties in Kazakhstan in discussing policy in the field of interethnic relations and language policy. However, as practice shows, there is a danger of politicization and conflict of opinions on issues of interethnic relations. At the moment, in the two studied countries, a public consensus on national and language policy issues has not been put on the agenda.

The third chapter of the third section «Comparative analysis of ethno-cultural integration in Kazakhstan and Ukraine» reveals the common features and differences of ethno-integration processes in the two post-Soviet states. On the example of the transformation of the education system in Kazakhstan and Ukraine, the difference in approaches to solving the problem of integrating representatives of non-titular ethnic groups into the fabric of the society of nationalizing states is shown. The chapter examines the impact of a series of events on the processes of cultural integration in Ukraine after the milestone year 2014. In addition, based on the study of the correlation between demographic trends and the development of spheres of use of the languages of the titular ethnic groups, the effectiveness of the selected models of cultural integration in Kazakhstan and Ukraine is compared from the moment of gaining independence to the present.

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЭТНОСОВ В КАЗАХСТАНЕ

Дизайн и верстка: *Ж. Рахметова*

Подписано в печать 14.10.2020.
Формат 170х240 $\frac{1}{16}$
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,75.

Отпечатано в типографии ТОО «378»
г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1